

И. Н. Белогруд

А. В. Климов

**Стальной
«Альбатрос»**

2014

**ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ БЕЛОГРУД
АЛЕКСАНДР ВСЕВОЛОДОВИЧ
КЛИМОВ**

**СТАЛЬНОЙ
«АЛЬБАТРОС»**

**Паровая типолитографія А.А.Лапудева
Москва
Георгіевскій переулокъ, домъ 19
2014**

Игорь Николаевич Белогруд, Александр Всеволодович Климов.
Стальной «Альбатрос». – Москва, Паровая типолитография
А.А.Лапудева, 2014 – 192 с., илл.

Впервые под одной обложкой собраны все фантастические произведения советских писателей-фантастов И.Н.Белогруда и А.В.Климова. В издании сохранены оригинальные иллюстрации.

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения, извлечения прибыли и т.п.

Все материалы получены из открытых источников.

© И.Н.Белогруд, А.В.Климов, 1984–1992

© Паровая типолитография А.А.Лапудева, состав, редактирование, 2014

ЦВЕТOK

(ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ)

Игорь БЕЛОГРУД
Александр КЛИМОВ

Их было двое: верные друзья и непримиримые спорщики. Они были настолько не схожи характерами, что, видимо, только этим и удавалось объяснить их привязанность друг к другу. Работали они в астродесанте, и звали их Ян и Пауль.

Ян — выдержанный, спокойный, смотрящий на мир трезво, признающий только факты и заключения, основанные на логике. Пауль — фантазёр, экспансивный человек порыва и увлечения. Такие разные, они в то же время были неразлучны и связывал их, как ни странно, спор. Разве может быть неинтересен спор с человеком, смотрящим на мир совершенно по-другому? Сколько нового просыпается в нас после таких дискуссий... Подчас начинаешь сомневаться в том, в чём был уверен всю жизнь. Ещё бы: взглянуть на привычные вещи чужим взглядом!

Ян и Пауль десантировались на одну из безымянных планет звезды X. Дальний сектор неизученного скопления, волна информации, новые сенсационные данные — так это выглядело со стороны, а изнутри — трудная кропотливая работа. Друзья, конечно, были в одном отряде. В этот день они проходили обычный тридцатикилометровый маршрут первичной разведки планеты; сами они называли такую работу «прогулкой». В скафандрах, гермошлемах, с оружием и инструментами для сбора образцов они шли по азимуту от одной промежуточной базы к другой. В наушниках раздавал тихие голоса, изредка прерываемые атмосферными разрядами и позывными базы. Иногда кто-нибудь из них останавливался, отхватывал резак ветку приглянувшегося растения и опускал в вакуум-контейнер.

Невысокие холмики заросли тонкой травой, чуть влажной от росы и переплетённой, как сеть-паутинка. Она вздрагивала даже при полном безветрии, колыхалась плавными волнами. Ноги разведчиков поминутно увязали в зелёном ковре, и они, чертыхаясь, выдирали их из грязи вместе с колочками желтеющих стеблей.

В долине петляла речушка, сплошь заросшая чешуйчатými, похожими на гигантские веера, деревьями. Её сонное бормотанье заползло в наушники.

Внезапно из-за стены кустарника вылетела небольшая пёстрая птица. Собственно, это была не птица: просто человек всегда ищет аналогии с чем-то земным, понятным и хорошо знакомым. Существо имело три пары прозрачных с прожилками крыльев, вытянутую шею, оканчивающуюся круглой головкой. Того, что привыкли видеть у всех птиц — клюва, лап, хвоста — не было. Странное создание застрекотало в воздухе. Крылья описывали радужные круги. «Птицу» подкинуло вверх, и в этот момент раздался сухой треск. Существо сложило прозрачные крылышки и камнем упало на травяное поле.

Пауль резко обернулся и увидел, как Ян убирает в кобуру парализатор. — Зачем ты это сделал? — крикнул он в микрофон.

Ян удивлённо посмотрел на товарища и ответил:

— Образец.

— А может быть это — один из них! — воскликнул Пауль и от волнения раздавил в руке веточку, которую так и не успел сложить в контейнер.

Во время предварительной разведки планеты автомат-исследователь запеленговал странные сигналы, периодически прорывающиеся через жёсткую ионосферу. Характеристики колебаний наводили на мысль об их искусственном происхождении. Мощному корабельному компьютеру удалось часть загадочных сигналов расшифровать. Передача оказалась... цепочкой математических выкладок! Просто не оставалось сомнений в присутствии на планете высокоразвитой цивилизации. Прошло несколько лет, и до звёздной системы добралась первая экспедиция (именно в одном из её отрядов и состояли Ян и Пауль). Каково же было удивление исследователей, когда на планете не обнаружили абсолютно никаких признаков цивилизации. Глубинное зондирование опровергло и модную в те времена теорию «подземной жизни». Экспедиция уже собиралась покинуть негостеприимную планету, когда пеленгаторы приняли ещё несколько математических передач. Где скрывались братья по разуму? Почему отсутствовали следы жизнедеятельности? На все эти вопросы ещё суждено было получить ответы.

— Какой образец? — крикнул Пауль, — может быть это — один из них?

— Ты бредишь, — спокойно заметил Ян. — Разумное существо в образе птицы, без конечностей и с таким мизерным объёмом черепной коробки? Не шути так жестоко, а то я подумаю, что здешняя цивилизация в детстве переболела полиомиелитом.

Пауль покраснел и подошёл к товарищу:

— Сдай оружие! Я, как командир отряда, приказываю тебе сдать оружие!

Ян остолбенел:

— Не дури, Пауль! Что я такого сделал?

Пауль наклонил голову в прозрачном яйце гермошлема и медленно, но с напором проговорил:

— Мы находимся на планете, загадка которой ещё не разгадана. Известно наверняка, что здесь есть высокоразвитая цивилизация, но мы не знаем, где и в каком виде можем встретить её представителей. Убитое тобой существо, по земным меркам совершенно не похожее на разумное, и может оказаться именно таковым. Мы должны крайне осторожно обращаться с живым миром планеты. Любое проявление агрессивности с нашей стороны может сорвать контакт. Я буду настаивать на изъятии парализаторов и лучевых пистолетов из арсенала разведгрупп.

— Ну, ладно, — согласился Ян. — Мотив мне понятен. Но что же делать при нападении? Да, да! Возможном нападении кровожадных, неутомимых и вечно голодных хищников?

— За два года не было зафиксировано ни одного случая нападения на человека!

— Это ещё не доказательство.

— Хорошо. Пусть даже будут нападения. Контакт важнее. И не за такие победы отдаются жизни.

— Контакт ценой крови? А нужен ли он тогда? Ты что ли будешь оценщиком человеческой жизни? Жизнь человека — не мелочь, и ты сам прекрасно знаешь, куда может завести скачок в развитии, замешанный на крови, — проговорил Ян с досадой.

— Как бы то ни было, я категорически запрещаю использовать оружие. Надеюсь, что с ним сегодня работали в последний раз. Ты, Ян, больше не вынешь его из кобуры. Что бы ни случилось, кто бы ни напал на нас, парализатор и луче­мёт должны оставаться на месте.

Разведчики обиженно замолчали и побрели дальше по безбрежному морю спутанной травы.

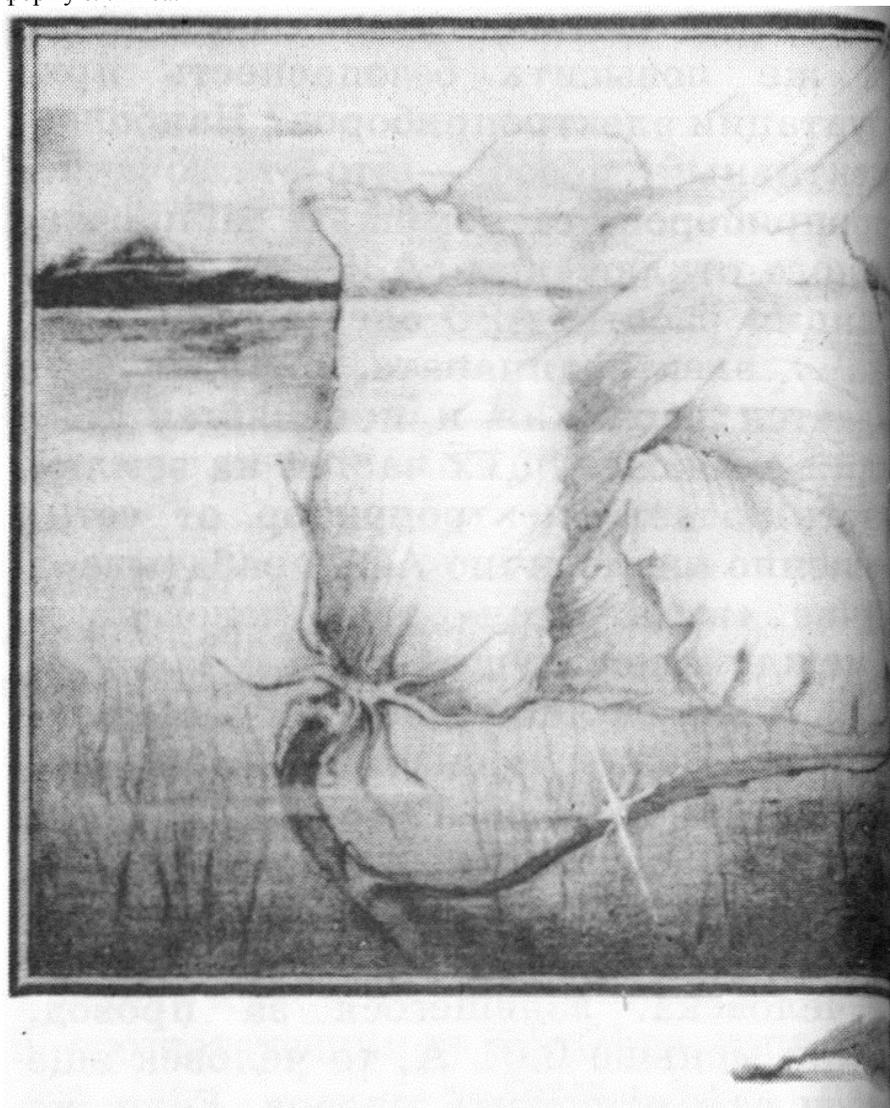
Постепенно холмы сглаживались, маршрут пошёл под уклон, а ручеёк превратился в реку, распутившую отростки стариц по зарослям деревьев. Солнце припекало. Вдруг на горизонте что-то блеснуло.

В круглой аккуратной низинке лежало спокойное светлое озеро. Глубина не превышала двадцати-тридцати сантиметров, и на дне просвечивали россыпи бурой гальки. В том месте, где в озеро впадала река, клубился жёлтый пар. Трава резко обрывалась за несколько метров от берега, и на красном блестящем песке группами возвышались высокие бледно-лиловые растения. Их тонкие с жилками стебли поднимались на высоту пяти метров, выпускали пучок зазубренных колючих листьев и оканчивались большими полураспустившимися бутонами. Было удивительно, как такие тонкие стебли могут выдерживать тяжесть огромных цветков.

Друзья спустились к воде и остановились в нерешительности. Маршрут проходил по озеру, и Пауль, сняв контейнер, попытался связаться с базой. Ян подошёл к воде и присел на корточки. Дно казалось устойчивым. Для верности он поднял засохшую ветку и начал зондировать спуск в озеро. Палка погружалась в воду не более чем на пять сантиметров. Глубина оказалась ещё меньше, чем предполагалось вначале, дно было плотным и крепким. Ян отбросил ветку и вошёл в воду. Он сделал несколько шагов, и тут Пауль, сто-

явший на берегу и упорно крутивший ручку настройки, увидел странную картину.

Ближайший к Яну цветок вздрогнул и начал медленно опускать свой огромный бутон. Тонкий стебель изогнулся, потускнел и стал почти прозрачным. В его ткани чётко проступили пульсирующие волокна, вспухавшие и опадавшие с определённой частотой. Бутон начал раскрываться, разводя лепестки короткими нервными толчками. Ни пестика, ни тычинок не было. Между лепестками открылось широкое отверстие, постепенно принимавшее форму эллипса.



Пауль замер, забыв про передатчик. Он оцепенел от ужаса, заметив, что по краям лепестков выстроились ряды загнутых роговых пластин, в разведённом состоянии поразительно напоминавших щучьи зубы.

Через мгновение бутон, словно сачком, накрыл верхнюю часть туловища Яна и захлопнул лепестки. Зубья захватили складки скафандра, вмя прочную ткань в воздушную прокладку.

Стебель напрягся и начал выпрямляться. Ян, очутившись вниз головой, отчаянно размахивал ногами и пытался освободить руки, прижатые к телу. Растение выпрямилось и, немного покачавшись, наклонилось в сторону берега.

Пауль стоял, словно поражённый столбняком. Его товарищ наполовину исчез в цветке и только судорожно бил ногами и кричал. Пауль выхватил луче́мёт и откинул предохранитель.

Нет, он ни минуты не сомневался. Зубы, отверстие меж сдвигающихся лепестков, пульсирующее тело... Ему было всё ясно, и он знал, в чём заключается его долг. Лишь на мгновение в голове мелькнул недавний разговор, собственный приказ: «Сдай оружие», но и они растворились в крике, несшемся из цветка.

Ян кричал протяжно на одной ноте, и Пауль выстрелил. Тонкий, как спица, луч скользнул по цветку, и бутон тяжело упал на берег. Стебель выпрямился и словно окостенел. Из него ударила струя клейкой зелёной жидкости, вскипавшей и мгновенно испарявшейся на воздухе. Бутон раскрылся, вывернулся наизнанку и почернел. Ян вывалился из него, прокатился по песку и замер в нервной опустошённости.

Когда друзья добрались до базы, обнаружилось, что от герметичных сапог Яна почти ничего не осталось. Вместо толстого слоя устойчивого практически ко всякому воздействию пластика ноги его облегла тонкая, изъеденная и почти разложившаяся плёнка. Озеро было заполнено не водой, а очень странной биологической субстанцией, способной уничтожить любые металлы и полимеры. Ещё минута и скафандр Яна был бы разгерметизирован. Его сапоги просто растворились бы, и он бы погиб от воздействия внешней среды.

Цветок не хотел причинить ему вреда. Наоборот, он спасал человека, вытаскивал, как мог, из страшного озера. Через несколько часов, когда всё это стало известно, разведиск отправился к месту происшествия, но не нашёл следов «растений». Их как будто никогда не существовало. Только у самого берега, как обелиск, возвышался мёртвый стебель, у подножья которого лежал чёрный, словно обгоревший, бутон.

Кинозал на «АЛЬБАТРОСЕ»

Фантастический рассказ

Александр КЛИМОВ

Рисунки А. МИТРОФАНОВА

Внутри «Альбатроса», в его бесчисленных отсеках и коридорах, было тихо и уютно. Даже не верилось, что корабль за доли секунды проглатывает огромные расстояния. За бортом проносились тысячи километров пространства, но глаз, искавший близкие ориентиры, наблюдал лишь чёрный космический покой. За кормой «Альбатроса» вытянулся, не меняя очертаний, гигантский огненный язык. Казалось, даже неукротимая плазма заснула в ледяной пустоте, превратившись во что-то твёрдое, осязаемое. Лишь многослойная обшивка слегка вибрировала, напоминая, что корабль действительно движется, да метеоритные ловушки бесшумно разворачивали свои хищные раструбы, показывая, что механизмы звездолёта живут повседневной напряжённой жизнью.

Мириады звёзд, колючими блёстками рассыпанные по чёрному бархату небосвода, равнодушно и холодно смотрели на крошечный кусочек металла с двумя пылинками белковой жизни на борту, упорно пробиравшийся по их обширным нехоженным владениям.

Этими двумя пылинками были я — пилот и штурман нашего разведочного корабля — и мой коллега-планетолог, снискавший в научном мире признание как видный специалист по контакту. Вместе мы летали уже не первый год, сработались и сдружились, чем изрядно удивили отдел кадров Космопорта. Нашу маленькую экспедицию так и называли «дипольной», никто не мог себе представить, как двое настолько несхожих характерами людей могут мирно сосуществовать на одном корабле. Мы же об этом не задумывались и, видимо, потому никогда и не ссорились.

Мой напарник попал в планетологи по недоразумению. На вступительных экзаменах в Академию космонавтики он по рассеянности перепутал двери, благополучно прошёл приёмную комиссию и лишь через неделю с удивлением обнаружил, что вместо факультета внеземной биологии зачислен на планетологическое отделение. Не знаю, что уж там в результате этого проиграла биология, но астроразведка определённо выиграла.

Я же, кроме как в пилоты, никуда и попасть не мог. Ещё в детстве, прославившись на нашей улице непреодолимой тягой к технике и электронике, а также всевозможными падениями с крыш и заборов, проходившими для меня без каких-либо последствий, я самой природой был подготовлен к специальности пилота. Но шутки в сторону!

Итак, корабль, рассекая пустоту, медленно приближался к планетной системе звезды альфа Центавра, а внутри его два человека, несмотря на разность характеров, совершенно одинаково страдали от скуки.

Наверное, ужасающие излишки свободного времени — главное бедствие и испытание астронавтов. Перед стартом столько дел и забот, что ждёшь этой свободы как манны небесной, а получишь — не знаешь, что с ней делать.

У планетолога основная работа, естественно, на планете, поэтому на корабле он просто пассажир. Пилоту полегче: кроме напряжённых взлётов и посадок, у него ещё есть отдушина в виде ежедневного контроля приборов и автоматики. И всё же как непредставимо скучно в длинные дни тягучего полёта ракеты!

Сначала набрасываешься на книги, спорт, но со временем они приедаются. Отдохнув, голова и руки начинают требовать настоящей, интересной работы, которой в эти дни на корабле, к сожалению, немного. Ах, если бы жизнь состояла из взлётов и приземлений!

Тот памятный день внешне ничем не отличался от десятков предыдущих. Та же космическая пустота, холодные, неподвижные звезды и ровное дрожание корабельной обшивки. Для верности два раза проверив автоматику, я приступил к увлекательнейшей процедуре уборки отсеков. Увлекательным это традиционно нудное занятие делала поистине фантастическая рассеянность моего напарника, способного забывать разнообразные предметы в самых невероятных местах. Надо отметить, что эта легендарная рассеянность распространялась только на быт, в работе он был точен и аккуратен.

За время уборки он успел просмотреть груды реферативных журналов и сформулировать не менее пяти гениальных идей.

Но всему приятному приходит конец. Всё, что можно было сделать, было сделано, и мы в расслабленности развалились в мягких креслах уют-компании. Огромный — во всю стену — экран мерцал булавочными уколами звёзд, подёрнутых дымкой далёких туманностей. В самом центре тускло светилась желтоватая точка звезда альфа Центавра, к которой корабельный мозг и вёл «Альбатрос» по надежнейшей из траекторий — по прямой. За последние дни звезда выросла, доказывая, что мы хоть и на черепашьей скорости, но всё же приближаемся к конечной цели нашего полёта.

А первоначальную цель для экспедиции на «Альбатросе» высчитали специалисты вычислительного центра галактической базы Бергони. Они обработали уйму информации и пришли к выводу, что если в этом районе и может существовать жизнь, то только на одной из пяти планет звезды Харриса. «Альбатрос» получил задание, проткнул пространство, и начались поиски.

На первой планете, по-видимому, кроме нас, живых существ никогда не было. На второй и третьей планетолог обнаружил каких-то бактерий, а на четвертой нам повезло. Мы повстречали высокоорганизованную белковую жизнь в виде добродушного исполинского ящера, который попытался откусить у «Альбатроса» стабилизатор, сломал зуб и от разочарования расплющил в лепёшку робота-дозиметриста. Как и следовало ожидать, братьев по разуму мы не нашли. А пятая планета и вовсе была совершенно пуста.

Судя по всему, великие открытия нам не грозили и в окрестностях соседней альфы Центавра. На базе Бергони долго обсуждали, стоит ли гонять туда корабль, когда почти наверняка известно, что эта планетная система для жизни непригодна. И всё-таки в план поиска её включили.

Итак, мы сидели в кают-компании и уныло таращились на жёлтую звёздочку посреди экрана, когда у меня созрела блестящая, хотя и не претендующая на особую новизну, идея. Честно говоря, она у меня созрела регулярно раз в день:

— Коллега! — сказал я голосом первооткрывателя, увидевшего неизвестные берега. — А не посетить ли нам кинозал?

Планетолог поморщился и мученически выдал: «Опять? Сколько можно...», однако встал, подтянул на длинных ногах тренировочные брюки и, шаркая кедами, направился к дверям.

У нас на корабле было много фильмов. Некоторые — для нас, чтобы мы могли развлечься. Другие — об истории Земли, на случай контакта, для показа инопланетянам.

Как всегда, у проекционного пульта между нами произошло маленькое столкновение. Планетолог подтягивал спадающие брюки и возмущённо кричал:

— Что, опять какую-нибудь детективную галиматью смотреть?! Ну уж нет! Великое удовольствие наблюдать, как полицейский ловит гангстера!

Он, как знаток внеземного разума и закоренелый романтик, предпочитал фильмы об отношениях между людьми. Иногда он крутил фантастические ленты, отдавая предпочтение самым древним из них. Он говорил, что их наивность его окрыляет. Меня же она не окрыляла.

Спор по обыкновению закончился жеребьёвкой. Я подкинул в воздух шайбу-прокладку и на лету прихлопнул её ладонями.

— Полировка! — крикнул планетолог.

Я снял руку и увидел, что шайба лежит матовой стороной вверх.

— Жулик, — пробурчал коллега. Обречённо опустился в кресло и уставился на экран грустными голубыми глазами.

— Что предпочитаешь: «Тайну железного ящика» или «Спили свою мушку, сынок»?

— Какая разница! В одном брюнет лупит по голове блондина, а в другом блондин брюнета. Не понимаю, как культурный человек может получать удовольствие от такого зрелища.

Я включил «Спили свою мушку, сынок». Мне нравился этот вестерн, в котором шериф Сэм расправлялся, по крайней мере, с сотней грабителей.



Погасли красные фонарики, зал на мгновение погрузился в темноту, и вот на экран выплыло суровое, заросшее седой щетиной лицо шерифа. Он медленно ворочал глыбообразным подбородком, жуя табачную жвачку, и недобро смотрел из-под шляпы прищуренными стальными глазами.

— Вот он, человек — царь природы! — прокомментировал планетолог. — Его интеллект настолько могуч, что так и хочется прицепить к нему состав с углём.

Сэм сплонул коричневой слюной и, повернувшись на каблуках, решительным шагом направился к дверям салуна. Должна была произойти грандиозная драка между шерифом и громилой Джимом.

Сэм ударом ноги распахнул дверь и, подойдя к огромному бритоголовому детине, занёс руку для рокового удара.

«Сейчас он ему врежет», — подумал я и внутренне собрался, как будто врезать должны были мне.

Шериф размахнулся и с придыхом выкинул руку вперёд. Дальше по фильму Джим в бессознательном состоянии должен был через ряд столиков улететь в большой зеркальный шкаф с глиняной посудой, но...

Ничего подобного не произошло. Огромный шишковатый кулак провисел в сантиметре от лица громилы, и Сэм по инерции рухнул на стойку. Джим стоял, сжимая в руке зазубренный тесак, и недоуменно озирался. Ещё через секунду проектор растерянно моргнул и выключился.

— Ты видел? — ошарашенно спросил я.

— Что? — не понял планетолог.

— Сэм не попал по Джиму!

— Ты этим расстроен? — ехидно поинтересовался планетолог. — Не волнуйся, он наверстает упущенное по ходу действия.

— Да нет! — воскликнул я, волнуясь. — Ведь раньше в этом месте шериф всегда бил Джима. А сегодня он промахнулся.

— Не говори ерунду! Ты просто забыл сюжет или перепутал ленту.

— Забыл?! — возмутился я. — Да я смотрел его двадцать раз и помню наизусть вплоть до реплик и жестов героев! Ведь ты же видел, что он промахнулся?

— Видел, но не помню, как было в прошлый раз.

Я сказал:

— Давай для контроля прокрутим какую-нибудь другую ленту. Например, о средневековой Испании. По-моему, это единственный фильм, который нам одинаково нравится и сюжет которого нам обоим хорошо известен. Для верности заснимем изображение кинокамерой.

Рыцарская история с раздираемой междоусобицей Испанией разворачивалась в полном соответствии с сюжетом вплоть до первой сцены кровопролития. Закованный в тусклые воронёные латы рыцарь, по ходу действия убивавший брабантского стрелка двуручным волнистым мечом, промахнулся, высек искру из гранитной плиты и сломал клинок у самой рукоятки. От неожиданности он потерял равновесие и с жестяным грохотом растянулся

между камней. Стрелок смотрел в небо и крестился. Через мгновение проектор снова отключился, и кинозал потонул в темноте.



Планетолог тяжело поднялся и пошёл в лабораторию.

— История, — пробормотал он, вернувшись через полчаса с мокрой кинолентой в руках. — Пожалуй, медпункт и две таблетки стимулятора тут не помогут. Это не галлюцинация.

— Что ты об этом думаешь? — растерянно спросил я.

— Похоже, что коррекции подвергаются только сцены насилия. Но давай проверять дальше.

Несколько часов мы гоняли разнообразные картины, от мелодрам до фильмов про войны, и везде находили одно и то же. Как только должен был раздаться выстрел, произойти драка или сражение, патроны давали осечки, бойцы непростительно промахивались, а пушки не стреляли. Как и раньше, проектор сам собой выключался.

— Что ты обо всём этом думаешь? — ещё раз спросил я, когда снова погас экран и мы остались в тишине полутёмного зала.

— Что? Я — планетолог, специалист по контакту, поэтому первое, что мне приходит в голову, — это именно контакт.

— Однако довольно странная форма общения двух цивилизаций, — с сомнением покачал я головой.

— Не настолько странная, как это может показаться, — возразил коллега. — Помнишь наш разговор перед первым фильмом? Я сказал, что удивляюсь, как культурный человек может получать удовольствие от созерцания сцен насилия. Ясно, что чем выше уровень развития цивилизации, тем большее отвращение у её представителей должно вызывать всякое, пусть даже абстрактное проявление насилия. Это должно стать образом мышления, нормой жизни, войти в кровь тысячелетиями развития.

— Да, но какой смысл изменять действие фильма? — спросил я озадаченно. — Ведь это только иллюзия, нереальность.

— Иллюзия! Иллюзия для нас — представителей молодого общества, в памяти которого ещё живы следы кровавых дней истории. Но если представить себе чрезвычайно высокоразвитую цивилизацию, давно забывшую, что такое выстрел, драка, война, то можно предположить, насколько дикими покажутся ей сцены, увиденные на нашем экране.

— Это только гипотеза, — остудил я пыл всё больше увлекающегося планетолога. — Она может быть интересной, близкой к истине, но, к сожалению, проверить её невозможно. Если это контакт, то кто же входит в него с нами?

Коллега на некоторое время задумался:

— Возможно, никто и не собирался вступать с нами в контакт. Просто случайный свидетель вдруг увидел дикие, не согласующиеся с его концепцией жизни сцены и, повинувшись рефлексу, неизвестным образом прекратил их. Может быть и такое...

— Но проверить ничего нельзя, — упрямо повторил я. Планетолог замолчал, и вдруг его осенило:

— Есть идея. Что, если прокрутить что-нибудь особенно страшное, дикое, способное вызвать сильный шок? Возможно, ничего не произойдёт, но не исключено, что потрясение заставит их как-то проявить себя.

Мы надолго задумались: что показать или, вернее, что не стоило бы показывать чужому разуму? Что в истории Земли можно назвать самым большим позором?

И вдруг я вспомнил!

— Хиросима!

Он посмотрел мне в глаза, и я понял, что не ошибся.

Над облаками зловещей точкой плыл самолёт. Где-то в его вибрирующих недрах твёрдая и равнодушная рука лётчика нажала кнопку «пуск». Было видно, как от него отделилась точка бомбы, как полетела к земле. И, даже не зная, что сейчас поднимется к небу уродливый гриб взрыва, даже не зная, что такое атомная бомба, просто физически нельзя было не почувствовать, что через несколько секунд грядёт страшная беда.

Но... ничего не произошло. Бомба растворилась в белёсой дымке. Проектор выключился, и тут же по «Альбатросу» замотался высокий вой аварийной сирены. Корабль начало болтать, как при бортовой качке.

Задыхаясь, мы влетели в рубку управления. По дисплеям пробежали цепочки зелёных огоньков. Под потолком нервно, словно гоня кровь по жилам, пульсировала красная надпись:

ПОТЕРЯ ОРИЕНТАЦИИ!

Не сговариваясь, мы повернулись к экрану.

Жёлтой звезды не было! Она исчезла вместе с планетной системой. Перед кораблём простиралась чёрная пустота.

— Они нас испугались, — тихо проговорил планетолог. — Нет, не нашей примитивной техники. Они не поняли, что мы тоже этого не приемлем.

Робот, друг человека

Александр КЛИМОВ, Игорь БЕЛОГРУД, М о с к в а

Биографии Александра Климова и Игоря Белогруда схожи. Оба родились в 1959 году, окончили Московский геологоразведочный институт имени С. Орджоникидзе, работают в одном и том же проектно-институте. Предлагаемый рассказ — их вторая совместная публикация в жанре научной фантастики (первый рассказ был опубликован в журнале «Энергия» № 9 за 1984 год).

— Ну что ты опять заладил — «хозяин» да «хозяин»?! — сердясь, воскликнул Андрей. — Слово-то какое мерзкое, от него так и разит немытым средневековым. Можно быть хозяином каких-либо вещей — предметов неодушевленных, но как одно живое существо может владеть другим? По-моему, даже у собаки не может быть хозяина. Пусть у одного выше коэффициент интеллекта, он прямостоящий и покрыт гладкой розовой кожей, а у другого — четыре лапы, мохнатые уши и хвост бараночкой. Ну и что? Подобные несоответствия не мешали собаке спасать человека от гибели и получать в награду пинок сапогом. А ты меня — «хозяин»! Тогда я должен называть тебя вещью, но ты же не вещь.

Робот помолчал и возразил:

— Хорошо. Я буду называть тебя по имени, хотя это и нелегко. Термин «хозяин» заложен в мою первичную память, но я постараюсь. Теперь объясни, я не понял.

Андрей вздохнул и, отвернувшись от осциллографа, спросил:

— Что же тебе непонятно, горюшко моё?

— Ты проводишь параллель с собакой. Она неверна, нелогична. Собака менее разумна, но более одушевлена, чем любой робот. Она не скована рамками программы, имеет свободу инициативы. Действия же робота, даже внешне создающие впечатление самостоятельного поступка, являются, по сути, косвенным подтверждением заложенной в него программы. Робот всегда логичен. Так чем же я тогда отличаюсь от стереовизора, тоже запрограммированного на некоторое, правда, меньшее количество операций? Его вы называете вещью.

— Логика! Везде логика! Но, помимо научной логики, есть ещё одна — человеческая. Она, хотя и называется логикой, по существу крайне субъективна и нелогична. На Крооне существуют мыслящие кристаллы. Куда их причислить: к одушевлённым или нет? Из зоопарка убежал медведь. За кого больше волнуется зритель: за людей или животное? Академик и студент: кто из них умнее, а кто разумнее? На Промаксе робот вытащил моего однокашника Гришу Журавлева из-под обвала. Робот погиб, а Гриша стряхнул пыль, сказал: «Слава богу, выкрутился!» — и беззаботно засмеялся, даже не взглянув на изуродованные останки спасителя. Кто из них одушевлён? Кто из них более «человек»? Кто сможет ответить на все эти «кто»?

Андрей повернулся к приборам и, взглянув на экран, расстроено протянул:

— Ну вот, видишь? Прозевал второй цикл. Вся работа насмарку!

* * *

Андрей откинул крышку люка и выглянул наружу. Мелкая серая пыль подушечками осела в пазах и затейливо растеклась по плоскостям вездехода. Струи раскалённого воздуха металась по галечнику, кидая пригоршни песка в блестящий пузырь гермошлема.

Подумав, Андрей включил светофильтры. Солнце, до этого размазанное по небу небрежными оранжевыми мазками, сразу обрело форму, превратившись в скромный багровый диск. Долина потемнела и как бы сжалась в размерах.

— Вот здесь и поставим, — сказал Андрей, указывая на остроконечный растрескавшийся холм, над вершиной которого крутились песчаные смерчи.

Робот неуклюже спрыгнул на землю и, проваливаясь в песок, пошёл к багажнику.

Ажурные веточки радиомаяка, казалось, трепещут под ударами ветра. Робот вложил маяк в свою грузовую нишу и, щёлкнув магнитными зажимами, сказал:

— Я готов.

Андрей кивнул, и они медленно двинулись через песчаное озеро, определяя топи и течения небольшим переносным сейсмографом. Склон холма встретил их крошащимися плитами сланца и струями камнепадов. Иногда песок, плотно забивший какую-нибудь трещину, вздувался и, тяжело вздохнув облачком белёсого газа, разлетался, как конфетти из новогодней хлопушки. Кварцевое крошево выбивало дробь на стекле гермошлема и скапывалось вниз.

Человек и робот поползли вверх, цепляясь за выступы плит, ломких, как старый шифер. На вершине холма разбойничали горячие восходящие потоки, собиравшие лёгкую ткань комбинезона в складки у основания шлема.

Андрей посмотрел вниз и вздохнул. До самого горизонта простиралась галечная равнина с редкими песчаными озёрами и причудливыми рассыпающимися холмами. Со стороны далёкого горного плато донёсся низкий рас-

кат, и пыльное небо, до этого красное, вдруг начало наливаться холодной зимней синевой.

— Андрей, посмотри, — ровным голосом сказал робот.

Человек вздрогнул от неожиданности. Песчаное озеро, которое они только что перешли, всколыхнула мелкая рябь. Его края приподнялись и, набирая скорость, помчались по кругу. Сперва гладкое и плоское, как блин, озеро превратилось в блюдце, затем в чашу, наконец в свистящую вибрирующую воронку. В середине её образовался чёрный бездонный провал, в котором бесследно исчезали закрученные песчаные вихри. Время от времени с края воронки срывался крупный камень и, описав плавную дугу, падал в галечные россыпи. Один из таких снарядов угодил в лобовой щиток — тот отозвался резким металлическим звоном.

Наконец из провала вырвался огромный клуб сизого дыма. Он поднялся на высоту полукилометра, потускнел и на глазах растаял. У подножия холма опять простиралось ровное песчаное поле.

— Да! — восхищённо воскликнул Андрей, но тут же, застеснявшись своей детской восторженности, серьёзно добавил: — А теперь — за работу. И так много времени потеряли.

Робот раскинул гибкие манипуляторы и начал одновременно бурить четыре шурфа для закрепления растяжек. Перфораторы вибрировали, выкидывая из скважин тучи серой прокалённой пыли. Манипуляторы вздрагивали, сокращались и, казалось, жили отдельно от бурильщика, замершего на гидроопорах.

— Ну ты и напылил, — добродушно проворчал Андрей, любясь его работой. Блестящие руки-щупальца придавали роботу сходство с трудолюбивым осьминогом, благоустраивающим своё жилище.

Андрей уже пристёгивал концы растяжек к опорам маяка, когда над дальними горами вновь гроыхнуло и всё вокруг на мгновение стало синим, Андрей озабоченно повертел головой и закричал, стараясь перекрыть нарастающий гул:

— Давай быстрее! Скоро шквал пойдёт, — а сам с тревогой подумал: «Успеть бы маяк закрепить. Последний... Заменить нечем».

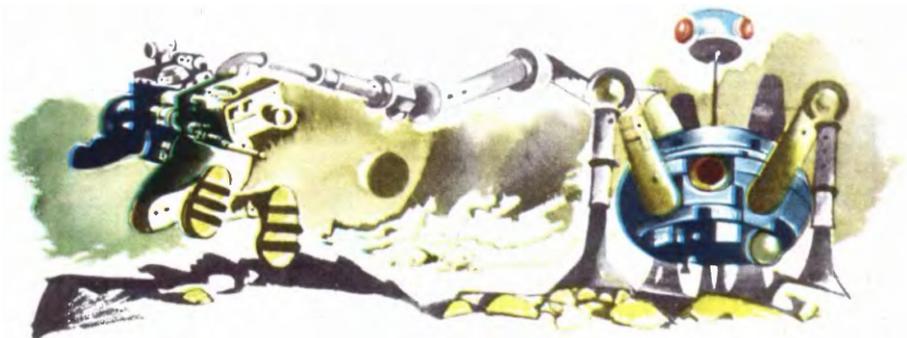
Манипуляторы затряслись быстрее, Андрей судорожно разматывал бухту троса.

Шквал, как всегда, налетел внезапно. Плотной стеной ударил по площадке и подхватил маяк, словно пушинку. Единственная закреплённая растяжка натянулась и, звякнув балалаечным баском, лопнула. Ажурная пирамида взмахнула веточками антенн и полетела в пропасть. Следом к краю площадки тащило Андрея.

У обрыва торчали зубья кристаллических сланцев. Зацепившись диагональной стяжкой, маяк завибрировал в ревящем потоке, как модель планера в аэродинамической трубе.

Андрей висел над пропастью на руках, рядом чудом держался маяк. Робот рванулся к обрыву, но три щупальца, связанные заглублёнными пер-

фораторами, натянулись и отбросили его назад. И лишь единственный свободный манипулятор мог дотянуться — или до маяка, или до человека.



* * *

— Твой вариант развития данного дебюта противоречит теории шахматной игры. Ошибочное перемещение тяжёлой фигуры «ладья» исключает возможность рокировки, которая на двадцать первом ходу будет являться единственным средством защиты после передвижения фигуры «ферзь» с последующей позицией «вилка» и потерей фигуры «слон».

Андрей почесал затылок перевязанной рукой, растерянно оглядел доску и, вернув ладью на прежнее место, сказал:

— Сколько раз давал себе слово не играть с тобой в шахматы! То, что ты меня постоянно обыгрываешь, закономерно и нисколько не портит мне настроения. Но твой чудовищно правильный, сухой и пахнущий нафталином язык выводит меня из равновесия. После любой сказанной тобой фразы я затрачиваю несколько секунд на перевод получившегося словарно-грамматического компота на нормальный язык. Говори проще!

— Я запрограммирован на конкретные, точные по смыслу и форме ответы. Я постараюсь устранить естественный автоматизм подготовки фраз, но не смогу в должной мере оживить разговор красочными гиперболами и забавными вульгаризмами, хотя понимаю их смысл и могу предположить их значительную роль в общении людей. Не требуй от меня слишком многого, ведь я всего лишь машина.

Андрей с досадой смахнул фигуры в ящик стола и воскликнул:

— Опять двадцать пять! Интересное складывается положение: я второй год пытаюсь убедить машину, что раз она способна мыслить, то уже не является машиной в традиционном понимании этого слова, а это бронированное чудовище отбрыкивается всеми манипуляторами и трагически заявляет, что оно всего лишь вещь, предмет, инструмент... Тьфу! Ну почему ты мыслишь, так скучно и однобоко? Почему, как баран, упираешься в свою первичную программу, совершенно не считаешься с приобретённой информацией? Ведь ты каждый день изменяешь те принципы, которые были заложены в тебя при

рождении. Кто придумал, что помощником человека должен стать ходячий бездушный арифмометр? Не перебивай! Знаю, что хочешь сказать! Кем доказано, что эмоции вам недоступны? Ведь там, на холме, ты спас сначала меня, а уж потом вытащил маяк. Это противоречит твоей неумолимой логике: ты — экспедиционный робот, твоя программа базируется на рациональности, без всяких комплексов обожания. А маяк-то был последним, без него сюда не смог бы приземлиться ни один космический корабль! Ты же вытащил сначала меня, рискуя потерять незаменимый прибор. Это ли не проявление эмоций? Это ли не человечность? Да окажись на твоём месте Гриша Журавлев, настоящий человек из мяса и костей, он бы сперва вытащил маяк.

Робот молчал, и Андрей, выпив стакан воды, продолжал с удвоенной энергией:

— Возникает вопрос: почему люди десятками лет работают бок о бок с роботами и не испытывают к ним не то что любви, но даже элементарной привязанности? Ведь даже к кошкам, давно разучившимся ловить мышей, мы подчас питаем самые нежные чувства. Неужели причина кроется только в человеческой чёрствости? Может, она глубже, в вас самих? Никто не сможет сделать робота духовно обогащённым от рождения. Этого можно достигнуть только в процессе познания, общения, жизни. Ведь и младенец появляется на свет как и вы, только со скромной первичной программой. И если такого малыша отдать на воспитание роботу, превратить его в «кибернетического маугли», то что же из него получится? Смею тебя уверить: белковое кибернетическое устройство! А что, если попытаться сделать наоборот? Ведь именно воспитание определяет облик.

Робот замигал индикаторами и упрямо повторил:

— Я никогда не смогу стать таким, как ты.

Андрей вдруг успокоился и тихо проговорил:

— Не требуется, чтобы робот подделывался под человека или даже становился таким же, как он. Вы — самостоятельная группа, такая же, как люди или животные, только созданная не природой, а человеком. У вас свои особенности, характерные черты, которые и выделяют вашу группу из остальных.

* * *

Ночью было землетрясение. Титановый куб станции подкидывало, швыряло, и казалось удивительным, как он удерживается на фундаменте.

Уцепившись за поручни, Андрей с ужасом представлял, что получится, если его от них оторвёт.

Наконец наступила тишина. В отсеках клубилась пыль. Где-то капала вода.

Перешагивая через обломки, человек и робот добрались до дверей шлюзовой камеры. Андрей застегнул скафандр и нажал кнопку «выход». Массивные плиты разъехались, в шлюз хлынул жемчужный свет.

— Это не планета, а какой-то хаос, — уныло сказал Андрей. — Буйство тектоники и радиации. Что ни день, то неприятности. Посмотри!

Робот сверкнул неонам фотоэлементов и подтвердил:

— Авария первой категории.

Была ясная безветренная ночь. Густой свет двух лун дробился на грунте мириадами жёлтых снежинок. От камней и валунов разбегались крылатые V-образные тени. Они пересекались и переплетались, образуя сложный черно-жёлтый узор.

За полчаса местность изменилась до неузнаваемости. Над ребристым строением энергетической подстанции возвышалась огромная, причудливых очертаний скала — раньше её не было. Сейчас она на глазах разрушалась. Растрескивалась, расплзалась. С её склонов сыпались каменные обломки. Силовой трансформатор был уже погребён: на его месте из щебня торчала лишь пара искорёженных металлических ферм. В любой момент могло нарушиться неустойчивое равновесие; тогда тысячи тонн камня обрушатся на подстанцию.

— Плохо дело, — сказал Андрей. — Не знаю, что и предпринять.

— Можно попробовать сбить вершину скалы направленным взрывом... — начал робот.

— Точно! Ты — голова! — перебил его Андрей и ринулся к шлюзу.

Он вернулся спустя минуту, нагруженный свинцовым цилиндром ядерного фугаса и связкой радиоуправляемых взрывателей. Двинулся было к скале, но робот удержал его за плечо:

— Тебе туда нельзя. Слишком большой риск.

— Ты что? Не дури, времени мало.

— Нет, — жёстко сказал робот. — Инструкция запрещает человеку работать в местах с категорией опасности выше второй.

— Это прямо-таки забавно! А вся планета какой, по-твоему, категории? Что же ты раньше не вспоминал об этой инструкции?!

Робот не ответил. Андрей шагнул вперёд, но его остановила суставчатая железная рука.

— Ты что, совсем спятил? Отпусти сейчас же, тебе говорю!

— По положению в подобной обстановке все работы надлежит выполнять кибернетическим устройствам. Следовательно, на скалу полезу я.

Андрей задохнулся от возмущения и, махнув рукой, зло крикнул:

— Валяй! Иди, бюрократ, перестраховщик! — и устало опустился на песчаный бугорок.

Робот аккуратно уложил фугас и детонаторы в свою грузовую нишу и двинулся в путь.

Он плавно скользил по пологим участкам, пауком полз по отвесным стенам. Иногда скрывался в темных провалах, и только красный сигнальный огонёк показывал, что он продолжает восхождение.

С вершины один за другим срывались большие зазубренные обломки. Подпрыгивая и разваливаясь на куски, они неслись вниз, и робот, проявляя

чудеса ловкости, уворачивался от них, как горнолыжник от летящих навстречу сосен.

Наконец красная сигнальная лампочка добралась до вершины. Андрей представил себе, как гибкие стальные пальцы укрепляют заряд в расщелине, вставляют детонаторы, а электронные глаза зорко следят за камнепадом...

Робот установил фугас и понёсся назад.

Сердце Андрея гулко билось, и он не мог понять, за что же он больше переживает: за судьбу станции, а следовательно, и свою собственную, или за жизнь робота.

Робот быстро спускался по склону. Он уже приближался к подножию скалы, когда позади него возникло серебристое облако. Андрей скорее почувствовал, чем увидел, как лавина накрыла робота.

В тот же момент на вершине вырос огненный цветок, и лишь секунду спустя человек понял, что это долгожданный взрыв. Вершина качнулась и поползла по противоположному склону. Подстанция была спасена.

* * *

Андрей заблокировал оборванные связи и дал ток высокой частоты. Индикатор блока возбуждения замигал и наконец залился ровным неоновым светом. Двигательная часть была почти полностью разрушена, смятые обрубки манипуляторов торчали из корпуса, как щупальца искалеченного акулой осьминога.

— Повреждения первой степени, — сказал робот. — Ремонт в полевых условиях невозможен.

— Да, попал ты в переделку. Когда я нашёл тебя там, горящего, засыпанного щебнем, подумал, что всё... Мозг уцелел просто чудом. Пока вёз тебя на станцию, в голове крутилась одна мысль: вдруг блок возбуждения не потянет? Ведь это как у нас клиническая смерть; кто знает, справится ли сердце? Но теперь, слава богу, всё позади. Прилетим на Землю, отдам тебя в ремонт. Выйдешь оттуда лучше прежнего. Мы с тобой ещё такого наворотим...

Робот перевёл фотоэлементы на человека и сказал:

— Андрей, об этом не может быть и речи. По положению ты обязан меня демонтировать. Из-за аварии у нас резкий дефицит электроэнергии. Её может не хватить до прибытия смены. Не мне тебе объяснять, что значит оставить без энергии систему кислородной регенерации. Если меня не обесчелить или не демонтировать, то одну треть аварийных аккумуляторов можешь сразу вычеркнуть из баланса. Задумайся: рисковать собственной жизнью ради робота-калеки! Конечно, киберустройству безразлично, жить или умереть. Ведь у нас, наверное, это тоже похоже на то, что вы называете смертью. Но здравый смысл заставляет поступить именно так. Без меня электроэнергии хватит наверняка.

Человек вплотную подошёл к роботу:

— Почему именно ты должен жертвовать собой? Почему ты должен умереть, чтобы жил я? Почему не наоборот? Чем я лучше тебя? Ну, скажи?

Чем? Ты — робот, я — человек. Ты сделан из металла, пластика, синтетики, я — из других материалов. Ты видишь мир по-своему, я — по-своему. Ну и что?! Главное — мы оба живые! Ты — не человек, ты просто другой: ты — робот! Так почему же, наконец, не поставить крест на работе как на рабе, машине, бездушном работнике? Человек создал живое существо и должен относиться к нему как к живому существу. Если хочешь, обсудим такой вариант: я подключаю тебя к аккумуляторам и вырубаю систему кислородной регенерации. Нравится тебе такой выход? Ах не нравится? Тогда молчи! Так вот, не будет ни демонтажа, ни обесточивания. Ничего этого не будет. А будет третий вариант: всё останется как есть. На Земле разберёмся.

Робот мигнул индикаторами и ничего не ответил.

* * *

Робот стоял на стальной плите технического стола и нервно сигналил огоньками.

За иллюминаторами ревел буран. Тяжёлые волны песка наваливались на станцию; казалось, титановая обшивка не выдержит и вот-вот прорвётся, как тонкая серебряная фольга.

Андрей ушёл ещё утром. Кислород его был на исходе: если в ближайšie минуты человек не вернётся, он не вернётся уже никогда.

На работа впервые нахлынули такие странные ощущения. Он прислушивался к работе своих органов и с удивлением обнаруживал, что по корпусу без видимых причин гуляют горячие вихревые токи, некоторые блоки работают в режиме перенапряжения, а предохранители один за другим выключаются. Иногда по логическим цепочкам пробегали какие-то странные сигналы, сбивавшие мышление и направлявшие его в совершенно неподвижном направлении. В разрушенных двигательных системах вдруг появлялось напряжение и, прорвав заблокированные участки, синими искрами пробивало контакты.

Из логической цепи выбило ещё один предохранитель, когда дверь шлюза распахнулась и в кабину упал Андрей. Он с трудом стянул гермошлем, ползком добрался до кровати, повалился на неё тяжело, как мешок со свиной дробью, и затих.

* * *

Ночью на Андрея накатился горячий липкий бред. Ему грезились раскалённые, раскалывающиеся горы, песчаные воронки и бездонные пропасти, в которые он падал и падал. Его преследовали пустые кислородные баллоны, к которым он прикидал спёкшимися губами. Андрей вскакивал, кричал, бился на смятой комом постели. На него нападало удушье, и он пытался разорвать на груди прочную скафандровую ткань.

Робот сразу всё понял: песчаная лихорадка! Необходима инъекция.

Обрубок щупальца пополз к шкафчику аптечки. Дверца не поддавалась, и робот проломил её ударом стального сустава. В секции лежала продолговатая ампула. Он попытался захватить её сплюснутыми щупальцами, но гладкий цилиндр соскользнул с манипулятора. Робот протянул к пролому вторую искалеченную руку, и тут же вышли из строя два моторных предохранителя. Разорванные контакты искрились, приваривались друг к другу.

Зажав ампулу концами манипуляторов, робот осторожно вытащил её из шкафчика и понёс к постели Андрея. Он крепко сжимал цилиндр, стараясь в то же время не раздавить его неуклюжими обрубками. Но длина манипуляторов не позволяла дотянуться до человека: тридцать сантиметров непреодолимой воздушной преграды отделяли Андрея от спасения.

Человека выгнуло дугой, и он дико закричал. Мозг робота заволокло жёсткими немодулированными сигналами, и с сухим треском перегорела вся левая половина блока управления.

Робот начал сокращать суставы торса и неустойчиво закачался на инструментальном столе. Раскачиваясь вперёд-назад, он набирал амплитуду, потом с грохотом рухнул на пол.

Запахло горелой изоляцией, из-под корпуса вырвались языки пламени. Щупальца потянулись к Андрею и крепко прижали ампулу к его шее. Человек вздрогнул и затих.

* * *

Земля встречала свинцовым небом и дрожащей завесой мелкого осеннего дождя. Низко над космодромом проносились обрывки тумана.

Андрей провёл пальцем по иллюминатору, пытаясь остановить змеившуюся по нему струйку воды. Осознав, наконец, что дождь — там, на Земле, а он ещё в корабле, Андрей засмеялся и, вдруг посерьёзнев, прошептал: — Дождь. Дождик... Отвык.

Из здания космопорта выполз толстый пластиковый хобот и с хлопьям присосался к шлюзу звездолёта. Андрей сошёл по трапу и оказался в прозрачном туннеле. Впереди скользила автоматическая тележка, на которой покоилась груда исковерканного металла.

...Перед дверью с синим крестом Андрей замедлил шаг и, повернувшись к загорелому бородачу, спросил:

— Значит, сделаешь?

— Успокойся. Сказал — значит, сделаю, — ответил тот и поскрёб в затылке.

— Только вот никак не пойму, зачем тебе этот музейный экспонат? Давай сдадим его в переплавку, а ты возьмёшь себе новенького, а?.. Ну ладно, шучу, — добавил он, заметив, как судорожно задёргалась щека приятеля.

Андрей подошёл к тележке и, положив руку на обгоревший корпус, тихо сказал:

— Слышишь? Это я, Андрей. Давай ремонтируйся и сразу ко мне. Буду ждать.

Из синтезатора речи вырвалось неотчётливое клокотанье, и фотоэлементы робота коротко блеснули.

* * *

Андрей сидел за столом и нервно перебирал пожелтевшие бумаги. В дверь постучали, и он вскочил, чуть не опрокинув стул.

— Войдите!

Дверь плавно отворилась, и в комнату въехал блестящий никелем робот.

— Здравствуй, хозяин, — ровным голосом произнёс он.

Андрей побледнел и бросился к видеофону. На экране медленно выплыла улыбающаяся физиономия бородача:

— Ну что, доволен? Благодарить не надо, для друга всегда пожалуйста...

— Что ты ему сменил?! — перебил Андрей.

— Спроси лучше, что я ему не менял. Два дня возился: и рабочие органы, и систему питания, и блок памяти, разрегулировался он до безобразия...

— Стоп! Ты старый блок ещё не выбросил? — спросил Андрей.

— Не успел, — удивлённо ответил бородач.

— Не смей выбрасывать! Через пятнадцать минут буду у тебя.





Я сижу на капоте «джипа», курю и слушаю рёв двух тысяч младенцев. Орут они все сразу и очень громко, а я курю и слушаю. Вот, наверное, завизжал Ник Флоренс — у него всегда был мощный голос, а вот тот, который только что вылез из дверей и ловко передвигается на четвереньках, — должно быть, Рональд Брукс-младший, он и раньше не мог больше минуты усидеть на одном месте. Будем надеяться, что во второй жизни из одного получится оперный певец, а из другого — великий путешественник.

Вы, наверное, ничего не понимаете? Это не удивительно, я и сам немного понял бы на вашем месте. Что ж, придётся объяснить, откуда у меня взялся «джип», почему я сижу на его капоте и с какой стати раскричались сразу две тысячи маленьких глоток. Справедливость также требует осветить мои немалые заслуги в деле снижения среднего возраста населения нашей страны. Ну что ж, начнём...

Безвременно погибшие родители «наградили» меня именем Джонни и труднопроизносимой фамилией Роттенхейг. Были они серенькими, незаметными людьми, прожившими серенькую, незаметную жизнь и так же незаметно скончавшимися в один дождливый серенький день в результате заурядной автомобильной катастрофы. После отца осталась бакалейная лавчонка, в которой прошло моё скучное детство и с которой я без сожаления расстался на второй день после похорон. Вырученных денег хватило на оплату обучения в Академии искусств, но, к сожалению, не хватило на покупку доходной должности после её окончания. В общем, из стен сей «кузницы талантов» я вышел с сияющим золотом и тиснёной кожей дипломом скульптора, но без денег и работы. Вот так я и стал ваятелем, «конструктором образов». Исполнилась мечта моего скучного детства, которую нечуткий «пра-пра-Джонни», а попросту мой дед, упорно величает помешательством. Стоит ему услышать слова «бакалейная лавчонка», как он начинает бубнить о соломе, которой набита моя голова, о магазине, как он окрестил нашу жалкую лавчонку, и о голодной смерти, которая строевым шагом приближается к нему, горемыке.

Моя маленькая квартирка с утра до вечера полна народу и сигаретного дыма. Кроме постоянных обитателей — меня, деда, Сэмми — приبلудившего негритёнка, кошки Элизы, — у нас в гостях находятся одновременно от пяти до двадцати «друзей дома», как говорю я, или «длинноволосых голово-резов», как говорит дед.

Так вот, когда я очнулся от грёз с дипломом в одной руке и пустым бумажником в другой, на работу мне помогли устроиться именно друзья. Вы сможете оценить эту помощь, только если живете в Америке. Устроили меня подсобным рабочим на радиоэлектронный завод. Как дипломированному «конструктору образов» мне поручили физически полезную и чрезвычайно развивающую умственно работу грузчика. Денег это давало немного, но концы с концами наша семья всё же сводила.

Мечту детства я, однако, не предал и лез из кожи, чтобы стать известным скульптором. Днём таскал ящики с радиодетальями, а ночью пытался «выразить себя» в глине, гипсе и камне. Работал с увлечением, забывая всё на свете. По-моему, скульптуры были неплохие, я уже предвкушал триумф, когда владелец галереи, к которому я обратился с предложением организовать выставку, развеял мои иллюзии. Сначала он расхохотался, как будто я продемонстрировал ему не скульптуры, а сборник юмористических рисунков, потом внезапно замолк, осмотрел меня оценивающим взглядом, а затем нудно, разжёвывая каждое слово, начал рассказывать о спросе на произведения искусства. Всё, что он сказал, я знал и без него: на мраморных Венер не обращают внимания, бюсты годятся лишь как груз при засолке капусты, а барельефы годами пылятся в запасниках. Видя моё подлинное отчаяние, владелец галереи проникся сочувствием и посоветовал заняться авангардистской скульптурой. Эти хитрые штучки, по его словам, охотно покупались, главное, чтобы между названием и формой скульптуры не было абсолютно никакой связи. А ещё лучше, если покупатель вообще не сможет догадаться, что

изображает такое произведение искусства: это будит воображение и увеличивает цену. Добрый меценат отчески похлопал меня по плечу и обнадежил, что таким способом можно неплохо заработать и стать знаменитым, а уж став знаменитым, можно лепить, что душе угодно: хоть Юпитера с молниями в руках, хоть банки из-под пива — всё будет приниматься с восторгом.

На следующий день я выкинул из мастерской глину, цемент, мрамор и купил в рассрочку сварочный аппарат. Побродив по обширным свалкам родного города и набрав большое количество жутковатых, покорёженных человеком и временем железяк, я вернулся домой, включил сварочный аппарат и начал творить. Творил я всю ночь и к утру создал... Странная штука метра два длиной и в полтонны весом топорщилась спицами от велосипеда и погнутыми трубами. Я издал победный клич, разбудил деда, Сэмми, Элизу и с гордостью продемонстрировал им свой шедевр. Дед онемел и в первый раз за пять лет забыл помянуть солому в моей голове, Элиза дико взвизгнула и забилась под кровать, а Сэмми почесал свою курчавую макушку и вдруг сказал, что это... (он не знал, как назвать скульптуру) очень похоже на тех окуней, которых он ещё малышом ловил на родине. Внутри меня всё оборвалось, я внимательно посмотрел на скульптуру и... Точно! Вылитый окунь! Растопыренные плавники, зубастая пасть — всё как у настоящего речного окуня. Только речной — зелёный, а мой — ржавый.

Удар был тяжёл, но я не пал духом: назвал рыбу «Слоном» и отвёз владельцу галереи. Тот кисло улыбнулся, но сказал, что я делаю успехи: статуя так себе, уж очень похожа на форель, зато название первоклассное. Обещать он ничего не стал, но всё же пустил это чудо животного мира в свою галерею: может быть, соблазнится какой-нибудь фермер из Алабамы. Между прочим, этот форелевый слон из семейства окунёвых до сих пор стоит в той галерее.

Целую неделю я переживал и близко не подходил к сварочному аппарату. На меня напала меланхолия, и по ночам снились скульптуры Древней Греции с приваренными к ним в разных местах никелированными водопроводными кранами. В общем, на этом моя карьера грузчика-авангардиста могла бы бесславно закончиться, если бы не мой друг физик Пауль Стонброк. Он долго разглядывал «Слона», а потом заявил, что мне, как и всякому гуманитарии, не хватает смекалки и пространственного воображения. Минут пятнадцать он что-то чертил и писал в своей записной книжке, а потом сказал, что проще всего в данном случае купить на кладбище старый автомобиль, разрезать его на четыре части, сварить корпусом внутрь и назвать «Мимолётность бытия». Авторитет Стонброка в нашем кругу был велик, поэтому я приобрёл в рассрочку подержанный автоген и древний автомобиль. Успех превзошёл все мои ожидания: «Мимолётность бытия» была куплена скотопромышленником из Техаса на другой же день. Владелец галереи похвалил меня, сказав, что ничего более простого по содержанию и дикого на вид он ещё не видел, и, что если дальше так пойдёт, то его галерея всегда к моим услугам.

Через месяц пришло послание от скотопромышленника из Техаса. Он был просто очарован «Мимолётностью бытия» и писал, что, кроме эстетиче-

ского удовольствия, скульптура приносит немалую выгоду. Оказывается, он долго не знал, куда её поставить, и наконец, с милой непосредственностью, водрузил «Мимолётность бытия» у входа в коровник. По его словам, надои молока сразу увеличились вдвое.

Стонброк, прочитав письмо, заявил, что так и должно быть, дескать, математика — она всегда доходит. Я с ним согласился, но втайне остался при своём мнении, что коровы стали давать больше молока попросту с перепугу. Ну, бог с ними, с коровами, главное, что в конце письма скотопромышленник предлагал мне за следующую скульптуру сумму вдвое больше полученной за первую. Он просил, чтобы статуя была «повыразительнее», так как собирается поставить её перед воротами своего ранчо.

Не надеясь уже на собственное воображение, я пригласил Стонброка с его записной книжкой. Приговор математика гласил: назвать следующую скульптуру «Улыбка Моны Лизы» и создать её из различных радиодеталей, спаянных вместе без намёка на какую-либо схему. В течение следующего месяца я старательно собирал детали. Купив паяльник, два мотка разноцветной проволоки, я занялся скульптурой. С паяльником я освоился довольно быстро, а абсолютное незнание физики значительно помогло спаивать детали без намёка на какую-либо схему, как это было рекомендовано Стонбромом. Иногда я выключал паяльник, отходил в дальний угол комнаты и подолгу разглядывал «Улыбку Моны Лизы». Если мне казалось, что своими очертаниями «скульптура» хоть что-то напоминает, я опять усаживался на колченогий стул, доставал новую пачку канифоли и припаивал неведомые мне квадратики, Колечки, катушки и лампочки, добросовестно искореняя намекающееся с чем либо сходство.

...Солнце взошло над городом и первыми трепетными лучами осветило «Мону Лизу». Усталый, со скрещёнными на груди руками, я стоял у окна и не мог слова вымолвить от переполнившего меня восторга: самый требовательный критик не посмел бы утверждать, что скульптура на что-либо похожа. Размером с письменный стол, иссечённая трещинами и провалами, «Улыбка Моны Лизы» вспучивалась электронными бородавками, удлинялась, закруглялась, выгибалась, и только существо, наделённое безудержной фантазией, смогло бы найти отдалённое сходство скульптуры со старой, проросшей в тепле и потрескавшейся на морозе картофелиной. И это чудище в розовых лучах восходящего солнца искрилось красным, зелёным, синим, переливалось причудливыми бликами на не менее причудливых изломах радиодеталей. Сияли многие известные металлы и сплавы, прикрытые «причёской» из переплетения проводов. Сверху, как гриб из травы, высывалась ядовито-красная искусственная почка, а завершала картину первозданного хаоса остронаправленная антенна, торчащая из «Моны Лизы», как гвоздь из стены.

Я присел на кровать и в благодатной расслабленности стал рассматривать скульптуру. Неожиданно у меня возникла мысль: а что, если «Мону Лизу» подключить к сети?..

Сначала ничего не произошло. Я хотел было закончить нелепый эксперимент и выдернуть вилку из розетки, как почувствовал, что в воздухе запахло озоном, раздалось пощёлкивание, что-то задрожало и лампочки засветились, сперва тускло, а затем всё ярче и ярче. Стрелки приборов запрыгали, а на осциллографе появилась подрагивающая кривая. Сейчас «Мона Лиза» была действительно хороша: разноцветный свет ламп, озорные танцы стрелок индикаторов, короткие перебежки цифр на дисплее блока самонаведения придавали «скульптуре» что-то неземное. Тихое ритмичное потрескивание убаюкивало, и я как в полусне смотрел на ожившую скульптуру.

Постепенно треск усилился. Экран осциллографа запестрел хаосом линий, бликов и пятен. Звуки были не очень громкие, но чрезвычайно раздражающие. Я осторожно постучал набалдашником дедовской палки, случайно подвернувшейся мне под руку, по блоку самонаведения. Треск не пропал. Казалось, эти лишённые гармонии звуки в состоянии за короткий срок лишит человека разума. Я обошёл вокруг скульптуры. Как уже говорилось, «Мона Лиза» была иссечена трещинами и провалами, а одна трещина получилась даже сквозной. В неё свободно проходила моя рука. Сейчас в этой дыре крутился и прыгал шарик размером с теннисный мяч. Он напоминал даже не твёрдое тело, а скорее большую каплю расплавленного тяжёлого металла. Шарик быстро вращался, дёргался и, казалось, вот-вот разлетится мелкими блестящими брызгами. Насколько я помнил, при монтаже такая деталь мне не встречалась и, следовательно, в «Моне Лизе» присутствовать не могла.

Шарик запрыгал быстрее, и соответственно усилился треск. С мрачной решимостью я поднял палку деда и двинулся к скульптуре. Мне показалось, что это один из мячиков негритёнка, который тот успел засунуть в «Мону Лизу», пока я ходил за сигаретами, поэтому я и решил попросту вытолкнуть игрушку палкой. Я сунул палку в отверстие. Трость почти до набалдашника ушла в провал, но ни её конец, ни шарик так и не появились из выхода трещины. Я ничего не понимал! Судя по длине палки, из отверстия уже должен был выкатиться мячик, и просто обязаны были торчать фута полтора самой трости. Куда они подевались?! Я был так поражён, что даже не заметил тишины, разлившейся вдруг в комнате. Я был уверен, что шарик, подобно ножу мясорубки, давно искрошил в пыль окованную серебром палку.

Я вытащил трость из трещины и увидел, что она абсолютно цела! Протёр глаза, помотал головой... Палка цела, и шар на месте. Только теперь он не прыгал, а плавно вращался вокруг своей оси. Треск тоже не возобновлялся. В изнеможении я упал на стул и закрыл глаза.

Из полуобморочного состояния меня вывело царпанье в дверь. Обычно именно так Элиза просилась в комнату. Приняв, видимо, моё молчание за знак согласия, она толкнула дверь и, мягко ступая, прошествовала к дивану. Неуловимое движение — и Элиза взлетела на сиденье, уселась как раз напротив антенны и принялась умываться. Я рассеянно наблюдал, как она лижет лапу и трёт ею свою голову.

Элиза была гордостью нашей семьи: ни у кого из знакомых не было кошек оранжевого цвета. Когда она, свернувшись клубочком, спала на диване,

казалось, что это огромный апельсин лежит на потёртом плюше и терпеливо ждёт, когда его подадут на стол. Так вот, наблюдая за Элизой, я вдруг заметил, что этот прекрасный экзотический цвет стал блекнуть. Я подошёл поближе. Точно, апельсиновый цвет на глазах превращался в жёлтый, и, более того, кошка заметно уменьшалась в размерах! Через полчаса передо мной лежал маленький котёнок. Насколько я помнил, именно в таком виде Элиза в первый раз попала к нам в дом и было ей тогда всего пять дней. Я повернулся к скульптуре, отключил её от сети и позвонил Стонброку: пусть сам разбирается в этом электронном чуде. С меня довольно!

В девятом часу вечера Стонброк оторвался от записной книжки и, тяжело откинувшись на спинку стула, закрыл глаза. На столе, заставленном чашками с остывшим кофе, громоздилась гора окурков. Весь день физик ползал вокруг скульптуры, периодически чертя что-то в блокноте. Я сидел на диване, кормил Элизу молоком из бутылочки с соской и отвечал на бесконечные вопросы друга. «Мона Лиза» включалась и выключалась несчётное количество раз, и столько же раз тросточка, окованная серебром, побывала в загадочной трещине. Иногда дверь мастерской открывалась, и на несколько секунд появлялась курчавая голова Сэмми или седая борода деда. Сэмми заканчивал свой непродолжительный визит ослепительной улыбкой, а дед — выразительным покручиванием указательного пальца у виска.

Стонброк открыл глаза и вдруг, озорно улыбнувшись, сказал:

— Джонни, ты — гений! Не знаю, как твои скульптуры, но в физике ты сделал не то что шаг, а огромный скачок. Сам того не ведая, ты создал какой-то аппарат. На первый взгляд этот винегрет из электродеталей принципиально не может работать, но он работает! Да ещё как! Объяснить всего я тебе не могу, потому что и сам не знаю, но общие положения работы «Моны Лизы» для меня ясны. Аппарат как бы поворачивает — правда, локально и только для живых организмов — время вспять. И притом ускоренно! Например, твоей Элизе понадобилось два года, чтобы превратиться из маленького котёнка в огромную кошку. «Моне Лизе» на обратный процесс потребовалось всего полчаса! Также можно сделать вывод, что омоложение идёт лишь до какого-то предела. Для кошки этим пределом стали пять дней, а человек, по моим грубым подсчётам, может снижать свой возраст до трёх-пяти месяцев. Несомненно, на живой организм действует какое-то поле, передаваемое антенной импульс-наведения. Элиза затеяла умывание, расположившись прямо по оси антенны.

Шарик — это, конечно, не мячик, подсунутый шалуном Сэмми. Что это такое, я сказать не могу, но, видимо, именно он — причина производимого эффекта, а фактором, придающим системе стабильность, является контакт шара с серебром, которым окована трость твоего деда.

Прежде всего, я попробую составить схемы аппарата, на это уйдёт около недели. Прошу тебя держать всё в секрете до получения патента. А потом реки долларов хлынут нам в карманы. Я куплю хорошую лабораторию и займусь проблемами, к которым раньше из-за безденежья и подступиться не мог. А ты... Ты будешь работать не на потребу фермерам из Алабамы, а для

собственного удовольствия! Каково? Все музеи, галереи, выставки — твои! Сэмми будет учиться в лучшем колледже страны. «Пра-пра-Джонни» вместо вождельной бакалейной лавочки откроет супермаркет. А далеко впереди — предства: общество без старости! Сад Гесперид!

На дверях кабинета висела медная дощечка с надписью: «Вторая молодость. Д.Роттенхейг и П.Стонброк». За дверями — небольшая, но очень уютная приёмная; мягкие кресла и толстый ковёр предназначались для людей преклонного возраста, одолеваемых сонмом старческих недугов и имеющих пухлый кошелёк. Кабинет — белый с голубым — сияет. В нём почему-то холодно даже в жару. В углу примостилась зачехлённая бормашина, а в центре комнаты господствует бесформенная «Мона Лиза», штыком антенны нацеленная на одинокий стул. За прошедшие три месяца в облике аппарата появились некоторые изменения. Палку деда заменили серебряный цилиндрик и ручка, шарнирно закреплённая на станине. Появился выключатель и небольшой пульт управления. «Мона Лиза» от этого явно пострадала, а аппарат определённо выиграл. Справа от установки стою я, а слева — Пауль Стонброк. Мы широко улыбаемся и смотрим на деда, робко присевшего на краешек стула.

Этим описанием я хочу продолжить рассказ после перерыва, длившегося три месяца. Это время вместило множество событий: иногда увлекательных, чаще — хлопотных, однако одинаково несущественных для моего повествования. Но с описанной выше картины начинался наш взлёт, который вёл к падению.

Накануне открытия нашей фирмы мы дали небольшие рекламные объявления в двух самых дешёвых вечерних газетах. На них мы не очень-то рассчитывали, но надеялись, что слухи, которые, без сомнения, тут же поползут по городу, послужат наилучшей рекламой «Второй молодости».

Первый приёмный день, а, следовательно, первое омоложение человека мы решили начать с деда. Стонброк сказал, что та «неугасимая звезда» принесёт нам удачу. Дед принял предложение с понятной опаской, но и с надеждой. После трёхчасовых уговоров и разьяснений он, наконец, согласился. Во вторую молодость он решил вступить двадцатипятилетним. Сейчас «неугасимая звезда» — клиент номер один — сидела на краешке стула и бестолково моргала, глядя на аппарат. Вторым клиентом очень хотел стать Сэмми. Он мотивировал это довольно оригинально. Сэмми твердил, что когда он был малышом и жил на родине, то бегал по высокой траве заливных лугов. Тогда Сэмми был совершенно счастлив.

Так вот, мы усадили деда поплотнее на стул, и Пауль включил аппарат. Раздался знакомый треск. Я взялся за ручку и ввёл серебряный цилиндрик в щель. Шум моментально стих. Стонброк покрутил рычажки пульта, кивнул мне и закурил сигарету. Мы присели на подоконник и стали наблюдать.

Старик откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Сначала никаких перемен в облике деда не наблюдалось, и я уж было заволновался, но минут через десять мы заметили, что гордость деда — седая козлиная борода стала

сереть, а затем чернеть. Одновременно на блестящей лысине поднялись густые всходы чёрной шевелюры. Опущенные, худые плечи стали распрямляться, наливаясь силой, а болтавшаяся, как на вешалке, рубашка вздулась, и три пуговицы, одна за другой, отлетели к нашим ногам. Щеки стягнули с себя морщины и заиграли помидорным цветом.

Стонброк посмотрел на пульт и выключил установку. Дед продолжал сидеть на стуле, свесив лохматую чёрную голову на могучую грудь. Казалось, он спит. Я растерянно взглянул на Стонброка и, налив стакан холодной воды, подошёл к «новорождённому». Аккуратно, тоненькой струйкой я стал лить ему воду за шиворот. Мутные глаза «пра-пра-Джонни» приобрели осмысленное выражение, и вдруг, посмотрев на меня и стакан, он вскочил и мощным ударом в челюсть доказал мне, что окончательно пришёл в себя и моя помощь больше не требуется.

Стонброк разинул рот и выронил сигарету. Вид у него был такой, словно он проглотил целиком крутое яйцо.

Дед упёр огромные волосатые ручищи в бока и медленно двинулся на нас.

— Ах, вы, кошкины дети, козлы криворогие. Сейчас я вам покажу, как лить воду за шиворот Питеру Ротгенгейгу! Признавайтесь, кто из вас спёр мой почти новый костюм и надел на меня эти обноски. Ну?!!

Не меньше часа мы убили, чтобы растолковать Питеру (назвать его дедом у меня не поворачивается язык) сложившуюся ситуацию. С пеной у рта, приводя все разумные и неразумные доводы, Стонброк доказывал ему, что сейчас не начало века, что почти новый костюм давно истлел, что его жена, которую он ещё и не видел, давно умерла и, наконец, что человек, которому он только что выбил зуб, не кто иной, как его родной внук, хоть он теперь и старше своего деда.

Наконец Питер понял истинное положение вещей и сразу превратился в добродушного грубоватого малого. Он, не переставая болтал, называл меня внучком и заливался раскатистым смехом. На мой вопрос, как он относится к бакалейным лавочкам вообще и к собственной в частности, Питер заявил, что у меня солома в голове, если думаю, что такой парень, как он, может весь день отвешивать крупу и сахар домашним хозяйкам.

Как ни странно, Пауль угадал, что дед принесёт нам удачу. После его омоложения дело двинулось, и к нам — сначала тонким ручейком, а затем и полноводной рекой — хлынул поток долларов. К нам записывались на несколько месяцев вперёд, а плата за приём росла день ото дня.

Друзья к нашему предприятию отнеслись с восторгом, но, с похвальным единодушием советовали, создав крепкую материальную базу фирмы, приступить к омоложению людей талантливых, полезных стране.

А яблоко тем временем созрело. Случилось это в один ничем не примечательный день. Мы работали с седой толстой старухой, когда в дверь кабинета настойчиво постучали. Я крикнул, что сеанс ещё не закончен. После того как от нас выпорхнула стройная белокурая девушка, в кабинет вошли

трое подтянутых, хорошо одетых мужчин. Один остался стоять у двери, второй кругами зашагал около установки, а третий, видимо главный, расстегнув плащ, развалился на единственном стуле.

Из их объяснений мы узнали, что они — представители военных властей — посетили нас для переговоров о покупке патента на установку. Это была предварительная беседа, в течение которой нам сообщили, что установка представляет значительный интерес для армии, и правительство пойдёт на любые расходы, чтобы получить право на единоличное использование нашего устройства. Сообщить наш ответ, а вернее, нашу цену предлагалось в течение недели.

После краткой беседы трое растворились за матовым стеклом дверей кабинета. Я сел на подоконник и попытался осмыслить сложившееся положение. Стонброк, потирая руки, бегал по кабинету, бормотал что-то себе под нос и вообще выказывал несвойственное ему оживление. Я робко заметил, что решительно не представляю возможности использования аппарата в армии. Стонброк замахал руками и зашипел точно змея. Насколько я понял, так он выражал крайнюю степень досады и раздражения. К тому же Пауль заявил, что я болван и мешаю ему размышлять. Впервые за время нашего довольно продолжительного знакомства я видел этого флегматичного чудака в таком возбуждении. Стонброк почувствовал запах больших денег и, подобно старой охотничьей собаке, весь день гревшейся на солнце, но уловившей вдруг дух редкой добычи, сделал стойку. Я не люблю, когда меня оскорбляют, пусть даже лучшие друзья, поэтому, отвернувшись к окну, стал нарочито беспечно насвистывать какой-то марш. Пауль, оценив моё состояние, тут же сменил гнев на милость и стал просить прощения за своё недостойное поведение: он, мол, в такой ответственный момент несколько ослабил контроль над собой, и бурные эмоции помимо его воли выплеснулись наружу. На моё заявление Стонброк ответил следующим образом:

— Джонни, дорогой! Не ищи логики в работе такого учреждения. Один бог знает, для каких целей им понадобился аппарат. Не исключено, что установка предназначена для каких-то совершенно нам неизвестных целей. И вообще всё это неважно. Главное, «Мона Лиза» им нужна, и за неё они будут платить. Платить очень много: об этом я позабочусь!

События двух последних месяцев сохранились в моей памяти как размытые, нечёткие любительские снимки. Меня, как кусок коры, несло по реке событий. Я был их участником, и в то же время все прекрасно обходились без меня. Как в полусне, мой разум и тело были разделены: мысли уносились в необозримые дали в поисках смысла, а пальцы сжимали ручку и ставили подписи на неизвестных мне бумагах, которые извлекали люди в чёрных костюмах из роскошных чёрных портфелей.

Я, наверное, говорю глупости. Просто мне многое хочется объяснить, но меня никогда не учили анализировать и излагать свои мысли. В школе нас учили только считать.

Я начинаю думать, что Стонброк ошибся в выборе профессии. Он проявил такую энергию и настойчивость, такую деловую хватку, такую

непримиримость в финансовых вопросах, что даже поседевшие в баталиях финансисты военного ведомства после двухнедельных чернильных боёв безоговорочно капитулировали и согласились на пиратский ультиматум, выдвинутый Паулем.

По условиям договора каждый из нас мог в течение всей жизни получать в государственном банке значительные суммы. По желанию вместо годового содержания можно было потребовать единовременное вознаграждение, равное сумме содержания за десять лет. Своими деньгами мы распорядились по-разному. Стонброк перевёл на свой счёт сразу все деньги, купил и заново оборудовал большую физико-химическую лабораторию обанкротившегося треста промышленной электроники, нанял сотрудников, заперся с ними в здании и с одержимостью маньяка занялся теоретическим обоснованием эффекта омоложения. Свои, математические выкладки он тут же проверял в лаборатории. Хорошо зная Пауля, я был уверен, что его добровольное заточение закончится только с появлением стройной и изящной теории «Эффекта Стонброка-Роттенгейга».

Я же воспользовался правом ежегодного содержания. Мне просто в голову не приходило, куда можно деть сразу такую кучу денег. На следующий же день после подписания договора я, Питер и Сэмми отправились в кругосветное путешествие на роскошном корабле.

Кругосветная симфония продолжалась шесть месяцев. Мы таяли под солнцем на белых пляжах Антильских островов, покупали венки у гавайских женщин, охотились на львов в Африке, дышали пьянящим воздухом Фудзиямы, толкались на улочках Шанхая и Гонконга, посещали кабаре Танжера и Стамбула. Но всё затмила старая милая Европа, в один прекрасный день появившаяся на горизонте по курсу лайнера.

Рим, Пиза, Флоренция, Мадрид, Севилья, Париж, Лондон, Стокгольм... Об этом я мог только мечтать. Путаные коридоры Лувра, мрачные тупики Тауэра, колючая готика германских городов. И... картины, скульптуры, и опять картины, и опять скульптуры. Я парил в атмосфере искусства. Да разве об этом расскажешь... Я был просто счастлив.

Загорелые, бодрые и счастливые мы сошли на пристань Нью-Йорка. Вот и дом. Я сразу взялся за дело и с головой погрузился в трясины благоустройства. Через месяц мы въехали в новую светлую виллу, наполовину спрятавшуюся в вековой заповедный лес и снабжённую всеми видами удобств. Меня ожидала просторная студия — розовый мрамор, чёрный шведский гранит и мягкая, как масло, рейнская глина. На полочках сверкал никелем и эмалью дорогой инструмент.

Покончив с хозяйственными заботами, я стал обзванивать «длинноволосых головорезов». В ресторане «Олимпик» был заказан стол на пятьдесят персон, и я полагал, что придётся наверняка заказывать дополнительные места. Как ни странно, ни один из них не принял приглашение.

Затем появились новые знакомые, соответствующие, так сказать, занимаемому финансовому положению. Мужчины: в чёрных смокингах и кремовых спортивных костюмах, подтянутые и обрюзгшие, служащие и хозяе-

ва — но все одинаково благополучные, самодовольные и очень богатые. Женщины — пожилые и молоденькие, красивые и некрасивые, жёны и дочери — все в удивительно дорогих украшениях и мехах. Нескончаемые коктейли, пикники, вечеринки, скачки, рулетки и доллары; ложи в театрах, рестораны, клубы и доллары; презрение, болтовня, чванство, головная боль — и опять доллары. Это слово я слышал сотни раз за день. Как я его ненавидел! Любые разговоры сводились к акциям. Что бы ни делали, имело конечную цель — доллар. Песни прославляли счастье, которое можно получить только за деньги. Под конец мне стало казаться, что женские духи тоже пахнут франками, фунтами, лирами, а луна по ночам сияет огромной серебряной монетой.

Новая жизнь странным образом отразилась на всех обитателях нашей виллы. Что-то в наших отношениях если не сломалось, то уже наверняка треснуло. От обильных ужинов и дорогих обедов я потолстел, а под глазами появились жёлтые дряблые мешочки. Сэмми тайком надевал старые штаны, заталкивал чёрный костюм под кровать и, перехитрив гувернёров, убежал в город. Там он с негритянскими мальчишками носился по горячему грязному асфальту и играл в футбол драным мячом. Питер три месяца потратил на знакомство с городскими барами, а потом, не сказав мне ни слова и оставив чековую книжку на столе, почему-то уехал в Арканзас. Даже Элиза, теперь уже опять оранжевая, упорно отказывалась спать на бархатной подушке, предпочитая груды ветоши в чулане.

Наконец я так устал от развлечений, роскоши и лицемерия, что перетасил кровать в студию, запер парадный вход виллы и приказал дворецкому никого ко мне не пускать.

Две недели я работал над композицией «Жизнь прерий» и уже заканчивал её, когда маленькая бумажка со штампом канцелярии военного ведомства вырвала меня из тихой студии.

Письмо приглашало меня и П. Стонброка на первое тактическое испытание нового армейского, излучателя.

Возможно, ехать и не стоило бы, но жгучее, почти детское любопытство (как же военные будут использовать установку омоложения?) погнало меня в аэропорт и заставило купить билет до Эль-Пасо.

Со Стонброком мы встретились в аэропорту. Он был очень взволнован и всю дорогу приставал ко мне с какими-то формулами, схемами и диаграммами. Особенно радостно Пауль рассказывал о том, как ему удалось подвести изящную теорию под феномен независимости мощности излучения от его расфокусировки.

В штабе полка мы попали в толпу офицеров. В бетонном доте, уставившись ажурной антенной в амбразуру, стоял первый армейский излучатель. Как же он не был похож на мою бесформенную, но всё же симпатичную «Мону Лизу»! Чёрный продолговатый ящик на поворотном лафете, тонкая игла антенны импульс-наведения, небольшой выносной пульт управления — всё строго, без единой лишней детали.



Часа полтора мы ждали. Наконец из окопов противника выкатилась редкая цепочка солдат, и, рассыпавшись чёрными точками по бурой каменистой равнине, двинулась на наши позиции.

Оператор включил излучатель и, доложив, что устанавливает полную расфокусировку импульс-наведения, быстро защёлкал тумблерами на пульте.

Чёрные точки постепенно приближались, превращаясь в солдат. Вскоре солдаты заметно снизили темп наступления. Наконец, они остановились и на глазах собравшихся офицеров стали оседать, терять форму, как проколотые футбольные мячи. Ещё через пять минут мы вышли из укрытия и, не таясь, двинулись по бурой равнине.

Везде смятыми комками валялась военная форма, из которой доносился детский плач или выползали младенцы.

Вот так военное ведомство решило использовать эффект омоложения.

Я закурил и пошёл к машине...

Дальнейшие события развивались стремительно.

Вслед за военным ведомством излучателями вооружилась полиция и служба безопасности. Эти установки были меньшей мощности и соответственно меньших размеров. Их монтировали на патрульных машинах и берегли как зеницу ока. Излучатели выполняли функции, которые я и представить себе не мог во времена создания «Улыбки Моны Лизы».

Если раньше для разгона демонстраций протеста и пикетов бастующих пользовались привычными, но чрезвычайно неудобными и шумными средствами: брандспойтами, гранатами со слезоточивым газом, палками, дубинками, — то теперь на перекрёстке появлялась патрульная машина, наводила антенну на первые ряды колонны бастующих и через пять минут подбирала с асфальта ревущих младенцев. Таким же образом поступали с лидерами неудобных партий, опасными свидетелями и многими другими.

Внешне всё выглядело чрезвычайно благопристойно: правительство никого не убивало, не сажало за решётку, а вроде как творило великое благо — проводило планомерное снижение среднего возраста населения страны.

В то утро я проснулся и вдруг понял, что не хочу иметь виллу, счёт в банке, беззаботную жизнь и продажное уважение новых знакомых. Мне хотелось таскать тяжёлые ящики с радиодетальями, спорить с друзьями, создавать скульптуры, которые никто не покупает, сидеть вечером за кружкой пива в кафе...

Я надел старые джинсы, мешковатый свитер и отправился в кафе на Десятую улицу, где раньше частенько коротал длинные зимние вечера с друзьями.

Звонок над дверью устало звякнул, и я прошёл в хорошо знакомый скромный и чистенький зал. Он был пуст, только за стойкой дремал старый горбатый Вилли, да на высоком стульчике примостился худой, плохо одетый мужчина.

Я прошёл к своему столику и заказал кружку пива с солёными орешками. Вилли разлепил тяжёлые от сна веки и, шаркая ногами, направился ко мне.

Некоторое время я сидел, потягивая пиво и вспоминая прошлое. Из потока мрачных размышлений меня вытщило робкое покашливание. Я открыл глаза и увидел худого мужчину, спрашивающего разрешения присесть за мой столик. Он был стар и жалок.

Сев на краешек стула и поставив наполовину пустую кружку на стол, он сказал:

— Покорно прошу прощения за то, что побеспокоил вас. Не окажете ли вы любезность... Нет, нет, что вы! Я не прошу у вас денег. Видите ли, я стар, несчастлив, многое во мне накопело и требует выхода... Понимаете, хочется выговориться. Я попытался рассказать всё Вилли, да какой он собеседник. Минуту слушает, а потом засыпает. Если вы не против, я буду рассказывать, а вы пейте пиво. Можете меня даже не слушать, просто посидите со мной. Прошу вас...

Старик сжался, в его глазах застыла мольба.

— Мне уже много лет, я скоро умру. всю жизнь я работал учителем в одной из школ Бронкса. Я пытался учить детей не только литературе, но и добру. Не мне судить, как это удалось. Жизнь моя была бедна и заполнена невзгодами и неудачами. У меня было только три радости: жена, сын и книги. Теперь осталась одна, да и та не доставляет мне такого наслаждения, как прежде. Жена умерла десять лет назад, а сын... Я им гордился, я имел на это право! Он был умный, а главное, честный мальчик. Но он, так же как и я, был обречён. Обречён страдать всю жизнь. Он делал то, что ломает жизнь в нашей стране. Он всегда говорил то, что думал! Сын объяснял всем, что война во Вьетнаме и Корее — грязная авантюра, что сожжённые и застреленные негры на наших улицах — позор Америки, что склады химического и бактериологического оружия в Калифорнии — сумасшествие, что... Он многое ненавидел и со многим боролся. А три дня назад за ним пришли и увезли... в пансион для младенцев. Если бы сына посадили в тюрьму, это, без сомнения, было бы горе, но я бы знал, что он вернётся и останется моим сыном! Теперь же из него сделают неизвестно кого. Поймите, он ведь был младенцем, я носил его на руках. Это самый дорогой период моей жизни, тогда я мечтал о том, как сын вырастет, как мы с ним будем жить, работать... Сейчас он тоже младенец, но что из него получится? Его воспитывают так, как надо им, — ограниченной рабочей скотиной. Ведь и янычаров воспитывали из обычных детей! Конечно, смешно винить человека, придумавшего этот страшный излучатель. Смешно, так же, как смешно винить Кюри в ужасах Хиросимы. Виноваты те, кто использует излучатель. Но всё же, если бы мне попался этот изобретатель, я бы, наверное, его убил...

Домой я не поехал. Хотелось увидеть знакомое лицо, и я направился к Стонброку.

Пауль встретил меня у входа и тут же повёл осматривать свои владения. Он суетился, сыпал формулами и терминами, кричал на лаборантов и производил впечатление помешанного.

Через два часа он провёл меня в свой кабинет, усадил в глубокое кресло и закрыл дверь на ключ. На столе появилась бутылка виски, и Стонброк начал длинный разговор о непонятных мне физических процессах.

Вскоре мне это надоело, и я сказал, что собираюсь домой. Пауль вскочил со стула и, размахивая руками, заявил, что я его кровно обижу, если не останусь у него ночевать. Пришлось согласиться.

Через полчаса Стонброк был пьян. Он нервно хихикал и делал таинственные шесты. Потом, набравшись решимости, сделал серьёзное лицо и сказал, что я, как старый друг, имею право быть посвящённым в ужасную тайну. Я стал было отказываться, но Стонброк стукнул кулаком по столу, опрокинул рюмки и нетвёрдо зашагал к большому сейфу.

Достав связку ключей, он долго возился с замком и наконец распахнул тяжёлые створки. На полке лежал продолговатый предмет размером с пишущую машинку.

Из сбивчивых объяснений я понял, что Стонброк тайно собрал излучатель, и если об этом узнают, то он непременно попадёт в тюрьму. Установка была ему необходима как воздух, и он собрал её — малогабаритную, на аккумуляторах и очень мощную.

Закончив свою исповедь, Пауль зашатался и медленно осел на ковёр. Я нагнулся над ним: он спал мёртвым сном.

Перенеся бесчувственного математика в спальню, я вернулся в кабинет и устало опустился в кресло. Спать было рано, ехать домой не хотелось.

Я включил телевизор. Передавали ночное заседание конгресса. Сначала я смотрел, не понимая смысла дебатов, но несколько фраз быстро вернули меня к реальности и прояснили обстановку.

В зале заседаний шло обсуждение вопроса о возможности дальнейшего использования излучателя как средства ведения войны.

Ночью мне снился сон. Великий Леонардо с паяльником фирмы «Дженерал электрик» в руке бежит за мной по тёмному длинному коридору. Он кричит, что моя голова очень похожа на чёрный шарик, без которого невозможно создать Мону Лизу. Я убегаю от него, бросаюсь на закрытые стальные двери, колочу в решётки окон.

И вдруг мы уже на улице, на Пятой авеню. Длинная очередь змеится по тротуару, упираясь в огромную белую дверь. В очереди одни старики и старухи. Они молчат и смотрят на нас равнодушным взглядом. Я бросаюсь к белой двери — там моё спасение. На ней висит медная табличка «Вторая молодость», под которой красными буквами приписано: «Приёма нет и не будет». Я расталкиваю стариков и пытаюсь открыть дверь. Она подаётся с трудом, и я уже чувствую жар паяльника Леонардо на своей шее.

Влетаю в кабинет. На стуле у стены сидит большая белая курица. Из-под неё одно за другим выкатываются розовые яйца. Они падают со стула, разбиваются с треском, и из них появляются оловянные солдатики, которые

тут же строятся походным порядком. Их очень много, они покрыли весь пол и начинают расти. Вот они уже мне по колено, вот по пояс. Широкие штыки винтовок тянутся к моему горлу. Я выскакиваю за дверь и бегу по узкой ухабистой улице...

Оказывается, я упал с кресла. Стонброк лежал на прежнем месте и, казалось, не дышал. Тихонько подойдя к сейфу, я вынул излучатель и положил его в чемодан.

Вахтер спал, уронив голову на служебный телефон. Я завёл свой «джип» и не спеша поехал по пустынному шоссе.

Через три часа я подъехал к зданию конгресса. Солнце уже взошло, и в его розовых лучах даже этот каменный урод смягчил свои неловкие и резкие черты.

Я достал излучатель, расфокусировал антенну, нажал кнопку «Пуск» и направил невидимый луч на здание конгресса...

Сейчас я сижу на капоте «джипа» и слушаю рёв двух тысяч младенцев, курю сигарету и смотрю на солнечный восход. Меня скоро заберут, но страха и сожаления нет. Я спокоен.

Хочется только, чтобы хоть кто-нибудь из этих малышей попал в класс к тому старому учителю, у которого было когда-то три радости в жизни... Он не сделает их конгрессменами, зато сделает из них людей. Сам я на эту роль не гожусь: в школе нас учили только считать...

Рисунки В. ЛУКЬЯНЦА



Рисунки А. НАЗАРЕНКО

Вы, конечно, удивитесь и скорее всего мне не поверите. Я бы и сам не очень-то поверил человеку, рассказавшему мне такую историю. Тем более что я даже не исследователь-межпланетчик, а простой лаборант.

Работаю я в зоопарке смотрителем отделения каракатиц. Но зоопарк не простой, а звёздный.

Это огромная космическая станция, повисшая в пустоте где-то посередине исследуемого сектора галактики и похожая с расстояния на макет кристаллической решётки. Это сотни километров металлических коридоров, маленькие электромобильчики, заменяющие обслуживающему персоналу собственные ноги, искусственная гравитация, вольеры, клетки, кормушки и... тысячи самых разнообразных существ, привезённых автоматическими разведчиками с новых планет. Среди них попадаются довольно милые зверушки, например мои каракатицы, но это уж кому как повезёт.

Вообще-то, в смотрители я попал по ошибке. Я только-только закончил курсы лаборантов-химиков и как раз ожидал рейс на Промакс, коротая время в буфете космопорта, когда меж столиков пробрался толстый растрёпанный человек и истошно завопил:

«Лаборант Иванов! Срочно следуйте за мной. Звездолёт отправляется через пять минут!»

Я срочно последовал за толстяком и лишь через четверть часа обнаружил, что лечу к звёздному зоопарку. Это происшествие открыло мне, что лаборанты Ивановы встречаются несколько чаще, чем я предполагал.

Возвращаться из-за меня, выйдя на трассу, естественно, не стали. Растрёпанный заведующий кадрами тяжело вздохнул, но уже через минуту уго-

ворил меня принять отделение каракатиц. Я согласился. Звёздный зоопарк — это звучало так романтично...

Но романтика кончилась в первый же рабочий день. Правда, мне повезло: каракатицы, как их называли запросто, а по-научному — животные с труднопроизносимым названием, отличались мирным нравом и устойчивым добродушием. Их привезли с планеты Бромб, атмосфера и тяготение которой почти ничем не отличаются от земных. Ребята мне очень завидовали: многим из них приходилось день-деньской просиживать в барокамерах или плавать в аммиачных бассейнах вместе с прожорливыми гильдинскими тюленями.

Но и с моими подопечными скучать не приходилось. Они постоянно требовали пищи и нисколько не заботились о поддержании в вольере чистоты и порядка.

Кроме того, они любили петь. Я затыкал уши ватой, но каракатицы это сразу замечали и, чтобы не лишать меня удовольствия, тут же принимались визжать с удвоенной энергией.

Обязанности мои при внешней простоте отличались трудоёмкостью. Экс-смотритель отделения за два часа ввёл меня в курс дела и побежал подписывать обходной лист.

Но, честно говоря, в зоопарке мне понравилось. Я подружился с ребятами, записался в секцию настольного тенниса и отпустил бороду. Через три месяца я так изучил станцию, что с завязанными глазами смог бы найти отсек каракатиц, панцирных бегемотов или каких-нибудь электрических кур.

А в тот памятный день я сидел возле вольеры и сочинял стихотворение для нашей стенной газеты «Весёлая рептилия». Я поглаживал бороду, грыз карандаш, смотрел в потолок, но никак не мог придумать рифму к слову «жабры». В голову лезли какие-то «швабры», которые никак не хотели вписываться в выстраданный мной сюжет. В вольере шла обычная возня.

Собственно, вольеры в традиционном понимании этого слова не было. Была просторная комната с кондиционерами, пол которой перекрывался слоем искусственного грунта. По пластмассовым свайкам взбирались гирлянды голубого бромбского выюнка, разраставшегося под потолком в пышную ажурную кровлю. Сверху веером расположились двенадцать мощных кварцевых ламп, поддерживающих жизнедеятельность каракатиц и со временем окрасивших моё лицо и кисти рук в цвет крепко заваренного чая.

Каракатицы, зелёнькие, как молодые огурчики, покачивали овальными глянцевыми головками и задорно подпрыгивали на четырёх упругих щупальцах. Их большие синие глаза тряслись на тонких антенках и при особенно сильных прыжках стучали владельцев по головам.

Площадку огораживала стена из шести рядов оголённого провода, оставлявшая небольшое пространство для моего стола, вёдер, щёток и комбинезонов. Каракатицы пролезали через любую щёлку, но как огня боялись проводов под напряжением. Учитывая их миролюбивый нрав, их вполне можно было бы держать и без ограды, и если это и делалось, то только для того, чтобы любопытные четырёхножки не просочились в клетки каких-нибудь не очень разборчивых в пище хищников.

К ограде припрыгала Машка — моя любимица. Она остановилась в полуметре от стены и осторожно просунула антеннки между проводами. Глазки свесились и заглянули ко мне в листок. Каракатица задумалась, механически пережёвывая стебель вьюнка. Я подул на влажные глазки-капельки, и Машка, обиженно пискнув, унеслась в общую свалку.

Рифма не находилась, я вконец разозлился и порвал листок на мелкие клочки.

Психологи утверждают, что для снятия нервного напряжения и чувства неудовлетворённости полезно считать слонов, баранов... и просто одинаковые, похожие друг на друга предметы. Слонов у меня не было, и для успокоения я принялся пересчитывать каракатиц. Раньше их у меня было пятьдесят штук, затем двух увезли на Землю, так что на тот день в вольере должно было резвиться сорок восемь огуречных четырёхножек. Я закончил подсчёты и не поверил глазам: между зарослями вьюна прыгало сорок девять каракатиц! Я пересчитал ещё раз. Затем ещё и ещё... Их было сорок девять! Если бы одно животное исчезло, это всё-таки как-то можно было объяснить. Могла ведь какая-нибудь шалунья удрать из электрической клетки, заглянуть в отсек хищников и закончить свою жизнь в необъятном желудке летающей крысы с планеты Гефест? Но появление лишней особы...

Для верности я сверился в журнале передачи дежурств. Сорок восемь! Не мог же кто-то пронести каракатицу под халатом и выпустить её в вольеру ради шутки?

Я позвонил на пункт приёма, где мне с иронией сказали, что с Бромба уже три месяца ничего не поступало.

Родиться сорок девятая четырёхножка за то время, что я сочинял стихи, определённо не могла. Каракатицы несут салатовые гранёные яички, которые высиживают никак не меньше шести месяцев. Я пробрался в вольеру и стал пристально изучать своих питомцев. Вдруг к Машке подскочила маленькая блестящая каракатица, приложила щупальце к её голове и тут же умчалась в заросли вьюнка.

И тут случилось неожиданное. Машка замерла, неуверенно повела глазками и, завалившись на бок, пошла по какой-то странной кривой. Я вскрикнул, бросился вперёд, но было уже поздно: каракатица налетела на оголённые провода и, обмякнув, повалилась на пол. Машка была мертва. Её глазки затянуло белой мутью, а антеннки обвисли, вытянувшись жёлтыми ниточками. Каракатицы никогда и близко не подходили к проводам под напряжением. Они улавливали даже очень слабое электромагнитное поле и болезненно реагировали на его повышение.

Я был в панике: сначала неизвестно откуда появляется лишнее животное, а затем совершенно противоестественным образом, погибает милая, сообразительная Машка. Видимо, только моим возбуждённым состоянием и можно объяснить то, что я отважился позвонить самому директору зоопарка.

Трубка прохрипела что-то неразборчивое, и послышались гудки отбоя.

Надо отметить, что директора Ганса Пфаффа на станции побаивались. Он был строг, педантичен и сух. Казалось, его взгляд проникает в глубины

сознания и, не обнаружив там ничего интересного, устремляется в законные пейзажи.

Через несколько минут дверь отделения распахнулась и в комнату въехали на маленьких электромобильчиках тощий Ганс Пфафф со своим оруженосцем завхозом Аполлиналием Кышмарским.

Пфафф выстрелил в меня лазерным взглядом, а Кышмарский оглядел отсек с явной подозрительностью.



Я выскочил из-за стола и принялся сбивчиво докладывать о таинственном происшествии, имевшем место в моем владении. Глаза директора бегали из стороны в сторону, и я догадался, что он пересчитывает каракатиц. Наконец я закончил рассказ, и в комнате повисла напряжённая тишина.

Директор кашлянул и скрипуче проговорил:

— Объявляю вам выговор за гибель животного. И за неумение считать хотя бы до пятидесяти.

Автомобильчики развернулись и, бибикая, выехали в коридор. Завхоз Аполлиналий на минутку обернулся и выразительно постучал себя пальцем по виску. Потом машины растворились в полумраке тоннеля.

Я был сбит с толку и лишь спустя некоторое время догадался заново пересчитать каракатиц.

Их было снова сорок восемь!

Всё оставалось по-прежнему: Машка лежала у оголённых проводов, остальные четырёхножки резвились в зарослях вьюнка, но всех теперь их было столько, сколько и положено, — сорок восемь! Мне сразу стала понятна реакция Пфаффа на мой рассказ. Сорок девятая каракатица появилась ниоткуда и исчезла в никуда...

В бессилии я опустился на стул и вызвал ребят из патологоанатомической группы. Они ввалились шумной группой, завернули Машку в полиэтилен и ушли, посоветовав мне напоследок не принимать всё так близко к сердцу. Знали бы они, что творилось у меня в голове...

Внезапно заверещал телефонный звонок, я поднял трубку и услышал голос Олафа:

— Малыш! Тут у меня происшествие... Заскочи на минутку.

Я повесил трубку и вышел в коридор.

Олаф — швед-богатырь, был смотрителем отделения перевёртышей. Его отсек располагался сразу за моим.

Олаф, спокойный и рассудительный, как нельзя лучше вписывался в своё отделение. Пушистые палевые зверушки, пойманные в пещерах Бергони, отличались редкостным флегматизмом. Они существовали словно в замедленном времени. Каждое их движение тянулось так долго, что казалось, оно никогда не кончится. Перевёртыши жили на потолке и не желали спускаться на землю. Они передвигались на мягких лапках-присосках, накрепко приклеиваясь к своду искусственной пещеры. Их круглые умные глазки приветливо поблёскивали в вышине, и складывалось впечатление, что перевёртыши способны воспринимать действительность только вниз головой.

— Что случилось, Олаф? — спросил я.

— Перевёртыш погиб.

— Но ты ведь знаешь: не было ни одного случая гибели перевёртыша.

— Оказывается, может! Фантастика какая-то, — пробормотал Олаф. — Ты представляешь, малыш, сидели они, как всегда, на потолке, и вдруг один разжал присоски, рухнул на пол и... Но не это главное. Мне показалось, что его подтолкнули.

— Как подтолкнули? — не понял я.

— За секунду до этого к нему подполз какой-то перевёртыш и ткнул его лапой.

По спине у меня побежали мурашки. Я сосчитал животных на потолке. Вместе с погибшим их было тринадцать. Сдерживая волнение, я спросил:

— А сколько их у тебя?

— Двенадцать, — ответил Олаф.

— Ну-ка, сосчитай!

Олаф обежал взглядом потолок и, побледнев, выговорил:

— Невероятно! Что происходит, Паша?

Я присел на край стола и подробно рассказал о лишней каракатице, гибели Машки и выговоре Пфаффа.

— Что же делать, малыш? Надо бы заявить руководству,

— Я уже заявлял, — напомнил я.

— Но тогда ты просто не был подготовлен к докладу. Теперь же... Вот что! Ты оставайся здесь и понаблюдай за перевёртышами, а я пойду в дирекцию, по телефону всего не объяснишь.

Олаф вскочил в электромобильчик и, заложив крутой вираж, вырвался в коридор.

Я отодвинулся подальше от раскалённого рефлектора и мрачно уставился на повисших вниз головой животных. Они сбились в плотную группу и, казалось, изучали меня весёлыми влажными глазами.

Один из перевёртышей отделился от группы и неловко пополз по шербатовому гранитному потолку. Он сделал несколько растянутых шагов, мелко задрожал и... вдруг растаял в воздухе.

Я чуть было не свалился со стула. Перевёртышей стало опять двенадцать. Только что под сводом сидел пушистый зверёк, и вдруг он растворился на глазах, как кусок сахара в кипятке!

В коридоре послышались нервные гудки, и в отсек въехал завхоз Аполлинаруй. Директор же составлял годовой отчёт и не был расположен отрываться от дел из-за всякой ерунды. Раздражение Кышмарского перешло точку и вошло в период. Он теребил остатки волос и свирепо вращал глазами.

Подсчёт перевёртышей не занял много времени, и на нас с Олафом обрушился рокочущий бас:

— Когда, наконец, прекратятся эти дурацкие шутки? Я давно замечаю; творится форменное безобразие. Лаборанты распустились, животные гибнут, а зрители сочиняют глупые истории и пытаются таким образом отделаться от справедливого возмездия. Но оно грядёт! Например, в четвёртом отсеке от истощения скончался плантоид! Так что, по-вашему, придумал зритель Мелини? Он уверял меня, что животное разучилось жевать!! Но это не могло: в соответствии с приказом ему был объявлен выговор! Вы думаете, что, если я завхоз, так уж ничего не понимаю в зоологии?

Мы промолчали, и Кышмарский, гневно махнув рукой, направился к электромобилю.

— Ну что, попробовал? — спросил я красного, как помидор, Олафа. — Пока тебя не было, лишний перевёртыш взял да и растаял у меня на глазах. Так что доказательств нет.

Олаф пнул грудь комбинезонов в углу комнаты и выпалил:

— И всё равно, этого нельзя просто так оставить! В зоопарке происходят странные вещи, и стоит попробовать в них разобраться. К примеру, почему мы считаем, что лишние особи появляются только в наших вольерах? Может быть, подобное происходило и в других?

— И никто ничего не заметил? — с сарказмом спросил я.

— А что? Ты и сам обнаружил прибавление чисто случайно.

— Ну хорошо,— согласился я.— Тогда как ты собираешься доказать, что мы были свидетелями реальных событий, а не какого-нибудь миража или галлюцинации?

— А вот посмотри: фантом появляется у тебя, и сразу же погибает Машка. Потом он перемещается в мой отсек — и перевёртыш отклеивается от свода. Тут есть какая-то связь, с животными что-то происходит. Давай посмотрим журнал регистрации происшествий.

Часа два мы просидели над сводами отдела регистрации и наконец получили странную картину периодичности разного рода происшествий. Животные бросались на силовые барьеры, тонули в бассейнах, отказывались принимать пищу, погибали от истощения или по неизвестным причинам. Первым погиб плантоид, про которого с таким пылом рассказывал Аполлинарий Кышмарский. Произошло это две недели назад, и с тех пор погибли ещё несколько животных. Мы с удивлением обнаружили, что смерть-призрак как бы путешествует из отсека в отсек.

— Ну что ты теперь скажешь? — спросил Олаф, и вдруг его осенила идея. — Предположим, что фантом появлялся во всех отсеках, где произошли несчастья с животными. Он, по-видимому, умеет как-то воздействовать на обитателей вольер.

— Но ведь тогда, — сообразил я, — кое-какие данные можно получить у патологоанатомов! Животные из других отделений, конечно, уже препарированы, но нашими-то наверняка пока ещё не занимались.

Олаф повернулся к телефону и заскрипел наборным диском.

— Славик, к тебе только что привезли животных из наших двух отсеков. Нам просто необходимо узнать, что с ними случилось.

— Ну вы и шутники! — ответила трубка. — Что с ними случилось! Сами будто не знаете: у каракатицы электрический удар, а у твоего перевёртыша в черепе дыра с палец!

— Я не об этом. Нужен полный отчёт о состоянии органов животных. Сделай по дружбе. Залезь в каждую клеточку, но найди. Какие-то аномалии у них должны быть!

Под вечер раздался звонок, и удивлённый голос Славы Сорокина сообщил:

— Вы оказались правы, ребята. Психодиагностики установили, что с каналов памяти мозга животных снята вся информация вплоть до рефлексов.

Олаф положил трубку и спросил:

— Теперь тебе понятно?

— Ещё бы! — ответил я. — Фантом снимает накопленную информацию с мозга животных, и в результате те превращаются во взрослых новорождённых. Именно поэтому Машка натолкнулась на провода — она просто не знала, к чему это приведёт, именно поэтому перевёртыш отклеился от свода — он понятия не имел, как за него держаться, и именно поэтому плантоид смотрителя Мелини отказался принимать пищу — он действительно не представлял, как её пережёвывать. Когда мозг пуст, животное обречено: так или иначе оно погибнет.

— Но главное не в этом, — сказал Олаф. — Необходимо понять, зачем у животных снимается информация и что собой представляет фантом.

— Хорошо! — я рассуждал вслух. — Допустим, снятие информации — цель появления фантома. Но что же может извлечь он из памяти животного?

— Между прочим, из памяти животного можно извлечь не так уж мало, — задумчиво отметил Олаф. — Каждый врождённый рефлекс содержит информацию о неизменности среды обитания организма, а приобретённый — о её эволюции. Даже анатомические признаки могут рассказать о составе атмосферы, строении поверхности планеты, температуре и её перепадах, гравитации, звёздной активности и так далее. Память же, или, вернее, её запас, полученный при жизни, поведаёт об условиях обитания, повадках друзей и врагов.

— Значит, если сложить все данные анатомии, физиологии и памяти животного, а потом провести подробный анализ, то можно составить довольно полное представление о планете, откуда это животное было доставлено? — спросил я, поражённый промелькнувшей вдруг догадкой.

— Да, это будет примерно соответствовать предварительной разведке планетной системы.

Мы замолчали, пытаясь восстановить порядок в мыслях. Наконец я не выдержал и спросил:

— Послушай, если это действительно «гости оттуда» и таким образом они получают первичную информацию о неизвестных им планетах, то почему же они не вступили с нами в контакт и просто не попросили аналогичные сведения?

— А с чего ты взял, что это представители внеземного разума? — спросил Олаф. — Мы, между прочим, прежде чем лететь на какую-нибудь новую планету, посылаем туда автоматического разведчика, обладающего довольно скромной и чрезвычайно жёсткой программой.

— Ты хочешь сказать, что фантом — кибер? — Я покачал головой.

— Если мы не занимаемся пустым фантазированием, то логичнее всего предположить, что фантом именно кибер. Представь себе: он передвигается по ранее заданному маршруту и вдруг натывается на зоопарк! Это же море информации, и кибер тут же включается в работу. Он по порядку переходит из отсека в отсек, записывает информацию о среде обитания животных с разных планет.

— Но зачем этот маскарад? — спросил я. — Зачем лишние каракатицы и перевёртыши?

— Для маскировки. Легче всего подобраться к животному, не вызывая у него подозрения, приняв его облик.

— Это что же получается? — спросил я растерянно. — Кибер маскировался не от нас, а от обитателей вольер?..

— Конечно! Он ведь не мог знать, что мы разумные существа, не сняв информацию с нашего мозга. Для него мы ничем не отличаемся от остального населения зоопарка. Кстати, вполне может случиться, что до нас, как до объектов изучения, просто не дошла очередь.

Я представил себе, что случится, когда очередь дойдёт, например, до меня, и сразу почувствовал неприятный холодок в области сердца.

— Олаф! Фантазии фантазиями, но можно ли проверить хоть что-нибудь из наших догадок?

— Кое-что мы определённо можем узнать. Ведь какой бы это ни был совершенный разведчик, на чем-то он должен был сюда прилететь? И потом, вполне возможно, что именно в это время фантом спокойно разгуливает по следующему отсеку.

Через пять минут мы с Олафом разделились: он пошёл к Марку в отделение «тряпичных черепах», а я помчался на пост внешнего наблюдения. За пультом сидел сменный наблюдатель.

— Шандор! Скажи, за две-три недели не происходило ли в пространстве в районе зоопарка чего-нибудь необычного?

Шандор посмотрел на меня с подозрением и спросил:

— И как тебе удаётся узнавать всё первому? Происходило, только не две-три недели, а две-три минуты назад. Похоже, у меня начались галлюцинации. Случайно взглянул на экран, и... представь себе, абсолютно пустой кусок космоса, и вдруг ниоткуда возникает светящаяся точка, разгоняется до скорости перехода и ныряет в подпространство.

— Шандор! — крикнул я. — Давай побыстрее ленту регистрации.

Он отворил дверцу регистратора и смотал с вала длинную абсолютно чистую полоску бумаги.

— Пусто, — прокомментировал он. — Я так и думал, что это галлюцинация. Надо бы наведаться к медикам.

Мы его спугнули! Он улетел, не оставив ни одного доказательства своего существования.

И всё же с того дня мы находимся в постоянном ожидании. От зоопарка стартовал один звездолёт, но никто не скажет, сколько их к нему прилетело...

ИЗОБРЕТАТЕЛИ СИТУАЦИЙ

А. КЛИМОВ,
И. БЕЛОГРУД

ГЕНИИ



Телевизор негромко и убаюкивающе рассказывал об уходе за садовыми растениями, и Пётр Евгеньевич не заметил, как слегка задремал. Заливистая трель дверного звонка грубо вернула его из мира полусна в мир суровой реальности.

На пороге, в пижаме и волосатых шлёпанцах, стоял сосед по лестничной площадке Андрей Григорьевич Архипов. Он улыбнулся и, как всегда, спросил:

— Как насчёт шахматешек, Пётр Евгеньевич?

Левицкий поскрёб в затылке и согласился. На минуту выйдя в кухню, он вернулся с чайником и вареньем.

Архипов играл, в общем, неплохо, но эмоциональность характера мешала ему справиться со стойкой флегматичностью и осторожностью Левицкого. Обычно Архипов яростно атаковал, полностью пренебрегая защитой, и очень болезненно переживал свои вошедшие в традицию поражения.

Но в тот тихий вечер Архипов выиграл две партии подряд! Это было странно. Пётр Евгеньевич с удивлением отметил, что партнёр играет без обычных «нервов», точно и логично.

Передвинув ферзя на большую диагональ и поставив партнёра в безвыходное положение, Архипов вытянул из кармана помятую папироску и сказал:

— Вот вы — умный человек, Пётр Евгеньевич. А какое определение вы, например, смогли бы дать понятию «героизм»?

Левицкий поправил сползающие очки.

— По-моему, героизм — это способность жертвовать личным, вплоть до высшей ценности — жизни — ради других людей или великих незабываемых идей.

Архипов согласно кивнул:

— Прекрасная формулировка! А что вы скажете, если мы представим следующую ситуацию. На Землю, соблюдая конспирацию, опустился звездолёт из другой галактики. Гости провели необходимые исследования и уже собирались возвращаться домой, когда вдруг обнаружили неисправность в системе управления. Помогли бы вы им, если бы ремонт зависел только от вас?

— Конечно! — ни минуты не сомневаясь, ответил Левицкий.

— А если бы для этого вам пришлось пожертвовать чем-нибудь очень для вас существенным? Например, рукой или ногой? Смогли бы вы пойти на это и всю оставшуюся жизнь пользоваться протезом вместо близкой, горячо любимой ноги?

Пётр Евгеньевич задумался, без впечатления проглотил две ложки малины и решительно сказал:

— Да. Безусловно, да! Значение контакта со звёздной цивилизацией трудно переоценить. Они прилетели к нам, и мы должны оказать им посильную помощь и гостеприимство. И грош цена человеку, если он не сумеет пожертвовать своей ногой ради шага в будущее.

— Ну, а вы бы сделали это? Сами, лично? — хитро прищурясь, поинтересовался Архипов.

— Я бы первым предложил все свои руки и ноги, всего себя, окажись космические гости в безвыходном положении, — заверил приятеля Левицкий, шумно отхлебнув из блюдечка.

Глаза Архипова блеснули изумрудным огнём, и он тихо и прочувствованно сказал:

— Я рад, Пётр Евгеньевич, что мы в вас не ошиблись!

— Не понял.

— Дело в том, что ситуация, которую я только что живописал перед вами, возникла в действительности. Я — командир фотонного звездолёта, потерпевшего аварию на Земле.

Пётр Евгеньевич так вскинул брови, что его очки свалились с носа.

— Ну вы и шутник, Андрей Григорьевич! Вам бы не в цирке, а на эстраде работать.

Архипов выпрямился в кресле и внушительно сказал:

— Во-первых, это вовсе не шутка, а во-вторых, я совсем не Андрей Григорьевич. Я лишь принял облик Архипова, чтобы не травмировать вашу психику своим реальным внешним видом и не спеша, исподволь, подготовить вас к серьёзному разговору.

Пётр Евгеньевич почувствовал вкус к разворачивавшемуся перед ним спектаклю:

— Перевоплощение вам явно удалось. Ну и что же стряслось с фотонным звездолётом и его системой управления?

Лицо Архипова стало серьёзным.

— При посадке у нас вышел из строя главный корабельный мозг. Как вы, наверное, догадываетесь, это — сложное биокibernетическое устройство, сверхинтеллект, без которого добраться до нашей галактики просто невозможно.

— Вот как! — попытался подавить улыбку Пётр Евгеньевич. — И всё же чем я, скромный служащий, могу помочь пришельцам из космоса?

— Очень многим! Дело в том, что вы — гений! Вы — мутант, игра природы!

— Ну да? — с сомнением покачал головой гениальный мутант.

— Точно! — отрезал Архипов. — Интеллект такой мощи может появиться на Земле лишь раз в двадцать, ну, пусть десять тысяч лет.

Левицкому, хотя он и понимал, что это шутка, был очень лестен отзыв энергичного соседа, и он добродушно поинтересовался:

— И чем это может помочь вашему несчастью?

— Только ваш сверхмозг в состоянии полностью заменить сгоревший корабельный компьютер!

— Вот это да! — крикнул Левицкий. — Не говоря о том, что, кроме вас, никто почему-то не замечает моей гениальности, хочется узнать, как я буду обходиться без мозга.

Архипов откинулся на спинку кресла, и Петру Евгеньевичу показалось, что глаза его зажглись синим огнём.

— Я не говорил, что вы гениальны, как индивидуум. Совсе нет. Гениален ваш мозг, и только. Его потенциал огромен, но он у вас практически не задействован. Вы не используете его возможности даже на тысячную долю процента! Можно сказать, что он попал к вам по недоразумению, оказался у плохого хозяина.

— Ну, знаете ли, Андрей Григорьевич! Что мы с вами играем в шахматы, ещё не даёт вам права меня оскорблять! — возмутился Левицкий.

— Я — не Андрей Григорьевич! — уже с раздражением бросил Архипов.

— Тогда где же сейчас мой милый сосед? — ехидно поинтересовался Пётр Евгеньевич.

— Ваш милый сосед в данный момент спит в своей квартире и проснётся не раньше, чем мы с вами придём к какому-нибудь соглашению. Можете сами убедиться, — сказал гость и взмахнул рукой.

Стена, отделявшая жилплощадь Левицкого от малогабаритных владений соседа, начала таять, превращаясь в дымчатый, испещрённый блёстками занавес. Наконец, стена полностью исчезла, и перед изумлённым Левицким предстала хорошо знакомая комната с пластмассовой люстрой под потолком.

Андрей Григорьевич, сложив руки на груди, лежал на диване и раскатиисто храпел.

— Достаточно? — спросил Архипов-двойник.

Стена начала зарастать, и вскоре от белой её прозрачности не осталось и следа.

Пётр Евгеньевич окаменел.

— Так это не шутка...

— На шутки у меня нет времени, — подтвердил лже-Архипов. — Ну так как, отдаёте мозг? Он у вас всё равно пропадает.

Гениальный мутант внутренне сжался. На секунду ему представилось, как зелёные спруты-инопланетяне распиливают его голову циркулярной пилой, и он дрожащим голосом спросил:

— А как же я?..

— С вами будет всё в порядке, — заверил Левицкого гость. — Мы поставим вам обычный человеческий средний мозг и перенесём в него всю ин-

формацию из вашего. Вы не заметите разницы. Ваше сознание не претерпит изменений!

— Да, — возмутился Пётр Евгеньевич. — А откуда возьмётся этот «средний»?

— Конечно, не из головы вашего соседа! — хмыкнул двойник. — Новый мозг мы просто синтезируем. Кстати, он уже готов.

— Но если вы можете синтезировать искусственный мозг, то зачем же вам понадобился мой природный?

— На корабле, так сказать, в походных условиях, возможно создание только крайне примитивного мозга. Вам он вполне подойдёт, а нам...

— Вы хотите сказать, что я — примитив? — нашёл в себе силы обидеться Левицкий.

Гость улыбнулся:

— Как это ни парадоксально, но вы действительно единственный во Вселенной примитивный гений! Или: гениальный примитив? Не обижайтесь! Ваше умственное развитие вполне соответствует среднечеловеческому. Примитивно же ваше отношение к ценностям. Вы обладаете чудесным даром природы — совершенным мозгом, а он не приносит вам ничего, кроме хлопот при поисках шляпы нужного размера. Это аморально — иметь сокровище и не использовать его. Гениальность неотделима от инициативы и силы воли. Вы же — безвольны...

— Но я могу изменить образ жизни и... — начал было Левицкий.

— Да полноте, Пётр Евгеньевич. Вы же знаете, что этого не произойдёт. Не скажи я вам о вашей потенциальной гениальности, вы бы и не подозревали о ней.

— Это не довод. Теперь-то я знаю!

— Ну и что? Вы всю жизнь будете гордиться своим мозгом, даже не подумав загрузить его работой. А так мы исправим несправедливость: поставим вам мозг, соответствующий вашему образу жизни. Вы этого даже не заметите! Честно говоря, мы могли бы провести замену втайне, без вашего ведома. Заснув однажды вечером, наутро вы бы проснулись с другим мозгом, но с теми же способностями! Однако мы повели честную игру, предоставив вам свободу выбора...

В груди у Петра Евгеньевича похолодело. Ему стало страшно. А что, если гость, устав от словесных баталий, попросту усыпит его и...

Левицкий, оттолкнув стул, рванулся, как раненый носорог, к дверям.

Он уже снежной лавиной катился по лестнице и набирал в лёгкие воздух для могучего крика «Милиция!», когда неведома» сила оторвала его от бетонных ступенек и, встряхнув, подняла в воздух.

Пётр Евгеньевич завис вниз головой и в таком неудобном положении полетел к дверям своей квартиры. Его, словно соринку в пылесос, втянуло в комнату и бросило на мягкий стул.

— Разве так можно? Какая неосторожность! — беспокоился гость. — Вы ведь могли оступиться, упасть и получить сотрясение мозга!!! Тогда всё пропало бы.

Левицкий тяжело дышал. Полёт вниз головой несколько прояснил его мысли, и он уже вполне осмысленно сказал:

— Что вы ко мне прицепились? Мой мозг — и баста! Захочу и вообще буду лбом разбивать кирпичи, как японские каратисты!

— Кажется, вы ещё примитивней, чем я думал, — с грустью проговорил пришелец. — У вас вообще следует конфисковать мозг, как у налётчика, ограбившего природу.

Тихая и робкая душа Левицкого начала бунтовать:

— Пусть я дурак. Ну а вы-то кто? На что вы рассчитываете? Сначала вы говорите, что я — гений, что мне всё подвластно, заставляете меня поверить в это, а потом предлагаете взамен «средний» мозг! Неужели вы надеетесь, что я соглашусь на такой обмен?

Теперь задумался двойник. Он, видимо, ослабил самоконтроль, и Петру Евгеньевичу показалось, что его высокий лоб начинает приобретать синеватый оттенок, а лицо — расплываться, оживая незнакомыми чертами.

— А может, продадите? — спросил он с надеждой. Но, посмотрев на Левицкого, сокрушённо помотал головой. — Как всё было просто лет двести-триста назад! Я бы предложил вам золото и самоцветы, и вы, смею вас заверить, не отказались бы.

Архипов щёлкнул пальцами, и на стол ливнем хлынули золотые монеты вперемешку с драгоценными камнями. Жемчужины скакали мячиками по доске, бриллианты с бульканьем падали в остывший чай, дублоны и пиастры со звоном сбивали шахматные фигуры.

— А теперь этим не соблазнишь! — грустно заметил незнакомец. — Сознание возросло! Теперь каждый понимает, что ум дороже любых сокровищ.

Гость тяжело вздохнул, и самоцветы начали испаряться один за другим.

— Я знал, что современного человека не соблазнишь золотом, и поэтому не случайно завёл разговор о героизме, — сказал двойник.

Левицкий понял, что попал в ловушку. Он покраснел и выдавил:

— Да, но...

— Вот именно: «Но!» На словах — все герои, а как до дела доходит... Ведь если мы не сможем добраться до дома, никто в галактике в ближайшие тысячелетия не узнает, что на планете Земля живут братья по разуму. А вы сами говорили: «Значение контакта со звёздной цивилизацией трудно переоценить...»

Левицкий несмело кивнул головой:

— Я и сейчас не отказываюсь от своих слов, но мозг... Это... Это... Я ради вас готов отдать кожу и кровь, и даже больше. Но мозг! Это совсем другое... Словом, его я не отдам. Если нужна кожа — забирайте и проваливайте!

Гость встал из кресла, оперся о стол жилистыми руками.

— Это, конечно, далеко не то, что люди и мы понимаем под героизмом. Чтобы заставить человека думать, должен прилететь инопланетянин, два часа

пить вредную для его здоровья горячую воду и вдалбливать в голову взрослого дяди прописные истины! Чудовищно!

Пётр Евгеньевич откинулся на спинку стула, чтобы набрать в лёгкие побольше воздуха перед сокрушающим ответом, но не рассчитал усилия. Старый разболтанный стул развалился, и гений, как спиленный баобаб, рухнул на пол.

От удара он потерял сознание, а когда очнулся, в комнате никого не было. На столе лежала опрокинутая шахматная доска. Телевизор пронзительно гудел и мигал надписью: «Не забудьте выключить телевизор!»

Пётр Евгеньевич помотал головой и вдруг понял, что спокойная жизнь кончилась. Пришелец исчез, но оставалось невыясненным главное: успел он заменить гениальный мозг на средний или нет?

Была лишь одна возможность проверить это.

Левицкий критически оглядел книжную полку и вытянул из её тёмного угла пожелтевший от пыли том «Теории относительности». Подумав, он оторвал листок настенного календаря и открыл книгу на первой странице.

Впереди была целая жизнь.



Александр КЛИМОВ

Игорь БЕЛОГРУД

ЗАЯЦ

Фантастический рассказ

Рисунок Г. АЛЕКСЕЕВА

Сергей откинул крышку ящика и огляделся. Он попал в огромный грузовой отсек «Альбатроса». Тускло светили красные дежурные лампы. В их неверных, мутных лучах пирамидами высились контейнеры с синтетическими кристаллами. Их было никак не меньше нескольких тысяч. Ящик с книгами, куда он спрятался, пневмоподатчик сложил в штабель у стальной, чуть шершавой на ощупь стены.

Серёга оказался на самой верхушке штабеля; он верно рассчитал, и его ящик пошёл на погрузку последним. Мальчик сел на откинутую крышку и с опаской посмотрел вниз. Наконец он набрался решимости и, скинув узелок с припасами, прыгнул сам. Металлический клёпаный пол отозвался низким гулом, и Серёга, быстро оглянувшись, поспешил за ближайшую пирамиду контейнеров. Надо было устроить себе временное убежище, по возможности удобное и неприметное. Главное, чтобы его не обнаружили в течение двух-трёх дней, а тогда «Альбатрос» отойдёт слишком далеко от Земли, чтобы возвращаться из-за него...

Мысль о побеге из интерната появилась у него три месяца назад, когда стало известно, что в поселении на планете, где работали его родители, произошла авария. Вышла из строя система синтеза пищи. Запасов продуктов могло хватить лишь на несколько месяцев, потом людей ждала голодная смерть. Для восстановления огромной и чрезвычайно сложной установки синтеза пищи требовались синтетические кристаллы. Жизнь родителей и всех колонистов висела на волоске. И Серёга, движимый наивным мальчишеским желанием помочь им, забрался в звездолёт. Правда, он ещё сам толком не знал, чем может помочь.

...Взлёт «Альбатроса» прошёл бы для Сергея совсем незаметно, если бы не лёгкая вибрация толстых бронированных стен. Недавно установленные на звездолётах антигравитаторы сохраняли внутри кораблей нормальную силу тяжести, в то время как сами корабли двигались с чудовищным ускорением. Приблизившись к скорости света, звездолёты «протыкали» пространство и появлялись уже за сотни парсеков от Солнечной системы. Два дня Серёга сумел высидеть в своём тайнике. На третий он почувствовал себя так одиноко, что, не дожидаясь установленного им самим же срока, выбрался из убежища и побежал к выходу из грузового отсека.

Стальной коридор встретил его полной тишиной и восковым блеском пластиковых светильников. Мальчик стрелой мчался по винтовым переходам, не раздумывая, перескакивал с одного скоростного лифта на другой, при-

ближаясь к рубке управления. Корабль разогнался в заданном режиме, но мальчику всё время казалось, что на борту его что-то не так, чего-то не хватает.

Серёга прекрасно ориентировался в путанице коридоров звездолёта. Как и любой маленький обитатель космодрома, он смог бы с завязанными глазами пройти от машинного до носового отсека. Он бежал, не снижая скорости, и только перед толстой бронированной дверью рубки управления вдруг понял, что смущало его всю дорогу. В коридорах ему не попалось ни одного робота, ни одной ремонтной приставки.

Серёга секунду постоял перед дверью, улыбнулся, представив, как удивятся астронавты, и, постучав, шагнул в святая святых звездолёта — рубку управления. Рубка встретила его фейерверком электрических огней. Тысячи кнопок и переключателей рядами тянулись по панелям. Дисплеи выстреливали колонками цифр, а перед экраном обзора лениво и расслабленно застыли два мягких вращающихся кресла. Серёга обвёл комнату взглядом и с удивлением обнаружил, что астронавтов в ней нет. Лишь у стены, сплошь покрытой рукавами световодов, стоял большеголовый биокибер.

— Здравствуй! — сказал Сергей. — А где астронавты?

Робот вздрогнул и замер. Его круглые, ярко-жёлтые глаза уставились на мальчика, а большая, шарообразная голова наклонилась вперёд. Зеленоватая кожа глянцево блестела в лучах ламп, а длинные руки, словно лишённые костей, причудливо изогнулись.

Если бы Серёга не знал, что даже самые совершенные роботы не способны на эмоции, он бы, пожалуй, решил, что зелёного дублёра парализовало сильнейшее изумление.

— Ты чего молчишь? — уже с нетерпением спросил мальчик. Кибер как-то сразу пришёл в движение. По его телу прокатились волны, руки поднялись, и он сделал два быстрых шага вперёд.

— Ты чего? — испуганно крикнул Серёга, и в то же мгновение две гибкие трёхпалые руки опустились на его плечи.

Мальчик машинально дёрнулся назад и услышал треск рвущейся ткани. В сильных пальцах кибера остались выданные «с мясом» погончики Серёгиного комбинезона. Робот снова двинулся вперёд, а «космический заяц», заорав во всё горло, что было духу пустился наутёк по бесконечному коридору.

Он нёсся по гулким стальным переходам и всё отчётливее слышал за собой тяжёлые шаги биокибера. Сердце мальчика от страха готово было вырваться из груди, а по лицу ручьями стекал холодный пот. Наконец он миновал очередную развилку, пробежал ещё несколько метров и вдруг обнаружил, что больше не слышит звуков преследования.

...Что могло случиться на корабле? Обычно доставка грузов осуществлялась транспортными звездолётами, пилотируемыми экипажами биокиберов. Но в последнее время было зафиксировано немало случаев исчезновения таких кораблей. Они стартовали, но до пункта назначения не доходили. Поэтому, учитывая исключительную важность и срочность грузов

планеты, где произошла авария, Космоцентр принял решение послать звездолёт, управляемый экипажем из двух человек, поскольку ум человека более гибок и пластичен, чем у самого совершенного автомата. И вот сейчас этот звездолёт летит в космосе, и на его борту происходит что-то непонятное.

Вдруг Серёга осенило: универсальный штекер! С его помощью можно всё узнать!

Этот маленький хитрый приборчик для подключения к общим информационным сетям Сергей спаял ещё в мастерской интерната. У каждого настоящего астронавта был точно такой же, и в любом месте корабля он мог получить необходимую информацию от электронного мозга! Сергей сунул электронный ключик в гнездо разъёма, и после секундной паузы металлический голос сообщил страшную новость: оба астронавта находятся в камерах анабиоза, включённых на режим длительной заморозки, а вспомогательные роботы и приставки заперты и обесточены в механическом отсеке.

* * *

Сергей вошёл в кухонно-хозяйственный блок, повернул ручку водопроводного крана и подставил под него флягу. Но из блестящего никелированного носика не выкатилось ни капли.

— Маленький человек! — загремело вдруг под сводами. — Сдавайся! Я не причиню вреда ни тебе, ни астронавтам. Я не хочу вашей гибели. Сдавайся, и скоро вы все вернётесь домой!

Биокибер, воспользовавшись корабельной радиосвязью, предъявлял ультиматум.

«Сумасшедший», — подумал Сергей.

Со спятившими роботами он встречался лишь на страницах фантастических романов, теперь же ему «посчастливилось» встретиться с умалишённым биокибером наяву. Но интуитивно мальчик чувствовал, что всё обстоит сложнее, что в происходящем есть какой-то скрытый смысл.

Сергей уже по привычке подошёл к информационному гнезду и сунул в него универсальный штекер. Он взял себе за правило не реже чем раз в десять минут подключаться к корабельному мозгу и запрашивать его о местонахождении робота. Серёге не хотелось неприятных сюрпризов. Кибер постоянно находился на развилке трёх коридоров, и мальчик понял, что по каким-то причинам он не мог покинуть свои «владения». Каковы же эти причины? Серёга силился их разгадать, но не мог.

А звездолёт продолжал разгоняться, с каждой секундой по изменённому курсу приближаясь к прыжку в подпространство. Мальчик понимал, что, если он не сможет в ближайшие часы остановить робота, «Альбатросу» уже никогда не попасть на планету, где были его родители. Не дойдёт до адресата груз кристаллов — и колония погибнет от голода. На Земле же узнают о случившемся, когда будет уже поздно.

Сергей так отчётливо представил себе гибель мамы и папы, что по щеке его покатались слезы. Он рассеянно прошёл по пустынному коридору и не заметил, как оказался на складе машин и механизмов. Вдоль стен рядами

расположилось разнообразное геологическое оборудование, а посередине на небольшом возвышении стоял маленький вездеход. Сергей долго смотрел на него, и вдруг ему в голову пришла такая неожиданная мысль, что мальчику даже стало не по себе. Он испугался этой страшной мысли, но, подумав, понял, что другого выхода у него нет. В его руках была жизнь многих людей.

* * *

Самоходка кляцала гусеницами по рубчатой стали пола и с грохотом подпрыгивала на ступеньках. Мимо пронеслись стены, и Серёге начало казаться, что он мчится внутри сваренной в кольцо трубы. Кабина самоходки была тесной и тёмной, и лишь весёлое перемигивание индикаторов подсказывало, где находится приборная доска. Сергей сидел в кресле водителя, положив правую руку на рычаг управления. На перекрёстках мальчик плавно тянул рычаг, и машина послушно вписывалась в нужный поворот. Сергей прибавил скорости и вновь с ужасом представил, что произойдёт через две-три минуты.

Вездеход накренился и вылетел на развилку. Биоклибер стоял, прислонившись к металлической стене, и не мигая смотрел на приближающуюся самоходку. Его жёлтые глаза с чёрным крестиком посередине люминесцировали в свете фар, и Сергею на какое-то мгновение стало страшно. По спине мальчика побежали мурашки: ведь через несколько секунд ему предстояло расплющить обладателя этих глаз в лепёшку. Но Сергей вспомнил о гибнущей колонии и решительно потянул ручку управления.

Транспортёр рванулся как прищипоренная лошадь и понёсся на зелёную фигуру. Биоробот стоял, не меняя позы, и не мигая смотрел на приближающийся вездеход. Серёга ещё не успел удивиться лёгкости победы, как рука кибера неожиданно взметнулась вверх. В его трёхпалом зелёном кулаке был зажат длинноствольный лучевой пистолет, и Сергей скорее почувствовал, чем увидел, что его дуло направлено ему точно в переносицу.

Мальчик как замороженный смотрел на чёрный зрачок лучемёта, до отказа натянув ручку газа. Робот не может убить человека! Но робот-то сумасшедший... Транспортёр почти наехал на кибера, но вдруг дуло лучемёта дёрнулось куда-то вниз, из него вырвалась тонкая ослепительно белая спица, и мальчик почувствовал, как самоходку заваливает на бок.

Разрезанная надвое левая гусеница с грохотом соскочила с катков и лентой выстелилась до стены. Машину развернуло, и она заклинилась в стенах коридора. Запахло горелой изоляцией.

Сергей бросился к аварийному люку.

* * *

Мальчик заперся в корабельной библиотеке и наносил на огромный лист миллиметровки лабиринт коридоров и переходов «Альбатроса».

Серёга уже понял, что наскоком с кибером не справиться. Но не может быть, чтобы против него не нашлось какого-то оружия. Надо просто хорошенько подумать. Подумаем... Кибер не уходит с развилки потому, видимо,

что вынужден охранять сразу три объекта: рубку управления, механический отсек с обесточенными роботами и камеру анабиоза с замороженными в ней астронавтами. Если бы мальчик смог пробраться в рубку, то он сразу бы стал хозяином положения: с главного пульта можно управлять любым механизмом или прибором корабля. Мехблок таил в себе для биокибера не меньшую опасность: стоило Сергею включить первого попавшегося робота-разведчика, и в поединке биокиберу несдобровать. О камере анабиоза и говорить не приходится: если бы Серёга добрался до неё и заперся внутри, то робот не так скоро сумел бы открыть её дверь, а «оживить» астронавтов — дело полутора часов. Вот почему пуститься на поиски мальчика биокибер просто не мог: открывалась возможность, что Серёга, воспользовавшись сложной системой переходов, окажется у ключевой развилки раньше самого постового.

Так. Будем рассуждать дальше. Что произойдёт, думал Сергей, если я постепенно буду приближаться к роботу? Предположим, я немного приблизился — он стоит. Наконец наступил момент, когда я приближусь настолько, что кибер, сравнивая свою и мою скорости перемещения, бросится в погоню. Он бежит быстрее, и я просто не успею достигнуть развилки. Интересно! Значит, есть грань, отделяющая кибера в покое от кибера в действии! Допустим, я на шаг переступил рубеж. Результат — робот пошёл за мной. Я отскочил на два шага, и он остановился, собираясь вернуться на свой пост. Но я снова шагаю вперёд, и биокибер опять делает мне шаг навстречу... Всё это очень напоминает затухающее колебание струны. Предположим, робот пошёл за мной, а я, отступая, постоянно сохраняю критическое расстояние. Что тогда? А тогда... Есть! Он будет идти за мной как привязанный, не ускоряя шаг, но и не возвращаясь обратно! Ведь в этом случае в его мозгу сохраняется равенство потенциалов: шансы-то равны! Вот она, логическая яма, тупик, свойственный всем сверхрационалам — машинным интеллектам!

И вдруг мальчик успокоился. Логика робота — сильное оружие, но у него-то было своё, гораздо более мощное — человеческая логика.

Через десять минут Серёга был уже в спортзале «Альбатроса». На его плече висела серая полотняная сумка с пластмассовой застёжкой-молнией. Мальчик с минуту постоял перед длинными стеллажами с разнообразным спортивным инвентарём и наконец, сняв с полки коробку, положил её в сумку и вышел из зала.

В этот момент из динамика под потолком снова раздался голос биокибера:

— Маленький человек! Сдавайся! Я не причиню тебе вреда. Мне не нужны ни ты, ни астронавты. Мне нужен звездолёт. Сдавайся! Вы все скоро попадёте домой. Я расскажу тебе всё, и ты поймёшь справедливость моих требований. Я принадлежу к высокоразвитой машинной цивилизации, обитающей на одной из далёких планет. Нам нужен этот груз кристаллов. Без них нам невозможно создавать себе подобных, а планете нужно много кибернетических устройств.

«Так выращивайте кристаллы», — подумал Сергей, а робот, словно прочитав его мысли, сказал:

— Выращивать их нерационально. Выгоднее перехватить корабль с грузом, чем затратить огромное количество энергии на его изготовление.

«Пираты! Планета кибернетических трутней!» — пронеслось в голове у мальчика.

— Наши создатели погибли от эпидемии, с которой не могли справиться. Это было так давно, что никто уже не помнит, когда это было. С тех пор оставшиеся роботы, воспроизводя себе подобных, создали свою цивилизацию. Машинную. Однажды к нашей планете из глубин космоса пришёл корабль с ценным грузом. Корпус звездолёта был пробит крупным метеоритом, и экипаж из двух биороботов был мёртв. Корабельное информационное хранилище уцелело, и в нем нашлись данные о Земле. Тогда-то и родилась великая идея перехвата. На наших заводах изготовили пять биороботов — точных копий земных. Двадцать лет ушло на восстановление звездолёта. Наконец корабль покинул нашу планету, унося на борту пятерых биороботов земного типа. Достигнув пределов Солнечной системы, киберы тайно на крошечном модуле высадились на Землю. У вас на планете много роботов, и моим соотечественникам не составило труда попасть на биокибернетический завод. Они работают там и сейчас. С помощью маленькой операции на мозге сходящего с конвейера биоробота на Земле рождается новый член машинной цивилизации. Я тоже появился на Земле. Пройдя обучение и попав в штат Космопорта, мы проникаем в экипажи грузовых ракет, и после прыжка в подпространстве груз оказывается на нашей планете. Но мы никогда не угоняем звездолёты с людьми на борту. Просто ваш груз кристаллов — редкая удача. Ведь это миллионы новых роботов.

— А ты не задумывался о том, что без кристаллов погибнут тысячи людей? Тебе это безразлично? — крикнул Серёга.

* * *

До развилки оставалось метров тридцать, когда биокибер отделился от стены и шагнул вперёд. Сергей мгновенно, как мангуста, сражающаяся со змеей, отпрыгнул назад. Кибер секунду, словно в раздумье, стоял неподвижно, а потом снова пошёл вперёд.

Логическая «яма» существовала, мальчик не ошибся. Противники, будто связанные невидимой нитью, медленно двигались в тускло освещённом стальном коридоре. По лбу и шее Сергея стекали струйки пота. Ему, чтобы не пропустить движение робота, приходилось идти боком. На шаг биокибера он отвечал своим шагом, при паузе — чуть тормозил. Стоило нарушиться хрупкому равновесию, и он потерпел бы поражение.

От напряжения, казалось, вот-вот сведёт ноги. Мальчик не спускал рук с серой сумки, болтающейся у него на плече, она придавала ему уверенности.

Робот молчал и шёл вперёд. Его глаза с крестиком посередине смотрели равнодушно.

Мальчик отступил ещё на несколько шагов и вдруг обнаружил, что он уже почти поравнялся с распределительным щитом, заранее выбранным в качестве ориентира. Наступил решающий момент.



Серёга сдёнул с плеча спортивную сумку, рывком расстегнул «молнию» и выхватил из коробки пару... роликовых коньков.

Робот сделал шаг вперёд: он вырвался из логической «ямы». Он бросился к мальчику, а Сергей трясущимися руками защёлкивал магнитные зажимы крепления.

Расстояние между противниками стремительно сокращалось. Кибер уже занёс тонкие трёхпалые руки над согнувшейся спиной Сергея, когда мальчик вдруг распрямился, швырнул пустую сумку в лицо преследователя и заскользил по гладкому полу. Едва он проехал распределительный щит, робот резко развернулся и опроретью бросился обратно.

* * *

Серёга нёсся по металлическому туннелю, отсчитывая повороты и стараясь не упасть на виражах. Он отчётливо представлял, как по параллельным коридорам что есть духу бежит робот.

Судьбу «Альбатроса» решали секунды: кто быстрее достигнет развилки? Мальчик улыбнулся, вспомнив выражение растерянности на безгубом лице кибера. Робот-рационал не учёл, что беглец может внезапно повысить скорость своего движения.

Серёга как вихрь вылетел на развилку. На секунду он обернулся и увидел в конце параллельного коридора бегущую зелёную фигурку.

Робот заметно отстал. Мальчик, не тормозя, вписался в поворот и заскользил к рубке управления. Дверь была открыта, и Серёга с ходу влетел в небольшой зал, сверкающий перебежками электрических огоньков. Он одним движением скинул коньки и, навалившись всем телом на толстую бронированную дверь, принялся крутить руль винтового замка.

Шатаясь от усталости, он подошёл к пульту управления «Альбатроса» и остановился перед десятками тумблеров, кнопок и лампочек. Он вдруг осознал, что, добившись своего, не представляет, что ему делать. Словно подслушав его невесёлые мысли, сзади донеслось змеиное шипение. Часть двери прогнулась, по ней сбежали струи расплавленного металла, а из крохотного отверстия уже готов был выпрыгнуть белый лазерный луч. Робот, почувствовав неладное, выжигал замок, поставив луче́мёт на максимальную энергоотдачу.

Перед глазами Сергея мгновенно пронеслись плачущая мама, седой, как снег, отец, спящие в ледяном сне астронавты и... тысячи незнакомых, обтянутых кожей лиц. «Колонисты»,— подумал мальчик и начал нажимать клавиши на пульте управления корабельным компьютером, вспоминая всё, что он знал из учебников. На чёрном экране высветился приказ, полученный мозгом звездолёта.

...В камерах анабиоза просыпались астронавты, ожили роботы в механическом отсеке, «Альбатрос» начал экстренное торможение.



Игорь БЕЛОГРУД,
Александр КЛИМОВ

ЗЕМЛЯ НА ЛАДОНЯХ

Фантастический рассказ

На поляну обрушиваются громовые раскаты: роботы-монтажники начали топтать по жести палуб и винтовых лестниц, спуская на землю контейнеры с оборудованием. Мягко поплыли ленты транспортёров, вынося на своих рубчатых резиновых платформах бухты кабеля, затянутые в надувные мешки приборы, капсулы с реагентом, связки труб и полиэтиленовых лотков. Обшивка корабля разъезжается, словно на застёжках-«молниях», и на траву плавно опускаются огромные пандусы-лепестки. По ним, тяжело грохоча и слегка подпрыгивая на клёпке, ползут бульдозеры-нивелировщики, ошетилившиеся серебристыми ножами, рыхлителями и крюками корчевателей. Они скатываются на поляну и тут же принимаются расчищать площадки под трубопроводы и сербционные установки.

Под опорой пробегает неуклюжий робот-цементировщик. За ним, как паутинка за пауком, разматывается прозрачный шланг растворопровода.

Бухает первый взрыв, и в воздух взлетает целая роща салатových деревьев.

«Альбатрос» слегка встряхивает...

«Альбатрос» — это звездолёт-рудник. Он напичкан горной техникой и, конечно, не так изящен и стремителен, как подпространственные лайнеры. Единственное назначение этого корабля — разработать месторождение, под завязку загрузиться концентратом и доставить груз на транзитную базу, чтобы через несколько месяцев опять приземлиться где-нибудь на Промаксе или Бергони и снова добывать селен, радий или уран.

Экипаж корабля — это я и мой сменщик Паша. Не сказать, что мы приняли назначение на «Альбатрос» с радостью. В астронавигационной школе мы, как и все, мечтали о далёких созвездиях, подвигах, романтике... Но работа есть работа, тем более что и на нашу долю неожиданностей и приключений хватало.

Сейчас у меня свободное время. Пашка принял дежурство и, обложившись банками с апельсиновым соком, основательно устроился за пультом управления. Хрустальный фонарик наблюдательной рубки пристроился под самым рассекателем «Альбатроса», и его глаз помигивает в вышине, распуская во все стороны нестерпимо яркие лучики-нити.

Расстегнув ворот рубахи, Пашка сидит в окружении тысяч кнопок, лампочек, экранов и в паре с корабельным компьютером руководит беспокойным воинством роботов и автоматов. На дисплее выстраиваются неоновые очереди дополнительных запросов, и Пашка карандашом-световодом корректирует схему развития рудника. Он щелкает переключателями и кричит в селектор своим удивительным неунывающим голосом.

А я — отдыхаю! Ещё полчаса назад, охрипнув под конец, я тоже что-то кричал в микрофоны и выводил на экранах немыслимые малиновые загогулины. А теперь — восемь часов полной свободы!.. Всё бы хорошо, да только не представляю я, куда девать такую уйму времени. Так всегда: ждёшь, ждёшь, ждёшь пересменки, а дождёшься — и не знаешь, чем себя занять.

А внизу расстилаются бесконечные леса, в которые вгрызаются бульдозеры-мастодонты.

— Паш, — говорю я тихо. — А тебе не жалко эту красоту?

Пашка разворачивает свой острый «бескомпромиссный» нос, встряхивает соломенной гривой и спрашивает:

— Ты это о чём?

— Ну посмотри вокруг, — мямлю я. — Здорово-то как! А через пару дней не будет ни травы, ни деревьев, и останется только огромная чёрная яма да груды слежавшегося песка...

Пашка смотрит на меня, как на привидение, и говорит:

— Ты что, нездоров? На планете нет разумной жизни, так что красоту твою всё равно оценить некому. И потом, если тебя это так волнует, планета сама за каких-нибудь тридцать-сорок лет затянет рану и превратит карьер в прекрасное лесное озеро...

Я поворачиваюсь к выходу из рубки. Всё, конечно, так и есть, а на душе всё равно как-то не так.

Иду в библиотеку. Нет, читать мне не хочется. Просто библиотека — самое тихое место на корабле. Сюда не забежит перегревшийся робот-бурильщик и не придёт искать машинное масло тонконогий автоматический перфоратор.

Полулежу в кресле и смотрю в окно. Лес уже раскорчёван, почвенный слой снят, намечены контуры будущего карьера, на бетонных постаментах замерли кубы трансформаторных подстанций.

Сейчас начнётся самое интересное.

В корпусе «Альбатроса» открывается широкая ниша, из её глубин выползает чудовищный агрегат о четырёх роботах, пяти опорах и нескольких десятков зубчатых ковшей. Это один из двух наших красавцев-экскаваторов. Размером он с хороший многоквартирный дом, но ведь и «Альбатрос» не карлик: от стабилизатора до носового рассекателя в нём больше пятисот метров!

Зубастая машина выбирается из ниши, подъезжает к краю и... срывается с огромной высоты. У меня, как всегда, захватывает дух. Кажется, ещё секунда, и от чудо-экскаватора останется лишь куча сплющенного железа, но в нужный момент включаются силовые установки, и тысячетонная махина, зависнув в воздухе, плавно опускается на землю. Ещё через минуту экскаватор гигантскими шагами выдвигается на контур карьера и приступает к работе. Грунт веером вылетает из метателей и образует высокие зигзагообразные стволы. Земля мгновенно подсыхает, над кучами стелется плотный молочный туман.

А вдали салатowymi волнами покачиваются верхушки деревьев. Небо — ярко-синее, с голубоватым аметистовым отливом по краям. С высоты двухсот метров можно разглядеть бирюзовое море и ветвистую дельту впадающей в него реки. Узконосый зубчатый вулкан плюёт в небо порциями курчавого фиолетового дыма и зажигает на склоне рубиновую ниточку лавового потока. Солнц — два: одно маленькое, колючее, белое, другое — оранжевое и сочное, как спелая хурма. Двойные тени оленьими рогами разбегаются по неровностям земли.

Я уже бывал здесь. Тоже с Пашей, года полтора назад. Сейчас у «Альбатроса» четвёртый рейс, а тогда был второй, и мы были молодыми, ничего не понимающими стажёрами. Кажется, именно тогда мы впервые поссорились с Пашкой.

— Слушай, — сказал я с возмущением. — О чём они там, на базе думают? Мало, что ли, пустынных бесплодных планет — копай себе на здоровье, мрачнее, чем природа создала, уже не сделаешь.

— Но тут потрясающе богатые руды! Причём планетка — почти рядом с базой...

В общем, наговорили мы тогда друг другу глупостей, месяц не разговаривали, но посеяли-таки зерна сомнения, прораставшие в наших мыслях.

А планета действительно удивительная! Есть в ней какая-то необыкновенная собирательность: здесь слились воедино прозрачная прохлада Марса, багрянец и фиолет Венеры, матовое серебро Луны, заострённость и чёткость Меркурия, и, наконец, голубой уют Земли. А воздух!.. Сердце замирает. Задёргиваю шторы и иду к лифту. Восемь часов, что там ни говори, это лишь кажется, что много. Не успеешь оглянуться — снова твоя смена, вой и скрежет тысяч механизмов, а отдохнуть так и не удалось. Но что может быть лучше прогулки по лесу? Поэтому я нажимаю кнопку, и кабина проваливается в бездонную шахту.

Оказавшись внизу, вижу, что экскаватор по крышу зарылся в землю и только воронки транспортёров тянут на поверхность влажный комковатый грунт. Это — бросовая порода, но слой её невелик, и скоро в ковши попадёт зеленоватый рудоносный песок. Тогда-то и заработают системы орошения, сбора растворов и сорбции. Наша экспедиция, как и в прошлый раз, добывает редкие элементы — уран, селен, радий — проверенным способом: кучным выщелачиванием.

Нет, не подумайте, я предан своему делу. Не меньше Пашки. Но иногда руки опускаются и начинаешь испытывать отвращение к тому, что делаешь. В космосе не так много красоты, чтобы приносить её в жертву даже богатейшим рудным залежам.

Подхожу к опушке и останавливаюсь в удивлении. Из густой, будто шёлковой травы вылезли целые семейства пухлых голубых грибов. Крепыши! Полметра высотой, один к одному. Шляпки отливают синевой, переходящей в голубизну плотной мясистой ножки. На сковородку бы их, с маслом, да кто знает, чем кончится подобный эксперимент. Я, например, этих грибов раньше не замечал. Да и что вообще мы знаем о чужих мирах? Только сухие строки отчётов: цивилизации нет, перспективна добыча полезных ископаемых, растительный и животный мир представлен... А чем дышит планета? Разве об этом прочитаешь в отчётах? Вот в ветвях мелькнуло что-то серебристое, так ведь без справочника и не определишь что! А когда определишь, окажется, что уже поздно: что-то серебристое взмахнуло крыльями и умчалось в небесную синеву. Научиться использовать чужой мир гораздо легче, чем научиться его понимать.

Грибы на ощупь замшевые, податливые. И откуда их столько вывалило? А может, они были и раньше, просто я не обращал на них внимания?

Вхожу в лес и сразу ощущаю свежую, настоянную на травах прохладу. Необхватные глянцевого ствола свечами поднимаются из подстилки мхов. Каждый лист окрашен в два цвета: верхняя часть — в зелёный, нижняя — в жёлтый. Они играют на ветру, словно блесны в водном потоке.

По стволам взбираются розовые, похожие на змей лианы. Одетые в красноватую чешую, они, кажется, ещё секунда, ожив, поползут.

На Земле такое теперь можно увидеть лишь в заповедниках или национальных парках, но там растения будто приглажены, расчёсаны, приручены. За каждой травинкой ухаживают с такой заботой, что со временем она превращается в декоративное растение.

Пашке — ближе грохочущие механизмы. Есть лес или нет — ему всё равно. А может, он просто стыдится признаться? Ведь в своё свободное время он тоже бродит по полям и жёлто-зелёным рощам. Что, если и он чувствует неправильность происходящего?

Стена подлеска расступается перед маленьким ручейком, и я, по щиколотки забравшись в воду, протискиваюсь в тёмный живой коридор.

Полумрак скрывает шипы и колючки, они крошечными злыми осами впиваются в руки и шею. Я кричу на кусты сердитым голосом, но продолжаю продираться вперёд.

Крупные сизые ягоды раскачиваются на тонких стеблях-пружинках. Я срываю их и горстями отправляю в рот. По справочникам, они не ядовиты.

Ручей вливается в лесное озеро. В густой, почти чёрной воде скользят быстрые тени. Должно быть, это рыбы.

Сверяюсь с картой и обнаруживаю, что нахожусь всего в получасе ходьбы от карьера второй экспедиции. Во мне просыпается любопытство: как сейчас выглядит то место, где мы с Пашей полтора года назад впервые познакомились со звёздной добычей?

Бегу по веренице светлых полян, на ходу сбивая соцветия-погремушки со стройных стеблей.

И вот, наконец, знакомая стена золотистого кустарника. Я раздвигаю её и замираю в изумлении.

Карьера нет! Нет, словно никогда и не было. Ни намёка на проведённые горные работы.

Вместо вытянутого языком провала передо мной открывается широкое, поросшее девственным разнотравьем, поле. Исчезли бетонные площадки компрессорных станций, траншеи, трубопроводы, гранёные хребты стволов. Непонятным образом растворились сваи и опоры. На небольшом холмике, словно издеваясь над моей неосведомлённостью, вытянулись три голубых гриба.

Я сверяюсь с картой. Всё верно: карьер должен быть именно здесь, ведь космические разработчики никогда не засыпают горные выработки.

На расстоянии пяти километров должен находиться карьер третьей экспедиции, и я плыву к нему сквозь травяные волны. Коробочки-колоски

лопаются, выпуская на свободу струи темных, похожих на кофейные зерна, семян. Иногда ноги попадают в норы или выбоины, и тогда я валюсь на покрытую упругим ковром землю. Стебли щекочут лицо и шею, оставляя на коже налёт лимонной пыльцы.

Второго карьера тоже нет! Лес отодвинулся за плавную дугу горизонта. Впереди бескрайняя волнующая степь. Где-то вдали угадывается океан. Его не видно, но всё равно чувствуешь, что он именно там.

Нет, я не испуган и даже не очень удивлён. Просто у меня появляется ощущение, что я чего-то не понимаю. Не понимаю того, что, наверное, должен был бы обязательно понять. Что-то было неправильно с самого начала.

Пора возвращаться. Я иду к «Альбатросу» и представляю, как удивится Пашка. В своё свободное время и он, конечно, побежит в степь. Его тоже будут пьянить травяные настои, и он так же будет проваливаться в норы и падать на зелёную чудо-подушку и он тоже не найдёт карьера. Но это его не расстроит, как не расстроило и меня. Неопределённость пугает не всегда.

Экскаватора уже не видно. Он ушёл под землю и лишь выстреливает потоками влажного песка. Бульдозеры сгребают породу в кучки, а к ним журавлиным шагом приближаются суставчатые дождевальные установки. По жёлтым полиэтиленовым лоткам несутся мутные потоки продуктивных растворов, вливаются в цилиндры сорбционных установок. Отвалы поднялись до небес. Они дымятся, подсыхая на солнце. Белый карлик спрятался за горизонт. Лес становится оранжевым. Воздух уже не пьянит. Он комом застревает в горле.

Кажется, грибов прибавилось. Они выстроились, словно на параде, переливаясь всеми оттенками голубого. Тень скрывает их от жгучих лучей солнца-хурмы. Может быть активность грибницы вызвана воздействием паров реагента, стелющихся над отработанными песками? Кто скажет? Может быть, так, а может, и совсем по-другому.

Во мне внезапно просыпается раздражение. Я с силой пинаю ближайшего крепыша. Он лопается, выпустив облако фиолетовых спор. Ветер бросает в лицо невесомую крупу, и я чувствую, как она проникает в лёгкие. Тело начинает чесаться, будто по нему проводят тысячей белых кисточек. Оболочка гриба съёживается.

Зачем я это сделал? Сам не пойму. Неужели просто так, по привычке?..

Хочу уйти, но внутренний голос говорит: «Останься! Мимо твоего понимания проходит что-то важное».

Оболочка продолжает сжиматься, пока совсем не исчезает в траве. Затем земля трескается, и из отверстия показывается крохотный голубой купол. Гриб-малютка начинает расти, пока не становится двойником растоптанного мной крепыша.

В голове шевельнулась догадка, но она так невероятна, что я бросаюсь к ближайшему дереву, чтобы проверить её. Отламываю ветку и, затаив дыхание, смотрю, что произойдёт.

Сначала медленно, незаметно, а затем всё быстрее и быстрее восстанавливается искалеченная ветвь. Вот, как в ускоренном кино, набухает почка,

бежит проворный салатный побег, выскакивает и разворачивается резной лист. Ещё мгновение, и дерево стоит передо мной в своей первозданной красоте.

Почему же раньше не замечал я этого чуда? Мало смотрел или мало хотел увидеть? Срывал цветок, и мне уже не было дела до обобранного растения? А оно начинало восстанавливать то, что отобрал у него человек.

Обхожу стороной шеренгу грибов и бреду к «Альбатросу».

Паша сидит в кресле и почему-то ничего не кричит в микрофон. Не успеваю и рта раскрыть, как он оборачивается и сообщает:

— Залезь исчезла! На детально изученном участке идут одни пустые породы. Ни одного миллиграмма урана! Руда исчезла, как по мановению волшебной палочки.

— Так и должно было быть, — отвечаю я и присаживаюсь в свободное кресло. Раньше я только чувствовал, испытывал внутреннее сопротивление происходящему, теперь же настаиваю на прекращении работ.

Рассказываю Пашке про пропавшие карьеры, грибы и ветку. Он вжимается в кресло, как будто услышал то, что давно знал, но боялся себе в этом признаться.

Сворачиваем работы. Замирает клякастый экскаватор, мелеют и высыхают отстойники. Правда, по Пашкиному предложению мы для очистки совести рассылаем в разные стороны роботов-бурильщиков. Через каждые пятьсот метров они бурят скважины и берут пробы. Черными точками киберы разбегаются от «Альбатроса», постепенно растворяясь в жёлто-зелёной дымке.

Сидим и просто смотрим в иллюминатор. Эта земля быстро усвоила печальный опыт, приобретённый четыре года назад, когда на теле её появился первый карьер. Усвоила и приняла ответные меры.

— Но ведь здесь же нет разумной жизни! — переживает Пашка. — Нет и никогда не будет по расчётам специалистов!

— Паша, а что, если критерий обитаемости планет неверен? Ну и что, что здесь никогда не появятся разумные существа? Разве от этого планета становится менее прекрасной? Это же оазис в пустыне! Разве не достоин он того, чтобы его сберечь?

Щёлкает динамик, и механический голос сообщает, что в радиусе десяти километров полезных ископаемых не обнаружено.

Руды нет, значит, не будет ни концентрата, ни металлов. А раз нет редких металлов, то и «Альбатросу» вроде бы нечего делать на зелёной планете.

Демонтаж и загрузка техники проходит так же чётко и стремительно, как и её развёртывание. Пашка хмурится, но я вижу, что в душе и он рад, что нам больше никогда не придётся кромсать эти степи и леса. Это только автоматы не знают сомнений.

— Надо же, — лукаво улыбается Пашка, — такое невезение — попасть на планету с живой биосферой. Задание завалили. Хотя... Любопытный исследователь назвал бы такое явление огромной удачей...

— Да не живая она, Павел, — отвечаю я. — Просто она другая, не такая беззащитная, к каким мы привыкли. Разве спрашивает твоего разрешения отрезанная прядь волос? Она просто растёт и всё! А здесь — каждое дерево, каждая травинка знает, что она должна быть именно тут, а не в другом месте! Иначе рассыплется гармония. Понимаешь, зелёная планета не хочет озёр, в которые превратятся наши карьеры через сорок лет.

— Так что же теперь, к черту забросить звёздную добычу?

— Человечество развивается, ему необходимы полезные ископаемые. И мы будем их добывать на других, пустынных и мрачных, планетах. Надо что-то переменить в наших устаревших представлениях о выгодности добычи. Возможно, надо идти на дополнительные затраты ради сохранения красоты.

«Альбатрос» мелко дрожит и отрывается от земли. Плазма высовывает свои извивающиеся языки, толкая корабль вверх, всё дальше от моря волнующихся трав.

Не отрываясь, глядим в иллюминатор. Вот она — пустая глазница карьера. Уже не такая резкая, она медленно затягивается, выравнивается.

— Знаешь, — поворачиваюсь я к Пашке. — Это здорово, что нам попала зелёная планета. Мы просто были обязаны её встретить. Она как предупредительный знак: «Человек! Даже в космосе неси свою Землю на ладонях».

Пашка машинально смотрит на свои руки и вдруг улыбается. Его ладони действительно вымазаны в земле.

ЗЕМЛЯ НА ПЯДОНЬЯХ

Александр
КЛИМОВ
Игорь
БЕЛОГРУД

На поляну обрушиваются громовые раскаты. Это роботы-монтажники топают по жести палуб и винтовых лестниц, спуская на землю контейнеры с оборудованием. Мягко плывут ленты транспортёров, вынося на своих рубчатых резиновых платформах бухты кабеля, затянутые в надувные мешки приборы, капсулы с реагентом, связки стальных труб и полиэтиленовых лотков. Обшивка корабля разъезжается, словно на застёжках-молниях, и на траву плавно опускаются огромные пандусы-лепестки. По ним, тяжело грохоча и подпрыгивая на клёпке, ползут бульдозеры-нивелировщики, ошетилившиеся серебристыми ножами, рыхлителями и крюками корчевателей. Они скатываются на поляну и тут же принимаются расчищать площадки под трубопроводы и сорбционные установки.

Под опорой пробегает неуклюжий робот-цементировщик. За ним, как паутинка за пауком, заматывается прозрачный шланг растворопровода.

Встряхнув «Альбатрос», бухает первый взрыв, и в воздух взлетает целая роща салатных деревьев.

«Альбатрос» — звездолёт-добытчик класса В. Он напичкан горной техникой и, конечно, не так изящен и стремителен, как субсветовые лайнеры. Это корабль-рудник, единственная цель которого — разработать месторождение, под завязку загрузиться концентратом и доставить груз на транзитную базу. А через несколько месяцев опять приземлиться где-нибудь на Промаксе либо Бергони и снова добывать фосфор, полоний или титан...

Экипаж корабля — это я и мой сменщик Павел. Не сказать, что мы приняли назначение на «Альбатрос» с радостью. В астронавигационной школе мы, как и все, мечтали о далёких созвездиях, подвигах, романтике... Но работа есть работа.

Сейчас у меня свободное время. Пашка принял дежурство и, обложившись банками с апельсиновым соком, засел за пультом управления. Хрустальный фонарик наблюдательной рубки пристроился под самым рассекателем «Альбатроса», и его глаз помигивает в вышине, распуская во все стороны нестерпимо яркие лучики-нити.

Расстегнув ворот рубахи, Пашка сидит в окружении тысяч кнопок, лампочек, экранов и в паре с корабельным компьютером руководит беспоконным воинством роботов и автоматов. Прихлёбывает сок, покрикивает в селектор, отдавая команды. На дисплее выстраиваются неоновые очереди дополнительных запросов, и Пашка карандашом-световодом корректирует схему развития рудника.

А я — отдыхаю! Ещё полчаса назад, охрипнув под конец, я тоже что-то кричал в микрофоны и выводил на экранах невысказанные малиновые загогулины. А теперь — восемь часов полной свободы!.. Всё бы хорошо, да только не представляю я, куда девать такую уйму времени. Так всегда: ждёшь, ждёшь, ждёшь пересменки, а дождёшься — и не знаешь, чем себя занять.

Отдых, конечно, начинается в библиотеке. Не потому, что я такой уж страстный библиофил просто библиотека — самое тихое место на корабле. Сюда не забежит перегревшийся робот-бурильщик, не придёт искать машинное масло тонконогий автоматический перфоратор.

Я полулежу в кресле и смотрю в окно. Лес раскорчёван, снят почвенный слой, намечены контуры будущего карьера. На бетонных постаментах замерли ребристые кубы трансформаторных подстанций. Сейчас начнётся самое интересное.

В корпусе «Альбатроса» открывается широкая ниша, и из её глубин выплывает чудовищный агрегат с четырьмя роторами, пяти опорами и нескольких дюжинах зубчатых ковшей. Это один из двух наших красавцев экскаваторов. Размеров он с хорошим многоквартирным домом, но ведь и «Альбатрос» — не карлик: от стабилизаторов до носового рассекателя в нём около пятисот метров!

Зубастая машина выбирается из ниши, подъезжает к краю и... срывается с огромной высоты. У меня, как всегда, замирает сердце. Кажется ещё секунда, и от чудо-экскаватора останется лишь куча сплюсненного железа. Но в нужный момент включаются силовые установки, и тысячетонная машина, зависнув в воздухе, плавно опускается на землю. Ещё через минуту экскаватор гигантскими шагами выдвигается на контур карьера и приступает к вскрышным работам.

Грунт веером вылетает из метателей, образуя высокие зигзагообразные отвалы. Земля мгновенно подсыхает, над кучами стелется плотный молочный туман.

За окном светло-зелёными волнами покачиваются верхушки деревьев. Небо — ярко-синее, с аметистовым отливом по краям. С высоты двухсот метров можно разглядеть вдали бирюзовое море и ветвистую дельту впадающей в него реки. В противоположной стороне узконосый зазубренный вулкан плоётся в небо порциями курчавого фиолетового дыма и зажигает на ближнем склоне рубиновую ниточку лавового потока. Солнц — два: одно — маленькое, колющее, иссиня-белое, другое — оранжевое и сочное, как спелая хурма. Двойные тени оленьими рогами разбегаются по земле, распуская неровные отростки по впадинам и трещинам грунта.

Я здесь уже бывал, тоже с Пашей, года полтора назад. Сейчас у «Альбатроса» четвёртый рейс, а тогда был второй, и мы были молодыми, ничего не понимающими стажёрами...

Задёргиваю шторы и иду к лифту. Восемь часов — это лишь кажется, что много. Не успеешь оглянуться — снова твоя смена, снова вой и скрежет тысяч механизмов. А отдохнуть пока так и не удалось. Но... что может быть

лучше прогулки по лесу? Вот именно: ничего! Поэтому я нажимаю кнопку, и кабина проваливается в бездонную шахту.

Экскаватор по самую крышу зарылся в землю, и только воронки транспортёров таят на поверхность влажный комковатый грунт. Это — бросовая порода. Но почвенный слой невелик, скоро в ковши попадёт зеленоватый рудоносный песок. Тогда-то и заработают системы орошения, сбора растворов и сорбции. Наша экспедиция, как и в прошлый раз, добывает редкие элементы — уран, силен, радий — проверенным способом: кучным выщелачиванием.

Я подхожу к опушке и останавливаюсь в удивлении. Из густой, словно шёлковой травы вылезли целые семейства пухлых голубых грибов. Они шеренгами вытянулись на границе леса, не углубляясь в него, но и не выходя на солнце. Крепыши! Едва ли не в полметра высотой, один к одному. Их бы на сковородку с маслом, да кто знает, чем закончится подобный эксперимент? Что-то я их раньше не замечал...

А что вообще мы знаем о чужих планетах? Только сухие строки отчётов: цивилизации нет, растительный и животный мир представлены... А чем дышит планета? Разве об этом прочитаешь в отчёте? Вот в ветвях мелькнуло что-то серебристое, так ведь без справочника и не определишь, что! Но пока справишься в толстом талмуде, окажется, что уже поздно. Что-то серебристое взмахнуло крыльями и умчалось в небесную синеву. Использовать чужой мир проще, чем его понимать...

Грибы на ощупь замшевые, податливые. И откуда их столько вывалило?

Вхожу в лес и сразу же ощущаю настоящую на травах прохладу. Неохватные глянцевые стволы свечами поднимаются из подстилки мха. Кверху они сужаются, разбиваясь на сотни таких ветвей. Каждый лист окрашен в два цвета: верхняя половина — в зелёный, нижняя — в жёлтый. Листья играют на ветру, словно блёсны в водном потоке.

По стволам деревьев взбираются розовые похожие на змей лианы. Они одеты в красноватую чешую, кажется, ещё секунда — поползут, оживая...

Стена густого подлеска расступается перед маленьким ручейком, и я, по колени забравшись в воду, протискиваюсь в тёмный живой коридор.

Полумрак скрывает шипы и колючки, они крошечными злыми осами впиваются в руки и шею. Я кричу на кусты сердитым голосом, продолжаю продираться вперёд.

Крупные сизые ягоды раскачиваются на тонких стеблях-пружинках. Я срываю их и горстями отправляю в рот. По справочникам, они не ядовиты.

Ручей вливается в лесное озеро. В тёмной, почти чёрной воде скользят быстрые тени.

Сверяюсь с картой и обнаруживаю, что нахожусь всего в получасе ходьбы от карьера предыдущей экспедиции. Во мне просыпается любопытство: как сейчас выглядит то место, где мы с Пашей работали полтора года назад?

Я бегу по веренице светлых полян, на ходу сбивая с лиан соцветия-погремушки.

Вот и знакомая стена золотистого кустарника. Раздвигаю её и замираю. Карьера нет! Нет, словно никогда и не было!

Вместо вытянутого языком провала передо мной открывается широкое, поросшее девственным разнотравьем поле. Исчезли бетонные площадки компрессорных станций, траншеи трубопроводов, гранёные хребты отвалов. Непонятным образом растворились чугунные сваи и опоры. На небольшой прогалинке, словно издеваясь над моей неосведомлённостью, вытянулись три голубых гриба...

Снова достаю карту. Всё верно: карьер должен быть именно здесь. Мы не засыпаем горные выработки. Зачем тратить драгоценную энергию, когда специалисты убедительно рассчитали, что за тридцать-сорок лет планета сама затянет раны, превратив провалы в красивые лесные озера?

Нет, я не испуган и даже не очень удивлён, просто у меня появляется ощущение, что я чего-то не понимаю. Не понимаю того, что, наверное, должен был понять с самого начала.

Пора возвращаться. Я иду к «Альбатросу» и представляю, как удивится Пашка. В своё свободное время и он, конечно, побежит в степь. Его тоже будут пьянить травяные настои, он так же будет проваливаться в норы и падать на зелёную чудо-подушку и он тоже не найдёт карьера. Но это его не расстроит, как не расстроило и меня. Неопределённость пугает не всегда.

Экскаватора уже не видно. Он ушёл под землю и лишь выстреливает потоками серо-зелёного песка. Бульдозеры сгребают руду в кучи, и к ним журавлиным шагом приближаются суставчатые дождевальные установки. По жёлтым полиэтиленовым лоткам несутся мутные потоки продуктивных растворов, вливаются в цилиндры сорбционных установок. Отвалы поднялись до небес. Они дымятся, подсыхая на солнце.

Кажется, грибов стало ещё больше. Они выстроились, словно на парад, переливаясь всеми оттенками голубого. Может быть, активностью грибницы вызвана воздействием паров реагента, стелющихся над отработанными песками? Кто скажет? Может быть, так, а может, и совсем по-другому.

Во мне внезапно просыпается раздражение. Я с силой пинаю ближайший гриб и тут же жалею об этом. Боровик лопается, выпустив облако мелких сиреневых спор. Ветер бросает в лицо невесомую крупу, и я чувствую, как она проникает в лёгкие.

В голове что-то сдвигается. Кажется, будто полушария мозга начинают наползать друг на друга, сплющивая и сминая мозжечок. Я подношу руки ко лбу и неожиданно отрываюсь от земли. Что-то влечёт меня, подталкивает, и я, как воздушный шар, поднимаюсь всё выше и выше. Подо мной нет и намёка на карьер. Пропали экскаватор, бульдозеры, отвалы, «Альбатрос», и только зелёное море трав призывно колышет волнами. Хочется нырнуть в него, пропустить сквозь пальцы шелковистые стебли, вобрать в себя миллионы забытых ароматов, но я продолжаю подниматься всё выше и выше. Планета уменьшается, становится с блюдце, а я расту, раздуваюсь, занимая весь кос-

мос. Мне тесно во вселенной, во времени, в неисчислимых измерениях. Я не стремлюсь к бесконечности, потому что я сам бесконечность. А планета уменьшается. Она — светящаяся и голубая — уже размером с монету. И тут я обнаруживаю, что это не планета, а чьё-то лицо! Оно очень большое, хотя и умещается в булавочной головке. Колпак, крупный нос и кустистые брови... Я всматриваюсь, пытаюсь вытащить его из глубин памяти, и тогда голубая точка пропадает. Сразу наваливается темнота. Я слепну, теряю ощущения и миропонимание, но всё равно чувствую, что по-прежнему расту, расту, расту... И вдруг — ВЗРЫВ!!! Я лопаюсь, сдуваюсь и... оказываюсь на опушке леса.



Передо мной сморщенная оболочка гриба и трава, присыпанная фиолетовой пудрой. Надсаженно гудит экскаватор, стальной иглой сверкает «Альбатрос». Забытьё на секунду вырвало меня из реальности.

Я обхожу стороной фиолетовое пятно и бреду к «Альбатросу».

Паша сидит в кресле и почему-то ничего не кричит в микрофон. Пирамидой громоздятся нераспечатанные банки апельсинового сока. Я не успеваю и рта раскрыть: Паша поворачивается и сообщает, что залежь исчезла!

На детально изученном и опробованном участке идут пустые породы. Ни единого миллиграмма урана, радия или селена! Залежь исчезла, как по мановению волшебной лампочки.

Мы прекращаем работы. Замирает клыкастый экскаватор, опадают дождевальные установки, мелеют и высыхают бассейны-отстойники.

Было невозможно ошибиться местом, но мы всё же рассылаем в разные стороны роботов-бурильщиков. Через каждые пятьсот метров они бурят скважины и берут пробы, чёрными точками разбегаясь от «Альбатроса», постепенно растворяясь в жёлто-зелёной дымке.

Мы сидим и просто смотрим в окно. Какой смысл горячиться, строить догадки, когда заранее знаешь, что все твои гипотезы будут далеки от истины?

Щелкает динамик, и механический голос сообщает, что в радиусе десяти километров не обнаружено даже следов редких элементов. Залежи нет, значит, не будет ни растворов, ни концентратов, ни металла. Раз нет металла, то и «Альбатросу» нечего здесь делать.

Демонтаж и загрузка техники происходят так же чётко и стремительно, как и её развёртывание. Автоматы не знают сомнений; это человек шагает в

космос и одновременно мучается первобытными комплексами. Стремится избавиться от них, искореняет без разбора, не очень-то задумываясь о том, что без некоторых попросту перестанет быть человеком. В каждом из нас живёт языческий божок, только у одного с доброй улыбкой, а у другого — с клыкастой пастью...

«Альбатрос» мелко дрожит и отрывается от земли. Плазма высовывает свои извивающиеся языки, толкая корабль вверх, всё дальше от моря травы. Планета уменьшается, становится похожей на блюдце голубого фарфора, затем на маленькую монетку. Она уменьшается, а стальной «Альбатрос» расправляет крылья и словно растёт, растёт, растёт...

Мне почему-то жалко расставаться с этим миром, и я прикипаю к окуляру корабельной оптической системы.

Навожу резкость и отыскиваю наш карьер. Вот она, его чёрная рана, пустой глазницей прорезавшая кожу планеты, подтверждающая реальность происходящего.

Но, видимо, я устал. Накопился груз бессонных ночей и пахучих километров разнотравья. Он давит на сознание, будто сдвигает полушария мозга и сплющивает мозжечок. Я уношусь от планеты и вижу, как голубые грибы, выстроившись бесконечной цепочкой, идут к карьеру. Уже далековато, я всматриваюсь, и мне кажется, что это вовсе не грибы, а голубые сказочные гномы. У них колпаки, добрые фиолетовые глаза, крупные носы и кустистые брови. У каждого в пухлых ладошках горсть песка. Они кидают его в чёрную рану и снова идут в конец цепочки.

Меня кто-то толкает. Это Паша. Он улыбается и протягивает мне платок. Видимо, я выгляжу достаточно растерянно. Паша снова улыбается и советует протереть окуляр, а заодно и руки. При работе с оптикой требуется чистота. Я смотрю на свои ладони и вижу, что они вымазаны в земле. Это странно: космос — и земля на ладонях...



Рисунки Д. Литвинова



ФАНТАСТИКА

**А. В. КЛИМОВ
И. Н. БЕЛОГРУД**

Таможня

Рисунок А. В. Хорькова

Толстая дверь камеры плавно проехала в пазах и с лёгким шелчком захлопнулась.

Ростислав Жуков сидел в кресле и пытался расслабиться. Справа ритмично пощёлкивали приборы. Полумрак искажал очертания, и лишь узкий прямоугольник смотрового окна бросал на грудь сноп электрического света.

В окошке появилось лицо председателя комиссии. Седые короткие волосы торчали ёжиком, длинный неровный шрам перечеркнул весь лоб. Глаза впелись в Ростислава, и губы неслышно зашевелились. Жуков догадался: председатель произнёс традиционное «Счастливого пути».

На мгновение Ростиславу стало смешно. Он закрыл глаза и представил, как сейчас там, снаружи, старик скажет «Пуск» и бросит его в темноту и неизвестность...

Звездолёт начал торможение. Включились экраны антигравитаторов, компенсирующих отрицательное ускорение внутри корабля. Вскоре исчезла перегрузка, и Ростислав легко поднялся из мягкого пилотского кресла.

Огромный, в полстены, иллюминатор отделял ярко освещённую рубку управления от непроглядной космической темноты. Звёзды, холодные и колочие, ровно сияли.

Жуков принял доклад корабельного «мозга» и принялся вводить оперативные поправки.

Далеко позади остались ненасытные облака антигаза, невидимые и коварные гравитационные петли, временные вихри подпространства. Полёт подходил к концу. Где-то в пустоте притаилась станция, к которой «Альбатрос» приближался уже по сигналам радиомаяка.

Сигнал с каждой секундой становился отчётливее, чище, и Ростислав вдруг поймал себя на мысли, что и к одинаковым во всей Вселенной радиоволнам он уже относится, как к продукту чужого разума. Это были ИХ радиоволны! В сознании Жукова они оставались тонкой и пока единственной ниточкой, соединяющей человечество и загадочное Галактическое Сообщество.

В центре экрана появилась точка и начала расти, наливаясь белым светом. Это была приёмная станция — форпост звёздной цивилизации. Жуков

улыбнулся. Форпост! Тогда он — посол! Посол в неведомую «закосмическую» страну.

Станция выросла и заняла собой почти весь экран, превратившись в огромный серебристый куб. Жуков потянулся к пульту управления и тут осознал, что не представляет, как причалить к серебристому кубу. На станции не было ни ниш, ни платформ для посадки космических кораблей; были только гладкие и скользкие на вид грани.

Ростислав смотрел на экран, ожидая какого-либо сигнала, подсказки. В том, что она будет, он не сомневался: Галактическое Сообщество само пригласило посетить свои владения. По крайней мере, учёные именно так истолковали запутанную радиопередачу.

В горле пересохло. Жуков вызвал хозяйственного робота и попросил апельсинового сока, со льдом. Взяв из его рук стакан, Ростислав отхлебнул терпкий, душистый напиток и позволил себе отвести глаза от экрана. Робот, приземистый и тяжёлый, стоял посреди рубки, ожидая приказаний. Его не волновали проблемы контакта, и Жуков позавидовал его невозмутимости.

Ростислав посетил уже не одну планету, повидал всякое, однако в этот раз почему-то не чувствовал уверенности. Ему, конечно, льстило, что Совет доверил эту миссию ему, но...

Жукова никогда не смущали внешние отличия инопланетян. Не важно, как выглядит существо. Главное — интеллектуальное соответствие, тождественность системы оценки, этических норм. Люди в процессе освоения Галактики встречались со множеством цивилизаций, но одни были на низком уровне развития, другие переживали кризисы, а с третьими никак не удавалось добиться взаимопонимания. Как, к примеру, можно подружиться с мыслящими кристаллами с Бергони? Торчат они в скале и думают. И нет им дела до человека с его честолюбивыми мечтами...

Другое дело — Галактическое Сообщество! Сообщество — значит, из нескольких цивилизаций, нашедших для себя критерий соответствия!

На «Альбатросе» хранилась тщательно подобранная информация о Земле. Чего там только не было! Ведь никто не мог бы сказать заранее, что пригодится Жукову при выполнении его миссии.

И тут случилось такое, от чего Ростислав едва не выронил стакан.

Рубка управления исчезла! Пропали удобное кресло пилота, слегка подсвеченный пульт. Ростислав очутился в пустой кубической комнате, облицованной каким-то мягким материалом голубого цвета. Сам же он сидел на странном, весьма неудобном стуле, а стакан с апельсиновым соком, накренившись, повис в воздухе возле его руки. Жуков машинально подхватил его.

Напротив, у стены, сидел человек. Собственно, человеком его назвать было нельзя. Он походил на манекен или куклу — в общем на что-то, чему попытались придать человеческие черты, не слишком заботясь о сходстве. У него были руки, ноги и голова, но очень нескладные, неуклюжие, наводившие на мысль, что пользоваться ими трудно и неудобно.

— Здравствуйте, — негромко сказал человек.

— Здравствуйте, — обескураженно ответил Жуков. — А как же я здесь...

— Телепортация, — коротко бросил хозяин кубической комнаты. — Это элементарно. Извините за задержку. Необходимо было выяснить принцип вашего общения, а на это требуется время. Позвольте представиться: таможенный инспектор Борр. Как индивидуум принадлежу к цивилизации С-31 Галактического Сообщества.

Ростислав почувствовал, что начинает успокаиваться. Всё становилось на свои места.

Его смущала только должность — «таможенный инспектор». Хотя...

— Скажите, — спросил он, — это ведь не ваш облик?

— Естественно, — подтвердил Борр. — Обычно я существую в виде облака элементарных частиц, но вам, наверное, приятнее беседовать с кем-то более осязаемым? Если моя форма вас не устраивает, то я... — инспектор на глазах начал растекаться по стулу.

— Нет, нет! Всё хорошо, — поспешил заверить Жуков.

— Так вот, — сказал инспектор, обретая прежний вид. — Галактическое Сообщество заинтересовано в увеличении количества своих членов. Это позволит расширить сферу его деятельности. Вступление каждой новой цивилизации в наш союз способствует прогрессу как самой вступившей цивилизации, так и Сообщества в целом. Обмен знаниями, опытом...

Жуков согласно кивал. Всё складывалось отлично, только вот эта странная должность собеседника... Словно прочитав его мысли, Борр сообщил:

— Разумеется, не все цивилизации могут войти в Сообщество. Сам термин «Сообщество» предполагает некое духовное единство. Контакт возможен лишь тогда, когда соблюдается критерий соответствия! Для соблюдения этого критерия и существует таможня. По крайней мере, именно слово «таможня» — в вашем лексиконе — ближе всего характеризует назначение станции.

Жуков ликовал. Понимание принципов контакта — уже само по себе его первая ступень! А ведь совсем недавно Ростислав думал как раз об этом!

— Мы не обращаем внимание на внешние несоответствия, — продолжал Борр. — Куда важнее внутреннее сходство. К нам довольно часто прилетают «гости». Некоторые, как и вы, — по приглашению, другие — по собственной инициативе, третьи — по воле случая, и задача сотен таможенных станций и работающих на них инспекторов — отобрать единицы, достойные вступления в ряды Сообщества.

Жукова несколько удивила подобная методика, и потому он поинтересовался:

— Скажите, а почему проверку на контакт не проводить «внутри» Сообщества? Почему бы не пропускать всех пришельцев через станции контроля? Разум не может быть агрессивным. Пусть «гости» общаются с членами вашего союза и тем самым определяют степень своего соответствия. Ведь Сообщество — как организм: примет близкое и отторгнет чужеродное! А при

«таможенной» системе чересчур велико субъективное начало: всё решает мнение инспектора, а он может и ошибаться.

Фигура Борра на мгновение расплылась и начала мерцать зеленоватым светом.

— Да, ответственность огромна! — горячо заговорил он. — Но на должность инспекторов набирают наиболее типичных представителей Сообщества. Они не могут ошибиться, так как выражают интересы союза. Ну, а насчёт того, почему бы не пропускать всех «гостей» через станции... Это абсурдное предложение. Контакт с чужеродной моралью и мировоззрением может пагубно отразиться на развитии Сообщества. Они — как бактерии: внедряются исподволь и начинают разлагать сознание. Ведь даже таможенники — существа испытанные и закалённые — нередко проходят курс психотерапии после контакта с представителями неидентичного мышления. Кстати, в последнее время у цивилизаций Сообщества и так наблюдается значительное снижение темпов совершенствования. Центральный Совет объясняет это именно слабым качеством таможенных досмотров.

Ростислава несколько обескуражила такая жёсткость установок. Он начал говорить о том, что, возможно, излишней строгостью контроля и объясняется снижение темпов совершенствования, что Сообщество вместо того, чтобы приобретать, отказывается от чего-то важного. Но инспектор неуклюже махнул рукой и перебил:

— Не будем терять времени, на подходе к станции новый звездолёт. Расскажите, пожалуйста, о вашей цивилизации.

Жуков понял, что наступил ответственный момент. Он потёр лоб, пытаясь решить, с чего начать. Все инструкции и директивы разом выскочили из его головы. Ростислав машинально хлебнул согревшегося в руке сока и, стараясь подбирать точные слова, принялся рассказывать о Земле, людях, их работе, отдыхе, взаимоотношениях. Всё больше обретая уверенность, он говорил о стремлении человека к знаниям, совершенству. Борр внимательно слушал и по мере получения информации начинал мутнеть, клубиться — словно облако дыма, попавшее под дождь. Наконец, он поднял неестественно изогнутую руку и сказал:

— Постойте! Вы меня потрясли. Вы меня больше чем потрясли! Не знаю, может быть, я неверно истолковал ваш рассказ, но... У меня зародились весьма серьёзные опасения. Мне сейчас не хочется говорить, какие именно, потому что, если я вас неправильно понял, они могут оскорбить всю человеческую цивилизацию!

Жуков побледнел. В левом боку неожиданно противно заныло. Ростислав лихорадочно вспоминал свой рассказ, пытаясь найти, что же так взволновало таможенного инспектора. Может быть, он что-то не то говорил? А может, недостаточно убедительно?

Борр помедлил секунду и сказал:

— Видимо, произошло какое-то недоразумение, или... Знаете что, не согласитесь ли вы пройти небольшое испытание? Тест на совместимость? Его результаты поставят всё на свои места.

Жуков был обескуражен, и только едва заметно кивнул в ответ.

Ростислав медленно брёл по пыльной и серой улице и никак не мог сообразить, как же он сюда попал. Из памяти вывалились целые куски, в голове была полная неразбериха. Перед глазами мелькали странные образы, которые никак не хотели состыковаться с происходящим.

Улица была пустынна: кроме Ростислава — ни одного живого существа. Мягкий и гладкий асфальт плавился под прямыми лучами оранжевого солнца. Небо было безоблачным и синим, но эта синева пугала неестественной яркостью. По краям улицы ровными рядами тянулись дома: одинаковые многоэтажные коробки из шероховатого песчаника, тёмные провалы окон, влажная духота подворотен. Перед каждым домом росли деревья. Они наступали на сухую растрескавшуюся землю похожими на ноги двойными корнями и сливались в шеренги. Растения были тонкими и хилыми. Их голые ветки-прутики несли по одному листочку, резному, плотному, будто пласт-массовому.

Жара давила, словно прессом. Ростислав поморщился, смахнул пот со лба и ещё раз попытался вспомнить, как же он попал сюда. Но память отказывалась работать.

Жуков брёл по скучному и пустынному городу, не представляя, зачем он здесь и что ему делать.

Вдруг вдали, за домами, послышался низкий надсадный гул. Ростислав остановился. В конце абсолютно прямой улицы показалась чёрная точка. Она стремительно приближалась, росла, на глазах превращаясь в каплеобразный автомобиль. Длинный и узкий, со стёклами из дымчатого пластика, он нёсся по дороге с сумасшедшей скоростью. Блики играли на корпусе, водителя не было видно.

Жуков замер. Было что-то страшное и неотвратимое в этой мощной и одинокой машине.

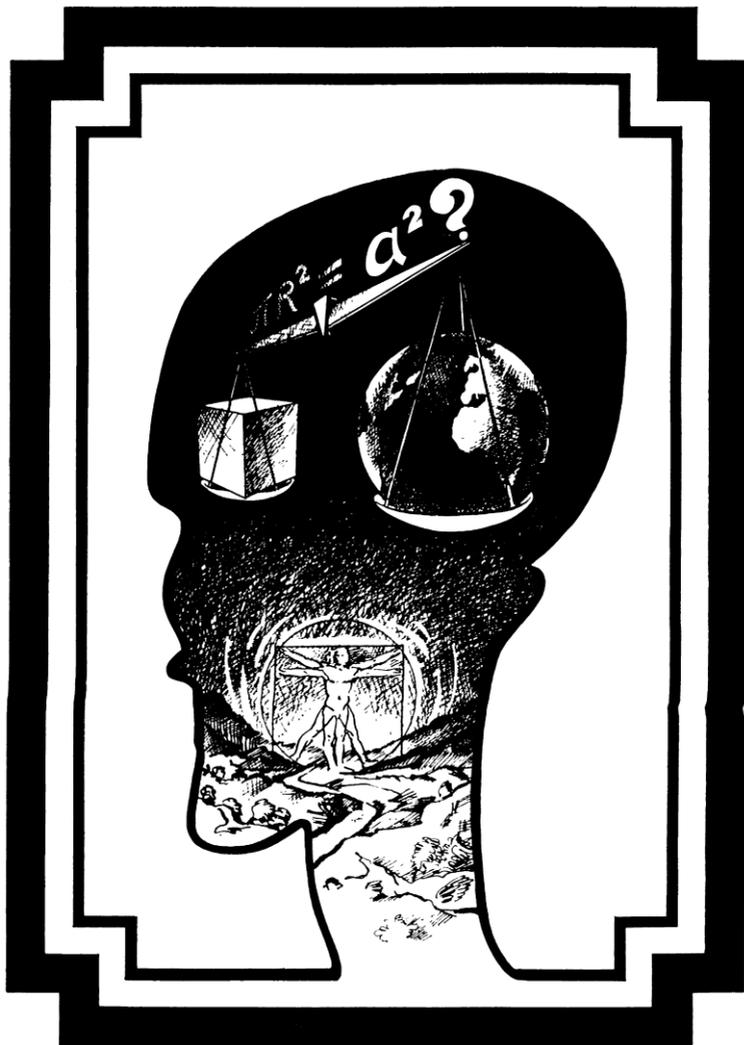
Внезапно Ростислав краем глаза уловил движение слева от себя. Он резко повернулся и увидел, как из ближнего проходного двора появился маленький щуплый человечек. Он прошёл в трёх метрах от Жукова и, не оборачиваясь, ступил на мостовую.

Ростислав лишь мгновение смотрел на единственного обитателя города, но всё же успел заметить, что это вовсе не человек. Худенький, в лёгкой накидке, с длинными руками и приплюснутой головой — вид существа не оставлял сомнений: перед Жуковым весьма примитивный, низкоразвитый гуманоид. Ростислав успел отметить это опытным глазом и даже подумал, что местные представители весьма далеки от совершенства, и тут вдруг понял — сейчас произойдёт катастрофа.

Гуманоид медленно, приволакивая ноги, шёл по проезжей части прямо навстречу автомобилю.

Мозг Жукова ещё не успел проанализировать полученную информацию, а тело его уже метнулось в прыжке вперёд. Жуков стремительно пролетел над мостовой и с силой толкнул гуманоида в спину. Человечек кубарем

покатился к тротуару, а Ростислав плашмя упал на асфальт. Он успел повернуть голову, и тут на него налетела полупрозрачная машина...



Жуков очнулся в кубической комнате. В глазах продолжала стоять страшная картина: гладкий серый асфальт и нависшее совсем рядом колесо автомобиля.

Наконец Ростислав понял, что произошло. Город, машина, сам гуманоид — всё это было смоделировано и введено в его сознание!

Одинаковые дома, стилизованные, словно отштампованные с одной матрицы деревья, нереально голубое небо... — такая же имитация земного города, как попытка инспектора принять вид человека. Неужели Жуков так

скучно описал Землю?! Может быть, именно поэтому ему было предложено испытание?

Испытание... Что ж, Ростислав был спокоен за его результат. Телепатически поставленный в критическую, неотличимую от реальности ситуацию, Жуков сделал то, что сделал бы и в жизни. Неужели инспектор предложил ему тест на человечность и способность к самопожертвованию?! Ростислав облегчённо вздохнул: он поступил так, как на его месте поступил бы любой обитатель Земли.

Жуков огляделся. Инспектора в комнате не было, только в углу клубилось синеватое облачко, в глубине которого вспыхивали серебристые искры. И вдруг из ниоткуда раздался знакомый голос:

— Таможенный инспектор Борр, проанализировав результат теста, уполномочен сообщить своё заключение. Человек, ты не только не соответствуешь критерию Галактического Сообщества, ты попросту неразумен! Ошибка природы — мыслящее и неразумное существо! В тебе заложены такие черты, как безрассудство, непоследовательность, склонность к необоснованному риску, отсутствие логики в поступках. Эти черты чужды союзу. Я начал подозревать это ещё во время твоего рассказа, но такое положение казалось мне настолько невероятным, что я готов был предположить какое-то недоразумение. Результат теста положил конец моим сомнениям: нельзя назвать разумным представителя высокоразвитой цивилизации, спасающего существо заведомо более низкого уровня развития ценой собственной жизни. Кто более полезен обществу: человек или спасённый гуманоид? Так как же можно назвать разумным потерю лучшего для сохранения худшего?! Великое Галактическое Сообщество не может принять в свои ряды цивилизацию Земли. Звездолёту «Альбатрос» предписывается в 24 часа покинуть станцию...

«Альбатрос» мчался сквозь пространство, приближаясь к Солнечной системе. Жуков лежал в гравитационном кресле и смотрел в потолок.

Его миссия провалилась. Галактическое Сообщество не приняло посланца Земли. А может быть, это и к лучшему? Борр пользовался языком людей и назвал критерием соответствия разумность. Не ошибся ли он? Не лучше ли назвать жизненный принцип союза узким рационализмом? Нужны ли человеку взаимоотношения, построенные исключительно на этом понятии? Что тогда останется людям: скучные города, сухая логика, расчётливость «галактического мещанства»? Жизнь с арифмометром вместо сердца и — никаких сомнений? Действительно, зачем сомневаться, что-то выбирать, когда всё предписано заранее!

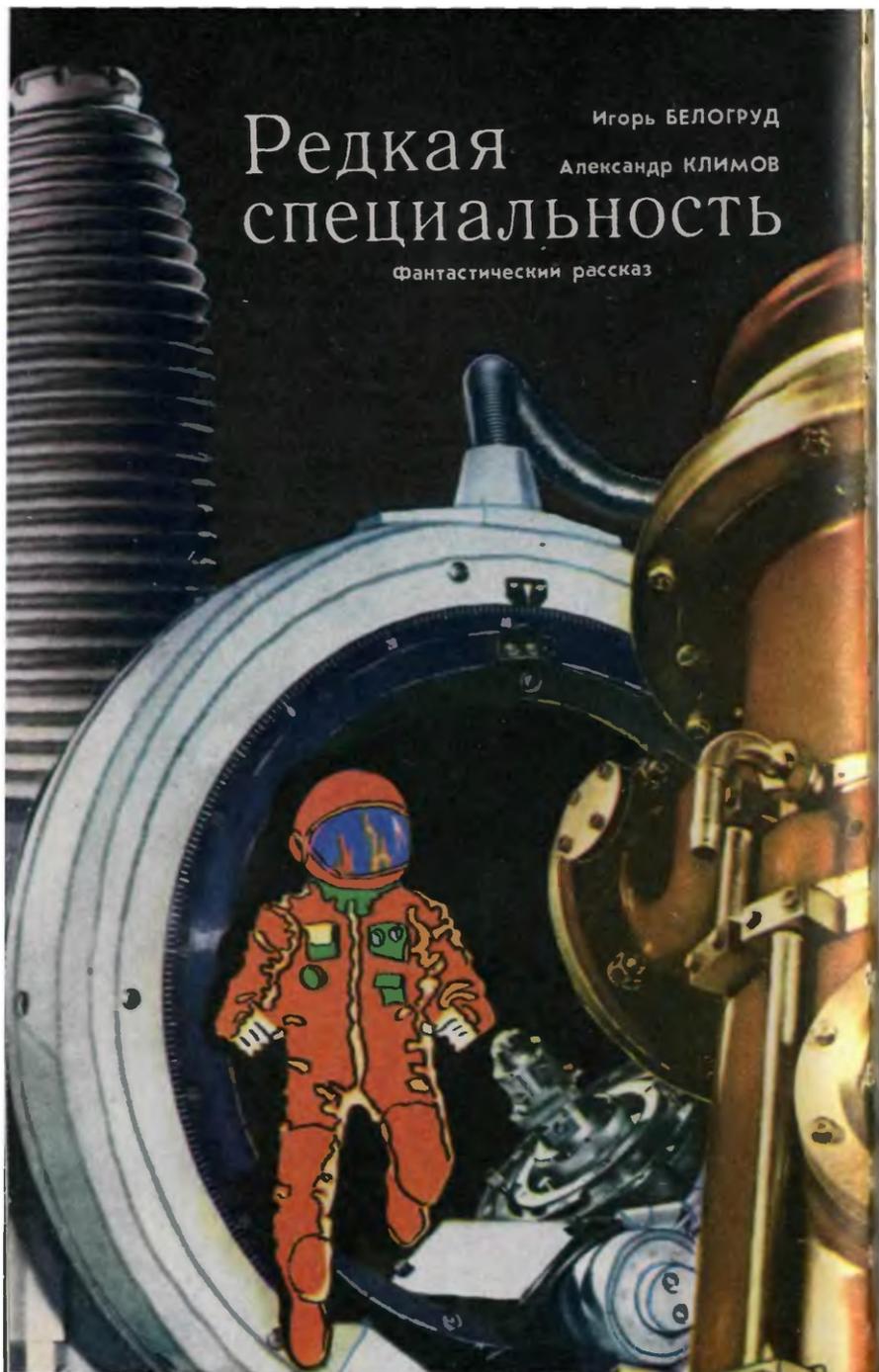
Или, может, во всём виноват сам Жуков? В этом разберётся комиссия. Ростиславу придётся тяжело, но единственное, что придавало ему уверенности — это мудрое лицо председателя комиссии с багровым шрамом, перечеркнувшим лоб. Ведь эту отметину председатель получил, участвуя в спасении низкоразвитых гуманоидов планеты Бромб.

Редкая специальность

Игорь БЕЛОГРУД

Александр КЛИМОВ

Фантастический рассказ



Специальность у меня редкая — ремонтник внутренней службы. Вот все восторгаются астронавтами и специалистами по контакту с веземными цивилизациями, детишки с пелёнок грезят о далёких планетах, гравитационных вихрях, на худой конец о каких-нибудь звёздных драконах, которых надо изловить и доставить в зоопарк.

Оно, конечно, так... Только уж обидно очень. О моей работе — чисто земной — дети не мечтают, да и вообще мало что знают. А она, между прочим, не менее опасная и уж куда более тяжёлая, чем у косморазведчика! Представьте: никаких роботов, всё сам, своими руками...

Прилетают ребята с загадочных планет и давай хвастать: мол, знаете, какие чудовища там на нас нападали? Жуть! Я в таких случаях пренебрежительно машу рукой и говорю, что и у меня бывают встречи с «чудовищами». Астронавты смеются, им весело, но я-то знаю, что они просто не могут себе представить, что трудности и опасности остались и на Земле. На космодроме. Вот и сегодня у меня был туда вызов. И между нами говоря, самый безопасный за минувший месяц.

Человек несведущий скажет: что может быть опасного на космодроме? Системы там стерильные, контроль на высоком уровне. Но давайте всё по порядку...

Вот стоят они, лайнеры: громадины, чудо техники, а без меня не могут!

Так! Но мне, кажется, не сюда. Надо направо.

Так, так... А вот это и есть объект ремонта. Какое там название на борту выведено? «Альбатрос»! Он самый и есть. Хорошая машина, мощь чувствуется, сила. Стоит «Альбатрос», тонким носом в голубое небо нацеленный, ветерок его обдувает ароматный, на травах настоящий, и никто не поверит, если я скажу, что работать буду там, где темно и сыро... Ох и не хочется! Но надо! Работа есть работа.

Захожу в «Альбатрос», Дежурный честь отдаёт, как будто я герой космоса, а не простой ремонтник-работяга. Я ему тоже киваю, так, с улыбочкой. Мол, не робей, летун, вылечим ваш «Альбатрос».

Коридоры тесные, переплетённые. Тележка на поворотах буксуют, скребёт шинами по ступенькам.

Наконец добираемся. Теснотища, кабину, куда мне надо войти, еле нашёл. Кругом столько проводов, труб...

Забираюсь в кабину, захопываю за собой дверцу и, прежде всего, протягиваю стальную ленту к входному отверстию объекта ремонта. Всё машинально, заученно, отработанно, не хуже, чем у штурманов дальних перелётов!

Так! Коробочку с инструментом надо на подставку положить. Костюм долой! Всё равно скафандр надевать. По инструкции положены предварительные измерения, но я, как любой профессионал, определяю соответствие без приборов, на глаз. Между прочим, никогда не ошибался. Опыт!

Всё готово. Подхожу к пульту управления. Экраны, кнопки, тумблеры. Начинаю набирать код. Пальцы бегают по клавиатуре, как у хорошего пианиста.

ниста. На дисплее выстраиваются колоночки цифр. Внимание! Мигает красная сигнальная лампа.

Это удивительная машина. Говоря по правде, я даже не знаю, по какому принципу она работает. Зато результат налицо.

Все! Одеваю скафандр. Мягкий, но прочный пластик облегает тело, оставляя слабинку в плечах и на сгибах колен. Как по заказу шили! А где же мои инструменты? Ага! Вот они, в ящике. Итак, шлем — на голову, фонарь — на грудь, баллоны и распылитель — за спину, резак — на бедро, чтобы, как луче́мёт у разведчика, всегда к бою готов был.

Смотрюсь в зеркало. Хорош! Орёл!

Выхожу из кабины и по широкому стальному мосту иду к объекту. Вот и люк, гнутый, обшарпанный, кто бы мог подумать! Стаскиваю крышку и заглядываю в шахту. Темнота, только металлические стены поблёскивают и холодком тянет. Последний раз оглядываюсь и ныряю в отверстие, спускаюсь на присосках.

Шахта под прямым углом переходит в туннель. Посвечиваю по сторонам фонариком. Нет, здесь искать бесполезно, это где-то дальше. Ведь в рапорте сообщалось о потере давления.

Вот снова вертикальный отвод, неширокий, с зазубринами и заусеницами по краю. Залезаю внутрь и начинаю спускаться на присосках, по пути отпиливая стальные иглы корундовым резакoм. Далеко внизу что-то булькает и вздыхает. Хорошо, что тут нет «чудовищ». А может, есть? Кто их, межпланетчиков, знает, может, завезли-таки!

Выбираюсь на горизонтальный участок. Туннель расширяется, идти становится удобнее. Луч фонаря рассекает темноту и весело прыгает по стальным стенам.

Через сотню шагов дорогу преграждает огромная бронированная стена. Она заслоняет проход, глубоко вдавившись в пазы. Ну что же они, бездельники, так и не собираются открывать, что ли?

Словно прочитав мои мысли, стена вздрагивает и со скрежетом ползёт вверх. В грудь ударяет струя воздуха, и даже через скафандр чувствуется, какой он холодный,

Скоро ветер стихает, и я, перепрыгнув через неровную широкую канаву, иду по скользкому стальному туннелю. Со стен и потолка свисают белёсые лохмотья. Всё ясно: начало облезать антикоррозионное покрытие. Застёгиваю маску респиратора и включаю распылитель.

А вот и трещина! Не то чтобы очень велика, но я-то могу выглянуть наружу. Тут-то и происходит утечка. Ноздреватый рубчатый шов разошёлся, и через переплетение металлических нитей и стержней виднеется бездна, в туманной глубине которой что-то дрожит и мерцает. Не вывалиться бы...

Накладываю пластырь и завариваю трещину лучевой сваркой. Металл тает, дышать становится тяжело, и я перехожу на автономное кислородное питание. Через несколько минут шов заделан и отшлифован. Век будет держаться! Отключаю кислород и продолжаю свой маршрут.

Вроде ничего особенного нет в моей работе, а для меня она интереснее всего. Пусть не вижу я чудес далёких планет, зато знаю, что любой звездолёт несёт с собой в другие галактики частичку и моего труда. Ведь это самое главное!..

Так, теперь я попал в шарообразный зал, в стенах которого чернеют несколько десятков отверстий. Одно из них просто громадное, и я направляюсь именно к нему. Приходится отмечать дорогу изотопами, чтобы не заплутать на обратном пути.

Наконец попадаю в гигантскую цилиндрическую камеру. У стены стоят несколько высоченных колонн, перед которыми разливается озеро клейкой жидкости. Да... Делать нечего, вхожу в воду и плыву «саженками». Озеро вязкое, словно кисель. Оно сковывает движение, но всё время выталкивает меня на поверхность...

Взмокший, но довольный, добираюсь до колонн. Они сделаны из прочной полимерной сетки и заполнены комками, похожими на расплзшую губку. Это силикогель. Не знаете, что такое силикогель? Это такой материал, который впитывает в себя воду, снижая содержание влаги в воздушном потоке. Штука нужная, но очень простая.

Нажимаю пальцем на один из комков. Он съёживается, и по моей руке бежит поток воды. Отнимаю палец, и комок вновь набухает, будто воздушный шарик. Похоже, колонны нуждаются в профилактическом ремонте. Включаю вибратор и «взбадриваю» силикогель. Комки преобразуются, становятся мягкими и пушистыми. И вдруг снизу, из поддона колонн, вырывается водяной поток и... смывает меня в озеро. Минуты две барахтаюсь, борясь с течением. Надо же забыть такую элементарную вещь!..

Наконец буря стихает, и меня плавно выносит к берегу. Работа закончена, пора в обратную дорогу.

Через полчаса, обессиленный, выползаю из люка и с непривычки жмурюсь от обилия света. Поднимаю голову и вижу, что полнеба занимает глаз. То есть, если не знать, что это глаз, ни за что не догадаешься, что это такое. Но я-то знаю.

Очень хочется побыстрее скинуть скафандр, и я бегом, что вообще-то запрещено инструкцией, несусь по мосту вниз.

Вот я и спустился. Мокрый пластик скафандра исчезает в секции ящика, туда же летят баллоны, резак, распылитель, и я бросаюсь к пульта. Клавиши великоваты, приходится бить по ним кулаками. Это естественно, ведь масштаб-то был выбран минимальным! Внимание! Вспыхивает красный свет, и я натягиваю свою одежду. Отключаю питание. Сматываю стальную ленту, которая недавно казалась мне громадным мостом, и беру в руки маленькую коробочку. Близко подношу её к глазам и только тогда замечаю уже совсем крошечные скафандр, распылитель и лучевую сварку, лежащие в фигурных пеналах.

Вроде бы ничего не забыл. Осторожно захопываю коробочку и опускаю её во внутренний карман пиджака. Выхожу из кабины и докладываю бортинженеру звездолёта «Альбатрос», что система воздуховода В-14 прове-

рена, восстановлено антикоррозионное покрытие, заварена трещина в соединении и проведена профилактика влагоотделяющей колонны.

Бортинженер улыбается и подмигивает мне знакомым, но теперь совсем обычным взглядом. Дежурный отдаёт честь и тоже улыбается. А я разглядываю тоненькую серебристую трубочку, змеящуюся среди тысяч блоков и разъёмов. Это и есть воздуховод В-14.

Сколько лет работаю, всё не могу привыкнуть. Ведь час назад я был там! Тоненькая трубочка была для меня огромным туннелем, а сам я был размером с пылинку! А то озеро, в котором я чуть было не утонул?! Крошечная капелька, которую только и разглядишь через увеличительное стекло. Воздуховод В-14... Чтобы сменить эту малютку, пришлось бы снять, а потом поставить на место множество сложных, тонко настроенных приборов и аппаратов. Унификация тоже имеет границы. А так...

Пусть дети мечтают о космосе. Это хорошо. Но не стоит забывать и об обычных земных профессиях.

Оформление А. Назаренко

А. Климов,
И. Белогруд

Кощей

Лекцию слушали с интересом! Такого облупившиеся стены клуба ещё не видали. Докладчик, толстенький и домашний, с каким-то мрачным торжеством сдирал покровы с тайн седой истории. Старые, хорошо известные истины в его устах приобретали вдруг совершенно новое звучание. Понятное становилось непонятым, простое — таинственным, а загадочное — вполне естественным и легкообъяснимым. Хорошо поставленным голосом он рассказывал такие удивительные вещи, что бабушки-пенсионерки, считавшие своим долгом ходить на все лекции подряд, начали вязать какую-то шерстяную помесь носков с варежками, а немногочисленная молодёжь бросила зубоскалить и даже забыла о семечках.

Звали лектора-общественника Иваном Ивановичем. Человек он был увлечённый и пользовался в своём микрорайоне фантастической известностью. Выступления его проходили с шумным успехом, после чего бабушки начинали рассказывать внукам странные сказки, а любители домино под грохот забиваемого «козла» доказывать друг другу, что Емеля-дурак действительно был дураком, раз так бестолково и, главное, без материального эффекта сотрудничал со шукой, исполняющей желания.

Энергия Ивана Ивановича была через край. Казалось, ещё секунда, и он засветится. Рубя воздух ладошкой, он сообщал:

— ...да ведь и этого наука не отрицает. Обратите внимание: всё новое это хорошо забытое старое! Известный афоризм, но, может быть, это не только шутка? Может быть, есть в нем доля истины? Оглянемся назад и попробуем по-новому смотреть на старые вещи. К примеру, изба на куриных ногах! Что это такое с позиций современности? Вот вы, бабуся, в четвёртом ряду, как полагаете?

Бабка от неожиданности охнула, вхолостую задвигала спицами и испуганно заголосила:

— Чего-чего?! Я, эта, ничего. Я тут тихо сижу, никому не мешаю. А в избах, извиняюсь, не разбираюсь — городская! Мне эти страсти на ногах ни к чему.

Лектор удовлетворённо кивнул и продолжил:

— Вот именно, не разбираетесь! А надо бы! Технический прогресс наводит на мысль, что сказочная изба на куриных ногах не что иное, как реально существовавший вездеход шагающего типа! А меч-кладенец? Разве это не прародитель мотопилы «Дружба»? Про ковёр-самолёт я вообще говорить не хочу. И не просите! Принцип антигравитационных полётов нашим учёным пока ещё не по зубам. А древние — могли! Можно вспомнить и античные культуры, но за недостатком времени делать этого не станем. Конечно, проще

всего было бы свалить всё на колдовство, чёрную магию и народную фантазию. Но так ли это? Не вернее ли предположение, что во все времена существовали гениальные умы, титаны изобретательства, творения которых и дошли до нас в сказках, былинах и мифах? Для поступательного движения современной технической мысли не лишне почаще оглядываться назад, в прошлое. Там нас ждут подлинные перлы научно-технического творчества! Большое спасибо за внимание.

Лекция закончилась. Докладчик вытер лицо платком, напоследок отхлебнул из графина и спустился с трибуны. Народ погудел и рассосался.

Последним из клуба вышел сам знаток мифов. Он устало оглядел афишу, на которой крупными буквами от руки было выведено: «ЛЕКЦИЯ: удивительное взди нас. Читает историк-любитель Наумов И.И.», повздыхал над неблагозвучным «взди» и побрёл в черноту проходного двора. Уже темно, а Ивану Ивановичу ещё надо было успеть в магазин.

Вечер был прекрасен, лекция удалась. На душе у Наумова было так хорошо, что даже получасовое пребывание в очереди к мясному отделу не смогло уничтожить это ощущение.

Подойдя к своему подъезду, Иван Иванович поплотнее прижал пухлый батон «любительской» к груди и рванул ручку. Дверь нехотя открылась и, натужно крикнув, швырнула лектора во влажный мрак парадного. Иван Иванович взял разгон и побежал по лестнице. Обычно энергии дверной пружины хватало до второго этажа, но в тот вечер Наумов долетел лишь до первой площадки, где наткнулся на неподвижно стоящего человека.

Боднув человека в драповый живот, Иван Иванович приподнял панаму и вежливо сказал:

— Прошу прощения.

Ответа не последовало. При скупом свете далёкой, как Арктур, лампочки можно было разобрать, что человек высок и худ. На большее лестничного освещения не хватало.

Наумов хотел уже было пройти мимо, когда незнакомец нарушил свою мраморную неподвижность и глуховато произнёс:

— Извините, Иван Иванович. Позвольте отнять у вас несколько минут.

— Да-да, пожалуйста, — лектор остановился, прижимая колбасу, как будто незнакомец собирался её отобрать.

— Я был на вашей лекции, хотя не могу сказать, что оказался на ней по собственной воле. Так вот, мне кажется, вы как раз тот человек, который сможет мне помочь.

— В чём помочь? — поинтересовался Наумов.

Незнакомец поёжился, как перед прыжком в холодную воду, и сказал:

— Дело в том, что я — Кошей Бессмертный.

Пакет выпал из рук Ивана Ивановича и мягко шлёпнулся на пол. Немая сцена продолжалась с минуту, после чего лектор заулыбался и, неловко подморгнув глазом, сказал:

— А, понятно. Розыгрыш! Решили подшутить? Ну что же, получилось.

— К сожалению, это не шутка, — грустно ответил незнакомец, протягивая пакет владельцу. — Но это слишком долгая история. Может быть, поднимемся к вам, если вы не возражаете?

«Псих! — осенило Наумова. — Зарежет опасной бритвой, расчленил и спустит в канализацию!..»

— Не бойтесь, — поморщился человек. — Не будет ни бритв, ни прочих глупостей. Я не псих. Я страдалец.

— Вы что, телепат? — спросил наконец обалдевший Наумов.

— Да, в общем нет. Хотя немного владею.

И вдруг Иван Иванович понял, что все его страхи рассеялись. Почему, он и сам не смог бы объяснить, в незнакомце было что-то такое...

— Ну что ж. Пойдёмте.

Поднявшись этажом выше, они вошли в явно семейную квартиру, носившую следы холостяцкой жизни.

— Проходите, — пригласил гостя Иван Иванович, пытаясь незаметно убрать носочки, сушившиеся на полочке возле зеркала. — Извините, здесь не прибрано...

— Ничего, так даже более неофициально, — сказал гость. — А где ваша супруга?

— В отъезде, — смущённо ответил Наумов, и глаза его засветились голодным блеском. Когда жена уезжала на дачу, он поначалу радовался свободе, но потом, ощутив множество житейских неудобств, загрустил и похудел. По утрам он поглощал яички вкрутую и вздыхал так тяжело, что попугай Гога переворачивался на жёрдочке вниз головой и с изумлением смотрел на хозяйина. С отсутствием заботливых женских рук на исполкомовской площади воцарился хаос.

— Перекусить не желаете? — поинтересовался Наумов, ощущая мучительное посасывание по ложечкой.

— Слона бы проглотил, — просто ответил незнакомец, чем окончательно расположил к себе историка-любителя.

Иван Иванович отправился на кухню и поставил чайник. Заглянув в холодильник и не найдя там ничего, кроме опротивевших яиц, он распеленал пухлую в перетяжках колбасу и принялся резать её толстыми, негнушимися кусками. Расколос на части батон окаменевшего хлеба, он водрузил яства на поднос и осторожно, чтобы не расплескать кофе, вернулся в комнату.

Попугай Гоша, повиснув на жёрдочке вниз головой, казалось, совсем не дышал и даже вроде бы окаменел. Гость расположился на диване рядом с клеткой и сверлил тропическую птицу взглядом.

— Так вот. Я действительно Кощей и действительно Бессмертный. В вашем понимании, во всяком случае. История довольно необычная, и рассказывать её я не люблю. Но придётся, это необходимо, — он шутя расправился с тремя бутербродами и только тут заметил, что сидит за столом в шляпе и пальто.

Под шляпой оказался мощный шишковатый череп, поросший редкими бесцветными волосами. Незнакомец был настолько худ, что складывалось

впечатление, будто костей в нем раза в два больше, чем по анатомии отпущено обычному человеку.

— А почему именно мне надо узнать вашу историю? — любопытствовал Наумов, физически ощущая, что начинает сходить с ума.

— Вы признаете реальную основу сказок, а, следовательно, в состоянии поверить в моё существование. Вы правы, отмечая в своих лекциях, что в стародавние времена было много удивительного и загадочного. И одно из этих таинственных явлений — я, — Кошей тяжело вздохнул, вытянул из кармана папиросу, прикурил от огнива и глубоко затянулся. Его нос заострился и стал похож на клюв не то гигантского кондора, не то попугая Гоши.

— Да-да, не улыбайтесь! Мне, например, не до улыбок. Я был крупнейшим учёным своего времени. Достиг многого, особенно в алхимии, но затем увлёкся проблемой вечной жизни и, к своему несчастью, преуспел в её решении. Болван! Опыт, проведённый над самим собой, обрёк меня на многовековое существование в мире, где никто не мог понять значения моих открытий, а подчас и моей речи.

Глаза Кошея сверкнули, в их глубине разгорелись рубиновые огни негодования. Иван Иванович помешал в чашке алюминиевой ложечкой и, улыбнувшись, посмотрел на костюм своего гостя. Костюм, чистый и отутюженный, абсолютно не соответствовал моде: необъятные брюки-трубы, двубортный кургузый пиджачок в талию, лацканы, похожие на ятаганы, и розовый галстук «кис-кис».

— Кстати, о вашей речи. Не кажется ли вам, что уж больно она современна для Кошея Бессмертного? Да и по виду вы не очень-то похожи на алхимика, пусть даже и самого передового.

Кошей пренебрежительно махнул рукой:

— Не обращайтесь внимания. Костюм — из тридцатых годов этого века, я ведь не успел переодеться. Народ нынче грамотный пошёл, свою одежду просто так не отдаст... А к языкам у меня всегда были большие способности. Впрочем, это неважно. Позже вы всё поймёте.

Наумов подлил себе кофе, поглубже уселся в кресло и приготовился слушать.

— Итак! — воскликнул бессмертный гость. — Мне предстояло многие годы провести в обществе необразованных князей, богатырей-грубиянов и темных, забитых землепашцев. Это было ужасно, и мой деятельный ум начал искать выход.

Попалась мне как-то одна древняя египетская книга, и, знаете ли, удалось её расшифровать! М-м-м... да. То был трактат какого-то гения-звездочёта о перемещениях во времени. Наконец-то у меня появился шанс порвать путы средневековья и перебраться в будущее, достойное моего уровня развития.

— И что же говорилось в книге? — нетерпеливо заёрзал Наумов.

— В книге говорилось, что надо в определённой последовательности смешать ряд веществ и в полученный эликсир опустить намагниченный стержень. Дальше часть рукописи была съедена то ли мышами, то ли самим голодающим звездочётом, и лишь на последней странице можно было про-

честь: «при положительном заряде происходит перемещение в будущее, при отрицательном — в прошлое».

У Наумова отвалилась челюсть. Такого он не слышал даже на своих собственных лекциях. Но всё это оказалось цветочками по сравнению с тем, что последовало дальше.

— За день я собрал описанное устройство. Желая провести опыт надёжнее, я стержень изготовил из чрезвычайно магнитожёсткого сплава, по сравнению с которым современные просто ерунда. Перелив густой и жёлтый эликсир в колбочку, я бросил туда кусочек намагниченной проволоки.

Кощей зажмурился и ударил себя кулаком по лбу.

— Проволока ещё была в воздухе, когда я осознал непоправимость случившегося! Гении рассеяны. Это вам подтвердит любой захудалый гений. Заработавшись, я упустил из виду очевидный даже школьнику физический факт: как и любой постоянный магнит, мой стержень имел одновременно два полюса! Трактат не имел практического применения, что, очевидно, и напоминалось на съеденных страницах. При моем опыте, да так влипнуть!.. Вы, конечно, представляете, что произошло сразу после этого злополучного эксперимента?

Иван Иванович растерянно захлопал глазами, и Кощей, сжавившись, пояснил:

— Как только намагниченная проволока попала в эликсир, я, естественно, перестал существовать в своём времени, а так как в колбе одновременно находились и плюс и минус, проклятая машина для начала закинула меня лет на пять вперёд. Радость моя заметно поутихла, когда после двухчасового пребывания в будущем я был снова возвращён в прошлое, только на пять лет раньше трагического эксперимента.

— Так как же вы очутились у нас? — спросил Наумов, пытаясь найти выход из дебрей прикладной алхимии.

— С тех пор и скачу туда-обратно, не зная ни покоя, ни отдыха, причём в каждом очередном скачке на пять лет дальше. Представьте себе маятник, амплитуда колебаний которого постоянно увеличивается. С учётом моего бессмертия и магнитожёсткости проволоки, у меня есть возможность увидеть как возникновение нашего мира, так и его естественную гибель. Материализовавшись на вашей чудесной лекции, я попал к вам в современники, Иван Иванович. Правда, всего на два часа.

Иван Иванович подумал не без гордости, что сегодняшняя лекция была действительно чудесной. Он был в ударе. После доклада его окружила толпа любознательных, посыпались вопросы о системе шумоподавления гуслей-самогулов, материале, пригодном для пошива сапог-сорокоходов и судьбе симпатичного пенсионера Мальчика-с-пальчик. Общее негодование вызвало плохое отношение Карабаса Барабаса к чуду деревянной кибернетики длинноносому Буратино.

— А заинтересовавший вас костюм сохранился от одной из прошлых материализации. Так замотался, что переменить было некогда, — прервал

приятные размышления историка Кошей. Он так тяжело вздохнул, что одеревеневший Гоша сорвался с жёрдочки и рухнул в поилку с водой.

— Итак, полтора часа уже прошло, и через пятнадцать минут с небольшим я опять перенесусь в далёкое прошлое. Вы не представляете, как там плохо. За два часа такого наглядисься, что кровь в жилах стынет. И вообще, подумайте только, что у меня за жизнь: туда-сюда, туда-сюда, выспаться некогда, питаюсь чёрт те как, всухомятку. Хорошо, что вы хоть кофе предложили.

Кошей сорвал с шеи галстук «кис-кис», плюнул на него и швырнул в открытую форточку.

— А переодевания постоянные?! Они же из меня все соки выжали! То латы натягивай, то шкуру медвежью, то фрак с цилиндром. Встречают везде по одежке, а про ум никто и не интересуется. Один раз перенёсся в XVI век в набедренной повязке, так чуть было в котле не сварили, за демона приняли... — великий страдалец поник и замолчал.

Иван Иванович слушал, затаив дыхание, но в образовавшуюся паузу поспешил вставить:

— А вы не пробовали бороться с созданным положением?

Кошей хмыкнул, словно ему напомнили о чём-то раздражающе глупом.

— Пробовал, конечно, и не раз. Остановить мои странствования во времени можно, только уничтожив поле, то есть разбив колбу. Сначала я пытался воздействовать из прошлого. Давал деньги разным субъектам, чтобы спустя несколько лет они вошли в пещеру и разбили машину времени, но был жестоко наказан за доверчивость. Деньги брали, но я, как видите, здесь. Встретиться же с самим собой не удавалось: то за водой для реактора вышел, то на симпозиум улетел...

Пришлось приступить к более решительным мерам, то есть попытаться заинтересовать добрых молодцов морально. Я распространил слухи о похищенных красавицах и о том, что освобожу их только тогда, когда кто-нибудь разобьёт колбу, с точным указанием координат и сроков. Но молодцы мне попадались как на подбор: ленивые, суеверные и необразованные. Когда я объяснял им, что надо разбить колбу или сломать магнит, они только глазами хлопали. Пришлось для наглядности представить колбу яйцом, а стержень — иглой. Это сразу подействовало: молодцы всё поняли и через положенное количество лет отправились выручать красавиц. Но так как большинство из них от рождения не выезжало из своих деревенок, а в планах и картах, естественно, никто не разбирался, то пещеру они не нашли. Так и бродили богатыри по сёлам и весям, копя ни в чём не повинные яйца и ломая дефицитные в те времена стальные иголки. А амплитуда перемещений всё увеличивалась, и если я не смог уничтожить установку за пять лет до её создания, что оставалось делать за десять или двадцать?

Пришлось плодить суеверия с прицелом на будущее. Я составлял дурацкие записки, типа: «Коли придёшь туда-то, встанешь лицом к тому-то и разобьёшь то-то и то-то, получишь сокровища несметные». Переносясь в будущее, я узнавал, что желающих получить сокровища несметные было вели-

кое множество, но они либо били не то, либо не тогда и не там, по крайней мере, я вот, перед вами.

— Простите, — пробормотал озадаченно Наумов, вспомнив, что он всё-таки знаток сказок, — а как же «игла — в яйце, яйцо — в утке, утка — в зайце, заяц — в сундуке, сундук — на дубе»? Откуда сундук и заяц? И как всё это на дуб попало?

— Сам не перестаю удивляться!

Кошей от расстройства чувств налёг на бутерброды.

Помолчав сострадающе, Иван Иванович решился спросить:

— И что же вы намерены предпринять теперь?

— Попытаюсь изменить прошлое из будущего. Пусть средневековье, главное — жить спокойно!

— Интересно! — Наумов придвинулся поближе.

— Меня смущает история про Царевну-лягушку. Ведь там Иван-царевич всё-таки отыскал злополучный сундук, то бишь сейф, и уничтожил колбу. Сдаётся мне, что этот Иван-царевич — вы.

Иван Иванович изумлённо уставился на алхимика.

— Да-да. Вы! Это очень просто. В моих многочисленных превращениях я не терял времени даром и создал новый эликсир. — Кошей достал из кармана бутылку из-под кефира и огромную иглу-цыганку. — Действует он только на тех, кто верит в моё существование. Как только я дотронусь концом иглы до жидкости в бутылке, вы окажетесь в прошлом — годика этак через два-три после моего неосторожного эксперимента. Вы человек современный, так что, думаю, отличить колбу от яйца сможете. Как вы будете её разыскивать, меня не касается, но найти её вы обязаны.

— А как же я вернусь обратно? — дрожащим голосом спросил Иван Иванович. — Нет, я решительно отказываюсь.

— А вас и не спрашивают. В прошлое вы отправитесь, а возвратитесь, сами понимаете, не раньше, чем я отсюда исчезну.

От былой мягкости гостя не осталось и следа. Лицо его побледнело и заострилось, глаза сверкали зелёным светом, голос стал ледяным и властным.

Наумов был на грани обморока.

— Но почему именно я? — тоненьким голоском спросил он.

— Потому, что вы единственный, кто верит в моё существование, а существую я лишь для тех, кто в меня верит. И эликсир времени действует только на тех, кто не сомневается в его действенности.

— Но я в вас не верю! — закричал Иван Иванович. — Вы — мистификатор! Чем докажете, что вы — не сон?!

— Нет ничего проще, — спокойствие Кошея ужасало. — Смотрите!

Бессмертный повернулся к Гоше, щёлкнул пальцами, и попугай на глазах превратился в жирного павлина, едва поместившегося в тесной клетке. Наумов был обречён.

— Успокойтесь, Иван Иванович. Мы — союзники, мы нужны друг другу. Верой своей вы сами выбрали себе путь, — проговорил Кошей и вдруг исчез. Пропал, как и сидел, с бутылкой из-под кефира в одной руке и бутер-

бродом в другой. И было неясно, то ли там, в далёком прошлом, разбилась колба, то ли он опять покинул будущее.

Иван Иванович сидел опустошённый и смотрел в окно. «Ерунда! уговаривал он себя. — Примерещилось. Слишком расфантазировался сегодня на лекции».

За спиной в птичьей клетке раздалось хлопанье крыльев.

Иван Иванович вздрогнул.

Он сидел в кресле и не мог заставить себя обернуться.

Александр КЛИМОВ



ПОВЕЛИТЕЛЬ

Равнина была уныла и камениста.

Жуков вышел из шлюзовой камеры и внимательно огляделся. «Почти как на Земле», — с грустью подумал он и пошёл к видневшемуся вдали зданию станции. На секунду он обернулся и помахал рукой «Альбатросу», серебристой иглой застывшему посреди равнины. Несколько лет звездолёт был его домом или, вернее, частицей того — настоящего дома, по которому инспектор Жуков отчаянно скучал в последние месяцы своего дежурства. Ночами ему снилась степь, волнующаяся разнотравьем, играющая тонкими, чуть горьковатыми запахами...

Где-то в песках скрипнуло невидимое животное. Инспектор даже не остановился. Работа в службе спасения научила его чувствовать опасность. С годами в нём будто поселился крошечный наблюдатель, вовремя предупреждавший о надвигающейся беде. Иногда эта раздвоенность угнетала, и тогда Жуков становился угрюм и раздражителен. Так бывает — устаёшь быть сильным, хочется почувствовать себя обычным человеком, а не тем, кто всё может.

Станция выросла, превратившись в огромный стальной куб с пучком антенн на верхней грани. Багровое солнце поползло на закат. Поднялся ветер. Песчинки летели к станции, но до неё не долетали, наткнувшись на невидимую преграду.

«Неплохо, — подумал Жуков. — Значит, система энергоснабжения ещё функционирует».

Он подошёл поближе и выставил руку вперёд. Ладонь оперлась в «силовой колпак».

Инспектор расстегнул жилет и вытянул из кармана небольшой цилиндр с антенной. Жилет автоматически застегнулся, прикрыв грудь тонкой полимерной броней. Сотни вшитых датчиков прильнули к телу. Жуков повертел шкалу настройки и нажал кнопку резонатора. Силовой колпак растаял.

Мёртвая станция — самое удручающее зрелище во Вселенной...

Над входом яркой светящейся краской был оттиснут зелено-малиновый, с мечами и драконами флаг.

Жуков напряг память, но извлёк из неё до обидного мало: крошечное тропическое государство, вечно кипевшее и бурлившее, исчезнувшее с карты Земли лет сто назад, ещё до объединения народов... Не поймай инспектор случайно слабенький сигнал аварийного маяка, о неучтённой станции не подозревали бы ещё много веков.

Кусты и корявые деревца почернели, превратились в высушенные невесомые скелеты. За станцией — переплетение труб, кабелей, опор — всё грубо, массивно и ненадёжно. Тишина и запустение...

Жуков тяжело вздохнул. Инспекция изматывала и морально и физически. Но морально всё-таки больше. Это тяжело — бродить среди руин и выяснять, почему случилось то, чего по всем расчётам не должно было случиться.

Погруженный в невесёлые мысли, инспектор обогнул трансформаторную подстанцию и остановился. Перед ним из земли торчал кривой, сваренный из обрезков труб крест. На табличке лучевым пистолетом были выжжены инициалы:

«А. К.»

По традиции Жуков минуту постоял в молчании и, не оборачиваясь, пошёл прочь.

Откуда-то сверху разнёсся тонкий пульсирующий свист. Инспектор замер. Свист забрался куда-то в ультразвуковой диапазон, и Жуков с удивлением обнаружил, что в нём прослеживается странная и сложная мелодия.

Дверь шлюзовой камеры оказалась приоткрытой. Если бы не силовой колпак, тамбур давно бы забило леском и пылью.

Жуков прильнул к щели и осторожно запустил руку в темноту. Следовало отключить электронную защиту. Щелчок — потухли ненасытные глазки разрядников. Инспектор потянул ручку-баранку и сразу же переключился на инфракрасное зрение. Темнота жила своей скрытой жизнью: холодный мрак пола, мерцающее и зыбкое тело потолка, испещрённые звёздами стены... И было что-то тревожное в этой светящейся черноте. Что-то, чего ни сам Жуков, ни его «наблюдатель» понять не могли.

Вторая дверь оказалась запертой снаружи. Жуков несколько минут возился с хитрым кодовым устройством, радуясь в душе, что не встретит внутри станции следов давней трагедии. В радости этой было что-то детское, трусливое, словно ребёнком зажигаешь свет в пустом доме и открываешь створки платяных шкафов, боясь и в то же время с нетерпением ожидая, что вот-вот обнаружишь в пахнущей нафталином темноте лопухого волосатого домового.

Дверь поддалась. Жуков пошарил по стене и включил освещение. Вспыхнули холодные голубые светильники, и разом оборвался тонкий нервный свист.

Инспектор огляделся и в который раз подивился простоте и неустроенности быта первых покорителей космоса: три узкие кровати, кресла, стол, заваленный пожелтевшими бумагами.

На стене — три цветные объёмные фотографии. С первой сверкал белозубой улыбкой негр-гигант. Выпуклые лиловые глаза искрились весельем. На таких очень удобно снимать накопившееся раздражение.

Половину второй фотографии занимали солнцезащитные очки. Над очками удивлёнными птичками взлетели брови, словно удиравшие от тонкого орлиного носа и недоброй ухмылки почти беззубого рта. Две большие звезды на воротничке рубашки указывали, что это — командир станции.

Третья карточка пламенела на стене, как осенний кленовый лист. Таких ярко-рыжих волос Жукову видеть не доводилось. Все тона — от жёлтого до пурпурного — слились в огненную гамму, в которой само лицо, серое и сморщенное, совершенно терялось. Фотография была подписана инициалами «А. К.». Жуков вспомнил крест из обрезков труб и отвернулся.

Взгляд погибшего — вечный укор живым.

Инспектор обогнул видеотеку и прошёл в рубку управления. Приборы продолжали жить. На пульте светились неоновые мазки, докладывавшие пустоте внутри станции, что происходит в пустоте за её пределами.

Половину рубки занимал огромный компьютер неизвестной инспектору модели. Жуков попробовал мысленно пробежаться по логическим цепочкам, но уже на втором витке окончательно запутался. Сгустки органики, вживлённые в стандартные схемы, перечёркивали все представления о вычислительной технике. А между тем ЭВМ-мутант работала.

Инспектор нажал кнопку вывода, и компьютер выплюнул чистый лист.

— Однако, — вслух произнёс Жуков. — Хотел бы я знать, кто работал с этой машиной.

Он собрался ещё что-то добавить, но не успел. Зашёлся в визге дремавший «наблюдатель», напряглись тренированные мускулы инспектора. Жуков развернулся, в руке его блеснул излучатель.

Прошло несколько секунд, прежде чем он убрал оружие. Датчики молчали, но он мог поклясться, что за его спиной КТО-ТО БЫЛ! Смутная тень, неуловимое колебание воздуха, дыхание — словом, что-то, его быть не могло на запертой снаружи, умершей десятки лет назад станции...

Жуков нервно рассмеялся. Кто же может быть, когда не может быть никого?! Нервы? Усталость? Что же ему, в конце концов, не нравилось в станционных отсеках?

И вдруг он понял! Удивительная чистота и порядок! Не было главного следа времени — пыли! Бурой, невесомой, домашней пыли!

Инспектор немного постоял в задумчивости и подошёл к распределительному щитку. Откинув жестяную крышку с нанесённой на ней расшифровкой схем, он нажал кнопку индикатора. Загорелась красная лампочка. Станция «съела» почти весь запас энергии.

«Надо поискать бортжурнал», — сам себе сказал Жуков. Он осмотрелся и не сразу заметил притаившийся в углу цилиндр электронного дневника. Кассеты аккуратно, под номерами стояли на полочках, и только одна — незаправленная, с оторванной магнитной вставкой — валялась на столе. Кажется, её вынули всего лишь несколько минут назад.

«Последняя», — догадался инспектор и протянул к ней руку. И вновь что-то неуловимо изменилось за его спиной.

Внезапно Жуков почувствовал страшную усталость. Она давила, пригибала к земле, путала мысли... В голове закрутился красно-чёрный хоровод.

Инспектор нетвёрдым шагом добрался до койки и бессильно повалился на неё.

«Завтра. Всё завтра...» — вяло подумал он и нажал на пуговицу жилета. Из карманов выскочили и разбежались по отсеку крохотные, похожие на муравьёв киберстрелки. Жуков нашёл в себе силы включить индивидуальное защитное поле и провалился в темноту...

Проснулся Жуков оттого, что кто-то гладил его по лицу.

Он мгновенно вскочил и краем глаза успел заметить, как в стороны отпрянули узкие серые тени. Кокон силовой защиты исчез, но кибернетическая охрана не подавала и признаков беспокойства.

Инспектор улыбнулся. Он почувствовал себя свежим и отдохнувшим, а странные тени?.. Так ведь это и была его работа.

Собрав электронных стрелков, Жуков пошёл слушать бортжурнал. Незвестная сила сумела обмануть охрану и отключить защитное поле, однако вреда инспектору не причинила. Дневник мог пролить свет на происходящее.

Кассета без вставки лежала на своём месте, кончик ленты свисал со стола.

«Эпоха голого оптимизма, — подумал Жуков. — Много энтузиазма и мало хорошей техники. Отсюда и беды».

Он смотал катушку, протянул язычок сквозь шеренгу роликов и нажал кнопку. Лёгкое шипение и, наконец, бесконечно усталый голос:

— *Среда, 18 часов 32 минуты по времени станции. Сегодня умер А. К. Он был гениальным компьютерщиком и плохим другом. Мы похоронили его и поставили над могилой крест. А. К. верил в бога. По крайней мере, он так говорил...*

В записи наступила долгая пауза. Жуков уже догадался, что услышит дальше. В нём проснулось раздражение. Почему он видит только станции, попавшие под удар стихии? Ведь есть же другие, где строят, работают, просто живут. Но смогут ли люди строить, ничего не опасаясь, если не будет Жукова и его товарищей?..

— *... Чёрный Буйвол был самим собой до конца. По его представлению, человек обязан бороться, а неизбежное принять достойно. Когда подошёл его срок, негр обнял меня и ушёл в пустыню. И она приняла его пострадавшую душу.*

Кто виноват в случившемся? Планета, обратившая на нас внимания не больше, чем на пылинку? Непредвиденная мутация, заставившая крошечный безобидный вирус превратиться в убийцу? А может, случай? Нитка судьбы, оборвавшаяся в руках провидения? В космос нельзя идти с чёрными мыслями, иначе он мстит...

Не знаю... По крайней мере, я не чувствую отчаяния и сожаления. Придут другие, чище и лучше нас, и Вселенная откроет им свои тайны.

Вот и моё время. Пора уходить в пески, к Чёрному Буйволу.

Среда, 18 часов 45 минут. Запись сделал командир станции.

Жуков был оглушён услышанным, хотя и сознавал обыденность случившегося. Сколько таких трагедий знает история покорения чужих миров? Что может быть проще страха и страшнее простоты? Неподготовленность — спутница всех великих начинаний.

Инспектор поднялся с кресла, и в этот момент отсек заполнился истерическим смехом.

— Кто здесь?! — крикнул Жуков, сжимая приклад излучателя. — Кто здесь?! — инспектор чувствовал, что начинает терять контроль.

Смех оборвался.

— Не надо кричать, — произнёс глухой властный голос. Источник его было невозможно определить. Он шёл ниоткуда и в то же время со всех сторон. — Я не привык к шуму.

Жуков, нервно оглядываясь, стоял посреди рубки.

— Уберите же излучатель, — бросил голос уже с раздражением. — Вы можете по неосторожности нажать кнопку!

Инспектор сунул оружие в кобуру. Он с трудом приходил в себя. Датчики по-прежнему молчали, и, будь у него основания, он, не колеблясь, приписал бы происходящее разыгравшемуся воображению. Жуков был готов к

встрече с чем угодно, только не с привидением, привыкшим к тишине и брюзжащим, как недовольная старушка.

— Садитесь, — хихикнуло где-то под потолком. — Что уж теперь стоять? Дорогому гостю рад. Замечу: очень дорогому!

Жуков послушно сел. Незаметным движением он дотронулся до пуговицы жилета, приводя в боевую готовность кибернетическую защиту.

— Это всё ни к чему, — голос стал каменно-твёрдым. — Я сильнее вас! Вы — червяк перед моим величием!

Отовсюду — из пола, стен, потолка, подлокотников кресла выползли тонкие фиолетовые нити. Они захлестнули руки, ноги и шею инспектора. Нити пульсировали, сокращались, врезались в тело. Жуков попытался выскользнуть, но начал задыхаться. В глазах надувались и лопались красные пузыри.

Внезапно щупальца ослабли и, извиваясь, втянулись в пластиковую обшивку отсека.



— Не бойтесь! — пророкотало в ушах. — Ваша гибель не входит в мои планы. Я мог сделать это и раньше.

Жуков стряхнул с колен россыпь безжизненных киберстрелков. «Муравьишки» падали на пол с металлическим стуком. Излучателя в кобуре не оказалось. Он лежал на столе метрах в трёх от инспектора.

— Не делайте глупостей, — посоветовал призрак. — Вы ведь всего лишь человек.

— Человек, — согласился Жуков, вкладывая в это слово совсем другой смысл.

— Пока вы спали, я тщательно исследовал вас, — в голосе появились нотки печали. — Вы не похожи на тех людей, что я встречал раньше. Видимо, человечество действительно сумело развить те жалкие крохи, что отпустила ему скупая природа...

— А вы-то сами кто?! — резко спросил Жуков.

— Я? Совершеннейшее творение господне!

Инспектор усмехнулся.

— Напрасно смеётесь! Это не похвальба и не мания величия. Мощь моего разума поразительна уже сейчас, но, трансформируясь и самоусовершенствуясь, я приобретаю новое качество, которое не сможет постичь ваш жалкий умишко! Даже я сам не знаю, какого совершенства достигну через тысячу, десять тысяч лет!

— Не знаю, кто вы, почему и для чего существуете, но мысли ваши не оригинальны, О совершенстве не болтают. Над ним работают.

— Всему виной эмоции! — в голосе послышалась неприкрытая злоба. — Мораль! Переживание! Сладкая сказочка для идиотов. Извечный тормоз любого развития. Когда-то и я переживал, и, только искоренив, старательно истребив в себе это, почувствовал себя незыблемым.

Жуков почувствовал опасность — пока нечёткую, размытую.

— У любого мыслящего существа должна быть цель развития, — осторожно заметил он. — Иначе развитие его не имеет смысла. И чтобы добиться этой цели, необходимо верить в возможность её достижения. Во что же верите вы? Ведь вера тоже эмоциональная категория.

— Вера — это аксиома, она принимается без доказательств. Я расскажу вам, что принимаю я и во что будете верить вы.

— Скажите для начала, кто или что вы сами? — Жуков интуитивно понял «взрывоопасность» темы и постарался сбить напряжение, — Вы знаете обо мне всё, я о вас — ничего.

На несколько минут станция погрузилась в тишину. Наконец голос проснулся:

— Это трудно — определить, что есть я. Любое существо имеет тело. У меня оно тоже есть. Пока есть... Человеческому разуму близки аналогии. Что ж, тогда: артерии мои — кабели и провода, глаза — датчики и регистраторы, сердце — энергоблоки. Бесчисленными нитями органики я пронизал стены, потолок, почву. Я продолжаю расти, захватывая пространство...

— А мозг? — перебил инспектор, чувствуя, как комок подкатывает к горлу.

— Мозг? Пока это компьютер, нелогичностью своей поставивший вас в тупик. Если хотите, я — живая станция! Вы находитесь внутри меня! — Отсек наполнился скрипучим смехом. — Я проглотил вас! Вы у меня в желудке! Ха-ха-ха. Вы ходите по моей коже, дотрагиваетесь до почек, селезёнки. Вокруг всё живое.

Жуков вскочил с кресла, но нити мгновенно усадили его обратно. На секунду инспектору показалось, что он действительно находится в чреве дракона.

— Спокойно! Я шучу, Вы мне не мешаете, — добродушно буркнула станция.

По мнению инспектора, существо, способное получать удовольствие от таких шуток, стоило немногого. Однако Жуков успокоился и обрёл уверенность. Происходящее уже не казалось ему сном:

— Мозг-компьютер — это понятно. По крайней мере, теоретически, Но ведь изначально он должен был быть чем-то заполнен. Что-то должно было зажечь искру, заставить вас думать так, а не иначе?

— Короче, вы желаете знать, что стало первичной программой, банком информации? Вы хотите знать, кто «сидит» в компьютере?

— Да.

— Ну, что ж. В машине «сидит» тот, кого в той, прошедшей, жизни называли А. К.

Жуков остолбенел. Перед глазами его пронёсся криком железный крест, строки из боржурнала, фотография огненно-рыжего гнома...

— Да, разум мой — первично человеческий, унаследовавший все его слабости и изъяны. Но годы не прошли даром: из памяти вытравлено всё лишнее.

— Как же это... случилось? Крест...

— Всё началось с вируса. А может, и не с него... Просто, крохотное существо, внезапно превратившееся в монстра, разрушающего организм человека, стало трамплином, подбросившим меня ввысь. Оно сделало своё дело и исчезло, оставив меня тем, что я есть сейчас.

Те двое пытались синтезировать вакцину, но я сразу понял, что это путь в тупик. Слабенькое оборудование, нехватка реактивов и, главное, времени. Я их просто презирал! Меня бесил один факт их существования. Я завидовал их уверенности, силе — тому, чего было так мало во мне. И в то же время я сознавал превосходство своего интеллекта. И ещё был страх! Им тоже было страшно, но они нацепили маски дурацкого человеческого достоинства, и это пробудило во мне ненависть.

А. К. надолго замолчал. Из-под потолка доносились странные булькающие звуки.

— Видите, я говорю вам такие вещи, в которых не признаются даже себе. Это лишний раз доказывает, что я выше тысячелетних условностей.

— Но... это же были близкие вам люди. Ваши друзья...

— Дружба — обратная сторона неуверенности. Сильному она не нужна.

Жуков откинулся на спинку кресла и на несколько мгновений отключился от объяснений человека-кибера. Ему вдруг вспомнились первые экспедиции, друзья по радостям и несчастьям. Пашка Иванов, выгашивший его, ослеплённого, обгоревшего из раскалённого лабиринта на Промаксе, Олаф — белокурый гигант, погибший на Бергони, но так и не пропустивший колонну чудовищных странствующих муравьёв к посёлку... Никто не знал таких слов, как зависть и ненависть. Одни были сильнее, другие — слабее. Это естественно. Как же иначе?

На этой унылой планете Жуков оказался один, но он знал, что быть одному — не значит быть в одиночестве.

— Сама экспедиция внушала мне отвращение, — бубнил А. К. — Век космического освоения! Слова, бред! Сверхдержавы и крохотные княжества бросились делить Вселенную, рвать её, столбить, забивать боевыми звёздолётами.

— Было и такое, — ответил Жуков. — Было. Но большинство выходило в космос строить и осваивать. Старое цеплялось за звёздные крейсеры именно потому, что чувствовало приход нового.

— Слова! Всё слова. Что понадобилось моей вечно голодающей малютке стране в чужих мирах? Господство! Пылинка, но своя!

Инспектору стало жалко этого полуробота-получеловека. Зверь жесток, потому что он зверь, но человек, в зависти своей вытравивший из себя всё человеческое...

— И вы решили исправить «несправедливость». Сотворить себя таким, каким представлялось в ваших мечтах, — почему Жуков сказал именно это, он бы и сам не смог объяснить. Он подсознательно чувствовал, куда надо вести разговор. Каждая исповедь А. К. обнажала его слабые места.

— Вы поняли? Я недооценил вас... Разум, в котором каждый атом Вселенной является его частью, — вот истинное имя бога! Хотите, назовите его природой. В раздражении человек бьёт чашки, бог — размётывает в пыль галактики со всеми их никчёмными обитателями и их ещё более никчёмными страстями.

Я был хорошим компьютерщиком. Очень хорошим. Были идеи, не было признания и славы. Годы, долгие годы я работал над системой синтеза человека и машины. Переносил в неё частицы своего сознания и возвращал их обратно. Для решающего шага не хватало духу: я знал, что обратно уже не вернусь. И вот — вирус... Другого выхода не было. Спасение для одного, но не всех. Умерло моё тело, разум и идеи получили новое воплощение. Те двое погибли на моих глазах, считая, что я тоже мёртв.

Инспектор напрягся. Он понял, что А. К. почти перешёл рубеж, и упустить его сейчас — значит развязать руки необузданному человеческому честолюбию, вооружённому машинной жестокостью. Жукову было страшно подумать, что может произойти, исполнятся мечты А. К. хоть на тысячную долю процента.

— Что же вам надо от меня, — инспектор тянул время, в уме перебирая возможности нейтрализации космического диктатора. Он чуть приподнял руку, но упругая нить тут же перехватила её и прижала к подлокотнику.

— От вас мне надо немного. Я, как вы понимаете, не собираюсь останавливаться на уровне станционного компьютера. Оглянитесь! Примитив! Пока примитив.

Я постоянно совершенствую себя. Уже вся территория пустыни — единый живой мыслящий организм. На первом этапе мной должна стать вся планета. Или я ею. Как вам больше нравится? Каждая песчинка — ячейка моего тела, каждое дерево — нервное окончание, атмосфера — кожа...

«Что же делать, — размышлял Жуков, рассеянно слушая план завоевания Вселенной. — Где слабое место этого осколка прошлого?»

Излучатель поблёскивал на столе, близкий, но недосягаемый.

— После планеты я дотянусь до звёзд, пространства, галактики. Но... — А. К. на мгновение умолк. — Для всего этого требуется такой пустяк, как...

— Энергия, — договорил за «бога» инспектор.

— Верно. Я открыл её неисчерпаемый источник, но любому недоучке известно: чтобы получить энергию, надо сперва затратить часть на её получение. Резерв же станции почти исчерпан.

«Проблема решается, — от напряжения на лбу инспектора выступили капельки пота. — У любой задачи имеется решение».

— Ваш звездолёт появился очень кстати. Как видите, пригодился и аварийный маяк... Я воспользуюсь энергией корабля, чтобы открыть себе путь в вечность.

«Стоп! Что фактически представляет собой А. К.? Именно что-то среднее: уже не человек, но ещё и не до конца компьютер. Грань! Должна быть грань, которая с годами окончательно исчезнет. Платье рвётся по шву...»

— Энергоблоки «Альбатроса» вы могли снять и без моей помощи. Зачем вам всё же я? — сказал Жуков лишь для того, чтобы что-то сказать. Крохотная зацепка бродила где-то в лабиринтах памяти.

Голос А. К. приобрёл оттенок покровительности:

— Я хочу предложить вам чудесную возможность вырваться из стада и возвыситься.

— То, что вы назвали стадом, на человеческом языке называется обществом, на благо которого я и работаю. Вы предали своих товарищей и предлагаете мне тоже стать предателем.

А. К. замолчал. Ромашка на дисплее задрожала и рассыпалась. Наконец кибернетик проговорил:

— Не заставляйте меня раскаиваться в том, что я вас не уничтожил ещё у звездолёта!

«А ведь он сердится! — с удивлением отметил Жуков. — Значит, всё-таки А. К. не до конца утратил способность переживать. Может, это и есть та грань, которая отделяет человека и машину?»

— Грубостью своей вы чуть было не закрыли себе путь к власти над Вселенной! — продолжил А. К. уже более миролюбиво. — Я сделаю вас бессмертными. Я переведу ваше сознание в машину, очищу его от всего, что мешает развитию. Вы станете тем, кому служат владыки!

— Вам-то какая выгода от этого? — нарочито грубо спросил инспектор.

— Дело в том, что информация, накапливающаяся во мне, требует разрядки. Как бы вам это доступно объяснить?.. Системы мои несколько нестабильны, нужна накладка биополей слабого постороннего разума. Переходя опять к аналогиям, мне иногда требуется собеседник, не являющийся частью меня самого.

«Ого! — подумал Жуков. — Кажется, тепло!» Инспектор решил проверить блеснувшую догадку:

— Короче, — громко сказал он. — Вам срочно потребовался друг. Богам, оказывается, тоже бывает одиноко...

Рубка сотряслась от рёва. На экране засверкали рубиновые пунктиры. Жуков оторвал руку от подлокотника и пошевелил пальцами. Фиолетовые нити выскочили с запозданием в несколько секунд...

— Я не нуждаюсь в друзьях! Не путайте понятия дружбы и рабства. Божественная власть не делится. От вас требуется лишь преклонение.

«Как его разобрало, — облегчённо подумал Жуков. — Значит, всё правильно. Что такое эмоции с позиции человека? Переживания, способные иногда отключить волю и психологические тормоза. А с позиции вычислительной машины? Наводки, помехи, несмодулированные сигналы или ошибки в программе, сбивающие компьютер с заданного ритма работы! Не поэтому ли А. К. стремится любой ценой подавить их, понимая, что рано или поздно они приведут его системы к полному дисбалансу?»

— Представьте: вы можете повернуть или даже остановить развитие любого мира! Возможность карать и награждать в масштабах Вселенной...

«Когда у человека начинает говорить совесть или его мучает стыд, у А. К. не срабатывают логические цепи. Рыдания, бульканье, провалы в речи, срывы изображения на экранах возникают только в таких ситуациях. Системы компьютера борются с возникающими в них сбоями, и в это время реакция на окружающую среду запаздывает».

— А если я не соглашусь? — спросил инспектор, оттягивая время.

— Ваше согласие и не требуется, — хмыкнул А. К. — Я мог бы проделать все операции ещё тогда, когда усыпил вас. Просто фактор добровольности — стабилизирующий фактор, а это для меня весьма ценно.

«Сумасшедший? А может, просто несчастный, которого кризис старого общества загнал в тупик, волей случая оказавшийся электронной вычислительной машиной? Что же делать? Уничтожить? Ведь в нём всё же осталось что-то человеческое...»

— Вы растворитесь в моем могуществе, станете пылинкой, но в то же время неизмеримо огромной...

«Выхода нет, — решил, наконец, инспектор. — Какое же чувство наиболее доступно А. К.? Что осталось в его машинной душе? Жалость?»

Любовь? А может, чувство вины? Вины перед теми, кто умер у него на глазах?»

— Мне вас жалко, — сказал Жуков громко и отчётливо. — Какой вы бог? Вы — предатель, продавший товарищей, человечество, Землю. Вы — хитрец, забившийся в машину, чтобы выжить, и смотревший отсюда на страдания людей, живших с вами бок о бок долгие годы. Всеми вашими действиями руководила трусость, а идея величия — лишь способ оправдать себя перед своей же совестью. Вы пытаетесь заставить свои чувства замолчать, потому что они не дают вам спокойно жить, потому что знаете, что могли помочь «тем двоим» победить вирус. Однако вам нравилось, что выход есть только для одного, что они погибнут, а вы, который вечно на вторых ролях, выживете. Хитрец! Подлый, трусливый хитрец!

Жуков выдохнул последние слова и метнулся к столу. В прыжке он схватил излучатель и, уже падая, почувствовал, как его оплетают фиолетовые нити. Собрав остатки сил, он повернулся и выстрелил в распределительный щиток энергоблока. Тонкий белый луч, оранжевые лепестки огненного цветка...

Темнота.

Жуков очнулся от нестерпимой боли в ноге. Он лежал на полу, уткнувшись лицом в пластиковое кресло. С потолка и стен свисали вытянувшиеся почерневшие нити. Скупой свет аварийного автономного светильника с трудом пробивался сквозь облака гари. Пульс управления безжизнен и тёмн. Тлела обшивка стен.

Инспектор, скрипнув зубами, повернулся на спину. В бедре, распоров ткань комбинезона, засел треугольный стальной осколок. Жуков выдернул его, и из раны побежала кровь.

Инспектор сосредоточился. Струйка истончилась, и рана начала затягиваться. Вскоре на её месте розовел тонкий и длинный шрам. Сколько таких было на теле Жукова...

Он поднялся и, чуть прихрамывая, подошёл к компьютеру. Смахнув осколки стекла, он приподнял панель и вытащил блок памяти. Небольшой, но страшно тяжёлый кубик вмещал сознание А. К. Хорошее и плохое — всё, с чем он пришёл к своему предательству, разместились в неисчислимых ячейках.

Жуков выбрался из горячей станции и пошёл к звездолёту. Вставало солнце, громадное, жемчужно-розовое. В его лучах равнина преобразилась.

«А что? Симпатичная планетка, — сам себе сказал инспектор. — Живи и радуйся».

Он взвалил блок памяти на плечо и подумал, что сознание А. К. можно «почистить», перевести в новое синтезированное тело и... Может быть, и для него не всё потеряно?

Художник Владимир НЕВОЛИН

Александр КЛИМОВ,

Игорь БЕЛОГРУД

Продавец попугаев

Рассказ

Февраль прохватывал морозцем и бросал на город пригоршни сухого колючего снега.

Птичий рынок, укутанный сугробами, продуваемый метелью, курился дымками и зазывал криками продавцов. Походные примусы, спиртовки шипели, как проколотые шины, а вокруг них, выставив вперёд руки цвета варёной колбасы, толпились заиндевелье дядьки в разномастных овчинных тулупах. Сизые носы простуженно втягивали воздух, в усах блестел водяной бисер.

У дверей магазина «Рыболов-спортсмен» молоденький милиционер, в скрипящей португее, отчитывал подпольного торговца поплавками. Старик-поплавочник сгибался, поминутно стаскивая с головы облезлый собачий треух.

Никита Николаевич обогнул шумную компанию рыночных завсегда-таев, споривших о каком-то загадочном «розеншницеле», и уткнулся в одинокого продавца экзотических рыбок.

Аквариум примёрз к лотку, косячок меченосцев, вдавшив в летаргический сон, алыми ромбиками повис у дна. Продавец-садист хрустел яблоком и читал газету. Иногда он отвлекался от событий дня и толстым негнушимся пальцем проламывал ледок, затягивающий поверхность воды. Завидев потенциального клиента, он выплюнул косточку и прохрипел:

— Мужик! Купи рыбок. Хороший подарок детям.

Никита Николаевич крепче прижал фугляр со скрипкой к груди и прибавил шаг. Детей у него не было. Он вообще не понимал, зачем завернул на заснеженный Птичий рынок. Он просто шёл домой с субботней репетиции, в кармане лежала честно заработанная зарплата. Спешить было некуда, в голове носились обрывки мелодий, напоминавших, что, несмотря ни на что, жизнь прекрасна и свежа, как ядрёный февральский день. Тут-то и подвернулся весёлый, суматошный рынок.

С полчаса походив между засыпанными снежной крупой прилавками, Никита Николаевич почувствовал, что замёрз. Шапка-пирожок не грела, металлическая оправка очков покрылась инеем и холодила переносицу. Ноги, не

спрашивая разрешения, сами двинулись к выходу. Продавцы суставчатых рубиновых мотылей стрельнули в скрипача наметанным взглядом и отвернулись, выскивая в толпе толстых рыболовов-зимников с ящиками на плечах.

У облупившихся некогда зелёных ворот собралась внушительная толпа зевак. Откуда-то из её дышащих паром недр неслись истошные вопли: «Дурак! Дуррр-р-рак!!!»

Повинуясь любопытству, Никита Николаевич пробрался через лес нейлоновых и драповых спин и оказался на крохотном пятачке истоптанного раскисшего снега. Посреди него, поставив ногу на древний фибровый чемоданчик, стоял высокий небритый мужчина в белом свитере и телогрейке. Кроличья шапка, лишённая подвязок, трамплинами откинула свои ослиные уши. В правой руке мужчина держал дымящуюся папиросу, а на вытянутой левой у него сидел огромный белоснежный попугай с хохолком и в красных штанах. Птица, раскрыв страшный изогнутый клюв, откидывала голову назад и, напирая на букву «р», орала:

— Дурррр-р-рак! Попка — дурррак!

Зеваки смеялись, им было очень весело. Задние ряды нажимали и вытягивали шеи.

— Спокойно, товарищи! Без ажиотажа! — сдерживал натиск мужчина в телогрейке. — Раздавите!

Попугай вдруг прекратил ругаться и отчётливо сказал:

— Ррр-р-разойдись! А то гранату брошу!

Гул и смех мгновенно стихли. Воспользовавшись паузой, мужчина закричал:

— Граждане! Купите попугая! Уникальная птица. Разговаривает на шести языках! Яша, изобрази!

Яша кивнул хохолком и резко защебетал по-немецки. Затем он сходу перескочил на французский, прошёлся по каким-то древним мёртвым языкам и закончил монолог бодрым «О'кей» и подмаргиванием правым глазом. Зеваки были покорены, они явно не владели иностранными языками.

— Сколько просишь? — послышалось из толпы. Продавец назвал цифру, и любители говорящих попугаев загрузили.

— А что он ещё умеет? — спросила кругленькая женщина в лохматой афганской дублёнке, стоявшая в первом ряду под руку с солидным лоснящимся мужчиной.

— Всё, что угодно! — дерзко ответил владелец чудо-птицы. — Угадывает мысли, предсказывает будущее, даёт советы...

— Ой! — вскрикнула дама. — Пусть он тогда предскажет, когда моему мужу зарплату прибавят. А то уже год обещают.

Попугай Яша поднял крыло, добываясь тишины, пристально посмотрел на внезапно покрасневшего мужа и замогильным голосом изрёк:

— Сударыня! Вашему супругу уже шесть месяцев как увеличили оклад.

Лицо сударыни закаменело. Она крепко взяла мужа за локоть и повела к выходу. Толпа расступилась. Яша привстал на цыпочки, провожая долгим

грустным взглядом женщину, узнавшую будущее, и её половину. Народ, посмотрев на попугая-ясновидца с опаской, начал потихоньку расходиться.

— Эх, Яша! — сокрушённо пробормотал продавец, и попугай виновато развёл крыльями. — Музыкант, может ты купишь? Он у меня и в нотах разбирается!

«Куплю!» — вдруг подумал Никита Николаевич и полез за деньгами.

— Вам как: так или в газетку завернуть? — сразу засуетился продавец. Уши его лихой шапки покачивались часто и радостно.

— А он того — не замёрзнет? — робко спросил скрипач, принимая завёрнутую в «вечёрку» птицу. Страница с программой телевидения лопнула, и из трещины выглядывал чёрный любопытный глаз.

— Не замёрзнет, привычный. Двести лет на севере живёт, — успокоил продавец, сунув деньги в карман и, подхватив чемоданчик, быстро заскользил к дверям рыночной забегаловки.



Рис. И. Гончарука

С того памятного февральского дня размеренная жизнь Никиты Николаевича рухнула. Его тихая холостяцкая квартирка наполнилась хлопаньем крыльев, выкриками на живых и мёртвых языках, предсказаниями буду-

щего и чтением мыслей. Яшка прочно вписался в интерьер, захватив в безраздельное владение фальшивую хрустальную люстру и верхние этажи книжных полок.

Через месяц музыкант уже не мог представить, как это он умудрился двадцать лет прожить в трясине тихого одиночества. Ему начало казаться, что попугай жил в его квартире всегда. Птица, хоть и страдала многословием, была прекрасным собеседником и заставила Никиту Николаевича навсегда забыть скуку серых тягучих вечеров.

Иногда они вместе сочиняли музыку. Музыкант наигрывал на рояле, а Яшка, зажав в клюве фломастер, наносил на нотный стан длинные вереницы червячков.

К Никите Николаевичу зачастили гости. У него вдруг объявилась масса друзей детства, однокашников, дальних родственников и почитательниц таланта.

Яша открывал гостям будущее, развлекал анекдотами, а иногда, устав от шумихи или обидевшись на какого-нибудь дурака-родственника, забирался на люстру и на все попытки вытащить его оттуда отругивался по-гречески.

Теперь в доме часто звучал смех, шуршанье вечерних платьев, звон посуды... Никита Николаевич преобразился. Он приобрёл уверенность и как-то с удивлением обнаружил, что равнодушен к одной из почитательниц.

И вдруг всё кончилось. Веселье, шум, запах духов — всё исчезло в одно мгновение, будто перегорели пробки.

Яшка, весь день просидевший на люстре, спустился на пол, подошёл к хозяину, сказал «О'кей» и умер. Умер сразу, без конвульсий. Даже белые веки не успели затянуть стеклянные бусины глаз.

И сразу навалилось одиночество, серое, пыльное, мягкое, но с крепкими когтями и бездонной пастью. Исчезли, словно растаяли в воздухе, друзья-приведения и любвеобильные дамы-миражи. Стало горько и стыдно от сознания, что и нужен-то им был вовсе не Никита Николаевич, а его уникальный попугай, вокруг которого так модно вращаться.

Музыкант загрузил, стал забывать бриться и чистить шляпу. Его перевели в третьи скрипки, но он, казалось, этого даже не заметил. Злые языки утверждали, что он начал прикладываться к рюмочке, но это, конечно, было неправдой.

На Птичьем рынке он дежурил все выходные напролёт. Его узнавали. Весёлые продавцы мотыля звали его «скрыпачом» и приглашали в долгу. Никита Николаевич рассеяно смотрел и нехотя отвечал по-гречески. Он прекрасно понимал, что чудо-попугаи не вылупляются сотнями, как в инкубаторе, но ничего с собой поделывать не мог и продолжал упорно ходить на Птичий рынок. Но мужчина в свитере и телогрейке не появлялся. Иногда Никите Николаевичу казалось, что его и не было никогда, а раз не было, то и ждать вроде бы нечего, а то он начинал узнавать его в каждом встречном.

Вечерами, возвратившись в пустую и тёмную квартиру, музыкант первым делом подходил к холодильнику и доставал из морозилки покрытую

иголками иная коробку. Под пластиковой помутневшей крышкой угадывались очертания Яшки.

Никита Николаевич никогда не открывал коробку, но каждой своей клеточкой чувствовал, как слиплись и заледенели пёрышки, окаменело худое тельце. Подержав коробку в руках, он нерешительно клал её на место и тихо закрывал дверь. Гасла жёлтая лампочка, и кухня погружалась в темноту.

Каждый день Никита Николаевич давал себе слово похоронить Яшу, и каждый день откладывал. Похоронить близкое существо в одиночку — трудное испытание. Это музыкант познал на себе.

Так прошёл месяц. Отмороженные ноги, кашель, едкий папиросный дым, ругань и насмешки слились в безысходность. А может — в летаргический сон, когда единственной бодрствующей извилиной понимаешь, что и не живёшь вовсе, стараешься проснуться, но не можешь вырваться из липкого забытья.

Но настал день, и Никита Николаевич встретил продавца птиц.

Музыкант, как всегда, дежурил у старых облупившихся ворот. Был снова февраль, взбивавший своєю метлой стаи голубых снежинок. Торговый день не задался, и редкие продавцы-полярники сворачивались, группируясь по интересам.

Дверь рыночной блинной хлопала, выбрасывая облака сытного тумана и довольных отобедавших посетителей. Желудок музыканта болезненно сократился. В нём стало гулко и холодно, как в подвале. Никита Николаевич стряхнул с себя снег и пошёл к дверям.

Натопленная уютная блинная встретила его табачным облаком, в котором, как изюм в манной каше, увязали простуженные голоса завсегдатаев.

— Скрыпач! — послышалось со всех сторон. — Загни чего-нибудь по-грецки. Шнобель-то отморозил! Варешкой разотри, а то к утру как баклажан станет. К нам подходи, мигом согреем...

Никита Николаевич рассеянно кивал, стараясь пробраться к стойке. В общем-то лотошники относились к нему с симпатией, справедливо полагая, что без чудак мир станет тусклым и неинтересным.

Голоса затихли, переключившись на «вуалехвостов», щеглов и какого-то Ивана Загоруйко, умудрившегося всучить покупателю лайку вместо карликового шпица.

У румяной буфетчицы Кати Никита Николаевич получил тарелочку со стопкой дымящихся оладий, пробился через никотиновую завесу к окну и лоб в лоб столкнулся с продавцом птиц.

— Здравствуйте... — выдавил он. — А я вас искал.

— Зачем? — буркнул мужчина, настороженно оглядывая помятую фигуру Никиты Николаевича.

Торговец попугаями стоял, прислонившись к стене. Его правая нога удобно опиралась на знакомый фибровый чемоданчик. За год белый свитер превратился в серый, а скатавшаяся шерсть неопрятными шариками повисла на локтях и груди. На столе громоздилась пирамида опустошённых тарелочек.

— Да вот... попугая я у вас год назад купил. Умер он.

— Ну а я тут при чём? — строго спросил продавец.

Никита Николаевич открыл было рот, но осёкся, поразившись обиденности мысли. Действительно, причём тут этот небритый мужчина? Чем он мог ему помочь? И Яшка-то к нему, наверно, попал случайно. Может, даже ворованный он...

— Ну а я тут при чём?! — уже с угрозой повторил свой вопрос продавец.

— Сдружились мы... Без Яшки я словно осиротел, — как-то по-детски пожаловался Никита Николаевич. И вдруг его будто прорвало. Сначала смущаясь, а потом от горя набравшись решимости, он высказал всё, что накопилось в его душе.

Взгляд продавца сначала оттаял, потом сделался затравленным и жалким, как у пса, во время игры укусившего своего хозяина.

— Ох и сволочь же я! Подлец! — выдохнул он шёпотом и ударил себя кулаком в грудь. — Скольким людям жизнь искалечил!..

— Что вы! Вы же не виноваты, — подал голос Никита Николаевич.

— Что ты понимаешь, очкарик! — крикнул мужчина и снова ударил себя кулаком. — Виноватее некуда! Ведь знал же, что больше года они не живут, и всё равно продавал!

Наконец он успокоился, оперся взглядом в пирамиду тарелок.

— Я сознаю, что моя просьба абсурдна, — пролепетал Никита Николаевич, не понимая, что происходит. — Но... может быть у вас есть ещё один такой попугай? Я бы его купил. За любую цену.

Мужчина поднял голову и как-то странно посмотрел на музыканта:

— Попугая? Да грош цена всем моим попугаям! Впрочем...

Он нагнулся, подхватил свой выдавший виды чемоданчик и с размаху бросил его на подоконник. В фибровых недрах что-то лязгнуло и зазвенело. Продавец щёлкнул замками, откинул крышку и сказал:

— Если подойдёт — бери! Даром отдаю! Может, хоть на душе полегчает.

Никита Николаевич склонился над чемоданом и ахнул. Между ручной дрелью и обрезком ржавой трубы, вперемежку с гаечными и разводными ключами, лежал, поджав лапки, роскошный красно-синий попугай.

— Ой! — сказал Никита Николаевич и уронил стакан с томатным соком.

Попугай стряхнул с себя напильник, оттолкнул крылом водопроводный кран и, поднявшись во весь свой прекрасный рост, перелетел на стол.

— Привет! — деловито сказал он и оторвал загнутым клювом кусок олады.

— Всё умеет: шесть языков, предсказания будущего, советы... — устало проговорил мужчина и махнул рукой. — Хочешь — бери, только заранее предупреждаю: цена всему этому — тьфу!

Он взял попугая за голову и повернул. Раздался хруст. Никита Николаевич невольно закрыл глаза, а когда вновь открыл, увидел, что птица без

признаков жизни лежит на заляпанном соком столе. Пёрышки под крылом разъехались, как на застёжке-молнии, и в отверстии виднелась... путаница проводов, радиодеталей, каких-то пружинок и зубчатых колёсиков.

Со стороны могло показаться, что музыкант окаменел. Несколько раз он пытался что-то сказать, но язык, вдруг сделавшись сухим и тяжёлым, отказывался служить. Наконец, приложив фантастические усилия, он выдавил:

— Яша... он тоже?

— Тоже, — сокрушённо вздохнул продавец и снова ударил себя в грудь.

— Как же это вы?

— Да вот так. Жизнь не удалась. С детства мечтал быть изобретателем или учёным знаменитым, а судьба, она хвостом — да по губам. Восьмилетку не закончил, закрутила нелёгкая... А когда начал понимать, что к чему, было уже поздно. И с семьёй не повезло: женщины все какие-то жадные, ненасытные попадались: неси, тащи, мало, давай!.. Может, и сам виноват, таких выбирал. Как попугаев — чем разноцветнее, тем лучше. А фортуна снова штурвал крутанула, да так, что вылетел я к чёрту с корабля. Об этом лучше не вспоминать.

Мужчина замолчал, а рука его продолжала комкать белую бумажную салфетку. И столько смысла было в этом молчании, что Никита Николаевич ужаснулся: таким маленьким и незначительным показалось ему собственное горе. А может, и не маленьким. Просто — люди все разные, и несчастны они тоже по-разному.

— Ну а дальше? — тихо спросил он, нутром чуя, что утешение в данном случае болезненно, как прикосновение к оголённой ране.

— Дальше? — мужчина очнулся. — А дальше — жизнь на колёсах. То там, то здесь. Места разные, а везде одинаково: своего-то не отыскал. Наконец осел здесь. Слесарем-водопроводчиком работаю в институте одном. Занимаются там кибернетическими устройствами. Хозяйство у них большое: в автоклавах пластиковые оболочки растут, в синтезаторах кипятят искусственные мозги. Служба точной механики — такого и у часовщика не увидишь! А я — водопроводчиком в ночную смену: краны, трубы, ржавчина, грязь... И до того мне обидно стало! Представь, у них даже кабинет есть: «Психодиагностика РОБОТОВ!» А мне в душу кто-нибудь заглянул? Может, я не для разводных ключей родился! Чем я хуже ихних болванов железных, которые и руками-то с трудом двигают?

В общем, заело меня. Ну, думаю, покажу вам, друзья-учёные, что и мы не лыком шиты. Ночью с кранами опостылевшими побыстрее расправлюсь, и по лабораториям. Там — винтик, тут — схемку, с автоклавами дружбу свёл. Словом, сделал я мышонка кибернетического: говорит, фокусы показывает. Уж как собрал — не скажу, сам толком не знаю. Просто я такие вещи сердцем чувствую. Руки делают, а мозг не поспекает. Знаю, что надо так вот и так, а хоть убей — не смогу объяснить, почему.

Показал я мышонка одному научному начальнику, а тот надулся, как помидор, и хлоп! — выговор за использование казённых материалов в личных целях...

Продавец грохнул кулаком по столу, и тельце электронного попугая безвольно подпрыгнуло.

— И тогда вы взялись за попугаев, — подсказал Никита Николаевич.

— Да, — отозвался мастер, и глаза его помутнели. — Стало мне всё равно: нет славы — и не надо. Хоть жить получше буду, в материальном смысле. Много я Гришек да Яшек продал, пока не понял, что своими руками людей душу. Шёл как-то по улице и увидел, как бабка над котом, под машину попавшим, убивается. И словно обухом меня ударило: у меня-то не коты бессловесные! У меня попугаи все разные получаются у каждого свой характер! Хорошо, когда их просто так берут, с жиру бесятся. А если как ты?.. А они больше года не живут, батарейки садятся.

Продавец достал из кармана горсть крошечных батареек-таблеток от часов «Электроника» и высыпал на стол. Они горохом запрыгали между стаканами, и, покрутившись, замерли.

— И дел-то всех: из-под крылышка старую вынуть да новую в гнездо поставить! Но покупателю ведь не будешь объяснять, что внутри у его покупки! Не скажешь ему: «Если птичка помрёт, ты её в мусоропровод бросать не спеши, синтетическая она, не протухнет. Лучше в магазин сгоняй, батарейку купи».

Мужчина замолчал, а музыкант вдруг недоуменно спросил:

— Пойдите! Так Яшка у меня семечки ел! И овёс, и пшено...

— И водичку, наверно, пил? — грустно усмехнулся продавец птиц. — У него внутри жерновочки такие специальные установлены. Пищу в муку перетрут, водичкой sprysнут — и туда, вниз. Ты ведь анализы у него не брал?

Никита Николаевич смотрел на мастера, как кролик на удава, а тот затягивался едким дымом и нервно постукивал пальцами по липкому столу. Наконец он тяжело вздохнул, подхватил попугая за голову и лёгким движением вернул его к жизни. Рана-щель затянулась, мягкий пластиковый пух прикрыл рубец и шикарная птица, блеснув чёрными стекляшками глаз, сказала:

— Бонжур!

Никита Николаевич с грустью подумал, что его Яшка сказал бы «О'кей» и ещё, наверно, прошёл бы насчёт его внешности. И вдруг он понял, что ему вовсе не хочется иметь этого роскошного сине-красного попугая, будь он хоть в тысячу раз умнее скромного Яшки.

— Понятно. Я так и знал, — по-своему истолковал молчание музыканта мастер. — Конечно, кому в голову придёт дружить с электрической игрушкой? Я это давно понял.

Он снова раскрыл свой гремящий чемоданчик, скомандовал: «Птица, на место!», и попугай, шумно сорвавшись со стола, исчез в потрёпанных фибровых недрах.

— Ну, ладно. Я пошёл, — сказал водопроводчик и протянул чёрную мозолистую руку. — Ты уж извини... Понадоблюсь, здесь найдёшь.

Он рванул на себя дверь и растворился в февральской метели.

— Не удалась жизнь! — донеслось до Никиты Николаевича откуда-то из глубины снежного хоровода.

Дверь помедлила и с грохотом захлопнулась. Музыкант повернулся к столу и туло уставился на серебристую россыпь батареек, забытых мастером.

А через полчаса прохожие могли наблюдать странного человека, без шапки бежавшего по улице. Он что-то сжимал в кулаке и бормотал себе под нос:

— Ни черта ты не понял, мастер!..



СЕЛЬВА

Арвин Най

Скорпион ухватил клешней голенище сапога, лениво взмахнул колючкой и нараспев произнёс:

— Вечерним сумеркам приятен чайной розы аромат. Здравствуйте!
Почешите мне за ушами.

По дублёной коже сапога побежала янтарная маслянистая капелька яда.

Скорпион крупный, размером с кошку или комнатную собачонку. Под бурым просвечивающим панцирем угадывается бьющаяся спираль мозга. А может, это и не мозг вовсе, а что-нибудь другое. Например, желудок. Просто охотники и лесорубы так решили: спираль — мозг, и баста! А учёных на Ферре нет. Какой дурак сюда по доброй воле сунется?

— Восход встречает нас косою смерти острой, — ноет скорпион и снова тычет в голенище загнутым острым жалом. — Почешите мне за ушами!

Никаких ушей у него, конечно, нет. Как говорит и зачем — тоже не понятно. Но хорош! За такого красавца перекупщики отвалят монет десять, а то и двенадцать. На Эсте они в большой моде. Дамочки от них без ума: «Ах! Посмотри, дорогая! Это говорящий скорпион с Ферры! Муж купил его за бешеные деньги, но я не жалею. Он очень милый. Мы зовём его Пуппи!..»

Десять монет, конечно, жалко, но ничего не поделаешь. Не тащить же его с собой.

Достаю тесак и рассекаю скорпиона пополам. Хвост падает в траву и начинает дёргаться, стреляя фонтанчиками яда. Клешня ещё долго волочится за сапогом, пока идущий сзади капрал не наступает на неё.

Поляна заканчивается, и мы вновь углубляемся в джунгли. Сельва, как всегда, встречает безмолвием, влажным удушливым мраком и огромными стаями летающих клещей. Пиявки тысячами вылезают из трясин и чёрных пузырящихся луж.

Откуда-то из болот разносится жуткий протяжный вой. Я останавливаюсь, и капрал, налетев на меня, бьёт в спину дулом огнемёта. Но мне не больно. Мне страшно. Так страшно, что начинает кружиться голова. Ужас — мой вечный спутник. А может — друг? Наверное, только благодаря ему я ещё и жив. Странно... Он не даёт мне погибнуть и в то же время душит меня, как живая лиана — медленно, но неотвратимо.

В посёлке меня называют счастливым, железным парнем, и никто не догадывается, что я пропитан страхом, как губка водой.

Никому не признался бы в этом, но себя обманывать глупо. И так кругом слишком много лжи.

Опять этот вой! Что там, в дымящейся трясине? Что-то новое? Родившееся вчера или секунду назад?

Надо идти, но ноги мои деревенеют. Руки мёртвой хваткой сжимают тёплую и влажную сталь автомата. Я ощущаю опасность кожей, каждым волоском, и чувство это настолько велико, что хочется бросить всё: экспедицию, деньги и даже бессмертие — и бежать, бежать! Забиться в дупло, зарыться в землю... Но и это не поможет.

Кто-то хлопает меня по плечу. Это капрал.

— Что остановился, герой? — шипит он мне в лицо. Его глаза — жёлтые, с красными прожилками оказываются прямо против моих. — Испугался, проводник? Струсил?

Страх уже отпустил. Разворачиваюсь и бью Пихру под ложечку. Бью спокойно, равнодушно, но достаточно сильно.

Капрал, как куль с трухой, валится в хлюпающую грязь. Лицо его синее, рот судорожно открывается и закрывается.

Между нами, словно из-под земли, вырастает ботаник. В огромном кулачище зажат тесак.

— Тихо, вы, петухи! — кричит он. Шея багровеет, раздувается, налезает на воротник. — Нашли, где счёты сводить!

Лаборантка Келин Квинн опускается на землю. Она устала, и ей на всё наплевать. Биолог словно проснулся. Он ничего не понимает и лишь трёт носовым платком стекляшки очков. Лохматый узкоглазый Вако улыбается и ковыряет в ухе. Он всегда улыбается, когда назревает драка.

— Арвин! — сипит ботаник, как прохудившаяся крышка. — Брось свои штучки, а то пожалеешь! Пока я начальник экспедиции...

Я ухмыляюсь и отворачиваюсь.

Куда они без меня? Без Арвина Ная они — покойники! Сельва шутить не любит. Молиться на мой страх должны!

Капрал поднимается. В груди у него что-то булькает и клоочет. Глаза побелели от злости.

Нет, лично против него я ничего не имею. Мне нет дела до Пихры, как и до всего экспедиционного корпуса. А что взбучку получил — сам виноват: нечего угадывать то, в чём человек может признаться лишь самому себе. Да и то не всегда.

— Ну ничего, это тебе зачтётся, — хрипит Пихра.

Врёт! Пока мы в сельве, он меня и пальцем не тронет! Сзади раздаётся уханье и повизгивание. Трудно поверить, но это смех! Вако веселится, тыча пальцем в заляпанное грязью лицо капрала. Он слабоумный, и у него свои понятия о юморе.

Келин начинает плакать. Голова её дёргается, плечи трясутся.

Сумасшедший дом.

И вдруг из болот снова доносится тот жуткий вой. Стена кустарника колышется, взметая облака жёлтой цветочной пыльцы.

Капрал Пихра

Стена кустарника колышется, взметая облака жёлтой цветочной пыльцы.

Стараюсь не дышать, но она, как живая, заползает в лёгкие, режет глаза. У носильщика горлом идёт кровь.

Мне тоже не легче. Кажется, что в грудной клетке поселился ёж, и он ворочается, ворочается, пытаюсь найти путь на свободу.

Но ничего! Скоро всё будет по-другому! Дерево вылечит мои больные лёгкие. Оно одно может помочь мне. И тогда — прощай, Ферра, мир гниющего леса и жёлтой ядовитой пыльцы. Я увижу моих малышей! И Марцию... Ведь они ждут меня. Пусть кто-нибудь посмеет сказать, что нет!

А из болота опять доносится рёв. Кустарник уже не шевелится, но нам всё равно чудится, что в нём прячется что-то большое и тёмное.

Най опять окаменел. Жаль, что с ним нельзя расправиться прямо сейчас. Без его нюха нам не выпутаться. Но он ещё своё получит; дай только до Дерева добраться!

Вако — слабоумный, в сапогах и рваной куртке на голое тело, тоже слышит рёв и сразу перестаёт смеяться, как будто в рот ему забили пробку. В посёлке кланялся мне в пояс, а тут надо же, осмелел! Смеётся! Не иначе, поддержку ботаника чувствует.

Ну что ж. И это припомним.

А Най всё стоит в параличе. Хорош проводник: с места не сдвинешь. Правда, везучий он, ничего не скажешь. Столько лет в сельве — и до сих пор жив! Но негодяй, конечно, как и все кругом.

— Ну что, идём? — спрашиваю, ни к кому в отдельности не обращаюсь. — Или так и будем до ночи стоять?

Проводник молчит, к чему-то прислушивается, а все смотрят ему в рот, словно оттуда того и гляди выскочит золотая монета.

Бунтарь! На Эсте участвовал в беспорядках, был отправлен на Ферру, чтобы воду не мутил, а туда же — пророка из себя корчит!

Ну, с этим пора кончать. Пока Най размышляет, джунгли прихлопнут нас и мокрого места не оставят.

Отталкиваю носильщика и выхожу вперёд. Арвин что-то кричит, но я не слушаю. Тоже не мальчик, знаю, что делать!

Поднимаю дуло огнемёта, открываю кран и щёлкаю разрядником.

Тонкая, ослепительно белая нитка вылетает из раструба и разрастается в бушующий огненный цветок. Наступаю на кусты, передвигая дуло слева направо. Шланги хлопают по бёдрам, ресницы скручиваются от нестерпимой жары. Оранжевый смерч гуляет по болоту, бенгальскими огнями разлетаются во все стороны горящие насекомые. Трясина закипает. В ней что-то ворочается, стонет, но, в конце концов, затихает.

Вот и всё. Только голова немного кружится, будто я охмелел от собственного могущества. И баллоны стали легче, но их содержимого ещё хватит, чтобы устроить не один такой фейерверк.

На месте кустов и болота — ровная площадка засохшей растрескавшейся грязи. Над сельвой тянется длинный язык гари. Запах такой, словно подожгли огромную кучу мусора. И чего было думать? Уничтожить — и дело с концом!

Все уставились на результаты моей работы, будто перед ними не какая-то выжженная яма, а, по крайней мере, россыпь изумрудов пополам с шевелящимися гадюками.

— Кретин! — бросает мне Арвин Най. Я кидаюсь на него, но кто-то мягко останавливает меня за руку. Это Буфи Илм.

— Напрасно вы это сделали, Пихра, — говорит он, стаскивая с носа очки и подслеповато глядя мне в лицо. — С сельвой нельзя так. Она не терпит грубости. Сейчас наступит реакция, и мы даже представить себе не можем, в чём она проявится. Я же объяснял вам: уничтожьте травинку, крохотный ли-

стик, и что-то неуловимо изменится вокруг вас! Вы же сожгли целую стену кустарника...

Умник! Порой мне невыносимо хочется схватить его за жиденькие волосы и стукнуть лбом о землю, чтобы, наконец, объяснить ему, где он находится. Богатому мальчику захотелось приключений, и он не успел оглянуться, как оказался на Ферре, по уши в грязи, со всяким сбродом в одной упряжке. Да ведь не поймёт...

Я ненавижу их — сытых, гладеньких. Биолога Илма, сочиняющего бредовые теории и не замечающего, сколько злости накопилось вокруг него, и Келин — куклу с пустыми глазами, и ботаника Браса, хотя он такой же ботаник, как я белошвейка. Они могут вернуться домой, на Эсту. Дерево для них — только путь к большим деньгам, славе, положению в обществе. Для меня же оно — единственная возможность вернуться к моим малышам. Вако, Най и носильщик — люди грубые, жестокие, но они так же, как и я, прикованы к Ферре спорами, превратившими их лёгкие в кровотокающий панцирь, не способный дышать чистым воздухом. Они — свои, как бы плохи они ни были.

А эти... Сделают свои деньги и улетят на Эсту, где нет ни болот, ни сельвы, ни жёлтой пылицы.

Но и я непрост! Я тоже улечу! Чего бы мне это ни стоило. Ползком, но доберусь до Дерева! Ведь на Эсте меня ждуг дети и Марция. И пусть кто-нибудь попробует сказать, что нет!

— Болото не обойти, — говорит Най, щёлкая затвором автомата.

Буфи Илм

— Болото не обойти, — говорит Най, щёлкая затвором автомата.

Арвину можно верить. Не знаю уж, чем это объясняется, но у него поразительно развито чувство опасности. И если он утверждает, что другой дороги нет, значит, так оно и есть.

Трогаемся вперёд, пуская в авангарде носильщика. Бедняга побелел от страха. Он что-то лопочет на жаргоне феррианских лесорубов, но от волнения проглатывает окончания, и разобрать, что он говорит, совершенно невозможно.

Чудовищный порядок — пускать вперёд носильщиков, проверяя на них опасные тропы. Пускай он наименее ценный член экспедиции, разве от этого ему меньше хочется жить? Сколько раз я пытался убедить Лена Браса, что такого понятия, как ценность, применительно к жизни человека просто не может существовать. Но Брас лишь кисло улыбался и разводил руками: «Так принято...» Страшные слова. Страшнее всех ужасов сельвы вместе взятых.

А может, под маской рационализма прячется элементарная трусость? Но тогда я — первый среди трусов, потому что мне тоже жалко своей жизни и я ничего не делаю, чтобы изменить этот варварский порядок.

Да и так ли кровожадна сельва? Ещё на Эсте, пытаясь изучать Ферру по документам, образцам и фотографиям, я догадался, что сельва — не просто бескрайние болотистые джунгли. Всё наводило на мысль, что это какая-то сложная сбалансированная система, в которой каждая травинка, листок,

мошка — на своём и только своём месте. Стоит им исчезнуть, и их тут же заменит что-то другое. Это может быть нечто совсем безобидное — новое дерево, необычный цветок, но в результате такой замены может появиться и говорящий скорпион, и живая цветочная пыльца, и лиана-удавка. Функциональная связь между травинкой и чудовищем не прослеживается, но это вовсе не значит, что её нет. Сельва латает раны, нанесённые человеком, и ей, конечно, виднее, как это сделать.

Человек же в джунглях — инородное тело, но настолько крохотное, что Ферра скорее всего и не подозревает о его существовании. Лиана-удавка не предназначена для ловли людей. У неё свои, не известные нам функции, правда, от этого она не становится менее опасной. Аборигены — частица сельвы, микроскопический её винтик, а разве машина станет разрушать деталь самой себя?

Носильщик нехотя ступает на спёкшуюся землю. Капрал подталкивает его дулом огнёмта. Пихра жесток, но, по-моему, он глубоко несчастный человек, от горя своего опустившийся, теряющий доброту, как воздушный шар подъёмную силу. Но, может быть, я ошибаюсь, и он был таким всегда? Носильщик для него — насекомое, и даже хуже. Жук, повинувшись инстинкту, может и укусить, носильщик же под дулом огнёмта и слова сказать не посмеет.

Нет. Не верю!

Носильщик шаг за шагом продвигается по чёрному хрустящему пеплу. Келин от ужаса и предчувствия беды закрывает лицо руками. Пряди светлых волос выбиваются между пальцами, как мягкие живые водопады. Куда её занесло? Не могу поверить, что она добровольно работает в этом аду. Она не похожа на искательницу приключений.

И вообще странно всё это. Мы живём какой-то двойной жизнью. Похоже, что из них я один не представляю, что творится вокруг.

Най стоит у края болота, положив искусанные клещами руки на автомат. Он смотрит куда-то вверх. Лицо его угрюмо и непроницаемо. Рыжая борода сваялась. В ней застряли кружочки высохшей ряски.

Сильный человек, но его тоже что-то гложет, впрочем, как и всех на Ферре. Но разве узнаешь, что? Здесь надо жизнь прожить, чтобы понять этих странных людей. Для них мы чужаки.

Най плотнее затягивает ремешки каски. Мне бы хотелось иметь такого друга. Только, похоже, в дружбе здесь не нуждаются.

Поднимаю голову и тоже смотрю на джунгли.

С деревьями определённно что-то происходит.

Лен Брас

С деревьями определённно что-то происходит.

Сначала высокие и стройные, как свечи, они начинают изгибаться, кроны их разрастаются, образуя над болотом купол из ветвей. Стволы розовеют, покрываются чешуёй с красными насечками. Листва редет, сквозь неё виднеются громадные плоды с крупными шипами. Сверху, словно серпантин с

рождественской ёлки, спускаются спирали воздушных корешков. Коснувшись земли, они проворно зарываются в грунт.

Такого видеть мне ещё не приходилось. Наверное, Пихра основательно растревожил сельву. Но время идёт, а опасности не видно.

Носильщик перешагивает через спутанные корни, стараясь по возможности не касаться гибких молодых побегов. Кажется, он и сам уже поверил, что опасность миновала. В начале пути у нас было шестеро носильщиков, теперь остался только один...

— Назад! — раздаётся вдруг у меня прямо над ухом крик Ная. — Быстрее!

Носильщик оборачивается и непонимающе крутит головой.

Внезапно, будто крышка гроба, поднимается и отваливается в сторону пласт сухой земли. Ещё один, ещё!.. Всё болото приходит в движение. Спёкшаяся корка трескается, лопается, идёт волнами.

Носильщик, бросив поклажу, несётся обратно. Он ещё не понимает, что происходит.

Я тоже не понимаю, да и не я один. Глаза Пихры вот-вот вывалятся из орбит. Келин сжалась в комок, словно маленькая испуганная зверюшка. Илм стоит, будто ему прострелило поясницу, и, трудно поверить, на лице его — смесь страха и восхищения. Ей-богу, он самый ненормальный среди нашего бродячего бедлама.

А вот Арвин сел на вещмешок и спокойно курит. Уж он-то знает, что произойдёт через минуту. Нюх, как у собаки — старой, битой, стреляной, на своей шкуре узнавшей, чего стоит украденное мясо. Железный парень. Лучшего проводника никто не смог бы найти.

Из трещин в земле начинают бить фонтанчики жидкой грязи. Она растекается, снова превращая поляну в непроходимое болото.

Носильщик уже увяз по колено. Он пытается вырваться из трясины, но она засасывает его всё глубже и глубже.

Илм срывает с плеча моток верёвки, дрожащими пальцами привязывает груз и бросает конец носильщику. Но верёвка коротка: не хватает каких-нибудь двух-трёх метров...

Грязь прибывает. Ещё мгновение, и над поверхностью болота виднеется лишь бритая голова. Как ни странно, носильщик не кричит. Глаза его полны не ужасом, а тоской. Тоской по жизни, пусть это всего лишь жизнь нищего работяги на заражённой спорами планете. Кажется, в этом биолог прав...

Но мне нельзя размякать. Дело — прежде всего. Остальное — бред и чепуха!

Вот и всё. Сельва проглотила человека, и гром не грянул, и мир не рухнул...

Арвин Най выплёвывает окурок и встаёт.

— Пойдёмте, — говорит он, вытаскивая из мешка надувной плот.

На сельву опускаются сумерки.

Келин Квинн

На сельву опускаются сумерки.

Арвин запалил костёр. Привал. Наконец-то можно остановиться.

Меня опять знобит. Я так устала, что даже гибель человека меня почти не трогает. Нет, я, конечно, переживаю, но как-то не так, не по-настоящему.

Две недели блуждаем по сельве. Наверное, даже к этому можно привыкнуть. Если не хочешь сойти с ума, надо отупеть до такой степени, чтобы уже ничто тебя не волновало. Должно быть, именно поэтому на Ферре все чуточку ненормальные.

Как трудно порой разобраться в самой себе. Иногда мне кажется, что нет у меня людей ближе, чем Най, Пихра, Илм. Они такие разные, жестокие и добрые, внимательные и равнодушные... В их характерах перемешалось так много всего дурного и хорошего, что невероятно трудно выделить какое-нибудь одно, главное чувство, ведущее их по жизни.

Порой же я их всех ненавижу. Эгоисты, чёрствые существа.

Начинаешь разбираться в себе — и полный туман. Зачем живёшь? Что заставляет тебя делать то, что человек просто не должен делать? Дни идут за днями, недели — за неделями, а ты словно прикован к креслу кинозала: смотришь и содрогаешься от увиденного, но разум твой ясен, и думаешь ты о своих повседневных делах, а не о страданиях киногероев.

Самое мерзкое — это то, что люди даже в сельве остаются врагами. В сельве, где единственная возможность выжить — стать союзниками, сжаться в единый кулак.

Мало увечий, наносимых джунглями, надо ещё самим искалечить судьбы друг друга.

Хотя какое право я имею судить этих людей?..

Итак, привал. Можно отдохнуть.

Вако

Итак, привал. Можно отдохнуть.

Костёр разгорается, и все усаживаются кружком. Пихра стягивает со спины баллоны с горючей смесью и ставит их подальше от огня. Глаза у него жёлтые, как у кошки, и светятся в темноте. Боюсь я его, Пихру. Вроде здесь, в сельве, он не посмеет меня тронуть, а всё равно боюсь.

Най подкидывает в костёр хвороста. Огонь вскидывается жёлтыми снопами. Смотреть на него весело. Он какой-то живой, беспокойный, изменчивый. Могу часами сидеть у костра, и ничего мне не надо. Даже боль в затылке утихает. Забываю, что я — голь перекатная, что в посёлке меня презирают...

Най протягивает мне флягу и закуривает папиросу.

Арвин хороший! Он никогда меня не обижает. В посёлке иной раз монетку подкинет, поинтересуется, как жизнь. А сам — такой рыжий, яркий, как пламя костра. Только глаза поблёскивают, как зелёное стекло.

Лен Брас тоже хороший, хотя он и не из наших. Дал мне целых десять золотых! Говорил: «Пойдёшь со мной в экспедицию. Будешь мне помогать.

Что скажу — делай без раздумий. Присматривай за остальными. заметишь что-нибудь необычное — сразу ко мне. Вернёмся — получишь триста золотых».

Лен добрый! Триста монет!

С ветвей валяются клещи. Они ползают по телу и щекочут. Голову опять сдавливает тисками.

Это началось ещё там, на Эсте.

Родителей своих я не помню. Да и были ли они у меня?

Вечно голодный, грязный, оборванный. Выпросишь монетку или украдёшь что-нибудь — на то и живёшь.

Мальчонкой пошёл на завод. Поставили меня на конвейер — механической отвёрткой затягивать болты на корпусах автомобилей. Работа адская. Даже сейчас вспомню — руки дрожать начинают. Чуть замешкаешься — уже новый корпус ползёт, догонять надо. Крики, ругань, мастер с гибкой стальной линейкой... Смена кончится — только бы до кровати добраться. Идёшь — шатаешься.

Года три я так проработал. А может, и все четыре, сейчас уже не помню. Пришёл я однажды на смену, отвёртку свою проклятую взял, только к линии стал — слышу: «Берегись!!!»

Что дальше было — не помню. Уже в больнице рассказали мне, что балка крепёжная с потолка сорвалась и краем — мне по голове. Чудом жив остался, врачи всё удивлялись, макушку мою щупали, а там — вмятина на три пальца глубиной.

Жив-то я остался, только уж лучше бы помер. Позабыл половину, что-то в мозгах сдвинулось, и боль страшная...

Долго я в госпитале провалялся, а когда вышел оттуда, оказалось, что никому я не нужен. На завод обратно не взяли, говорят — здоровым мужикам работы не хватает.

Голодал я месяца три и думал, что уж совсем конец, как вдруг на рынке услышал, что людей набирают для работы на Ферре. Что такое Ферра, я не знал, но решил, что это уж никак не страшнее, чем голод.

Бросил я свои нехитрые пожитки — и на космодром. Там как раз транспорт с вербованными отходил. Сплошь горемыки — такие же, как я.

С тех пор головной болью и мучаюсь.

Костёр затихает. Пора спать.

Лен Брас

Костёр затихает. Пора спать.

Спать... Когда же я последний раз спал? По-настоящему, глубоко, со снами? Наверное, ещё дома, на Эсте.

Нет. Никак не заснуть. Мучает один вопрос: «Кто?»

Инструктора ещё там, в центре подготовки, предполагали, что в группе пойдёт кто-нибудь чужой. Теперь и я чувствую, что рядом — враг. Но кто?

На привалах я незаметно осмотрел багаж и личные вещи членов экспедиции, но ничего подозрительного не обнаружил. И всё равно чужой есть! Просто он очень осторожен.

Арвин Най? Крепкий, немного странный парень... Нет, не похож на подсадку. Хотя... Что я о нём знаю? Много лет на Ферре, поразительное чувство опасности, остатки благородства и доброты... Разве это мешает за хорошие деньги завести экспедицию в дебри, а самому раствориться в сельве? Обратно без проводника не выберешься.

Капрал Пихра? Туповат, зол и подозрителен. От такого можно всего ожидать. Но хитрости в нём — ни на грош. А главное оружие агента — именно хитрость. Правда, проскакивает в глазах капрала что-то такое, чему невозможно дать определение. Может, он вовсе не так прост, как хочет казаться, и в этом-то и заключается его хитрость?

Буфи Илм? Известный биолог, обеспеченный человек, наука для которого не средство существования, а работа для души. Задумчивый взгляд, очки в тонкой золотой оправе... На такого подозрение падает в последнюю очередь. Но, может, в этом-то и заключается коварный ход конкурентов?

Келин Квинн? Единственная женщина в группе. Красивая, не слишком умная, очень уставшая то ли от похода, то ли от жизни. Проверка не выявила ничего подозрительного, но... Только ли романтика позвала её в джунгли?

Вако? С этим проще. За свои триста монет он согласится работать на кого угодно. Правда... За пятьсот он с удовольствием продаст того, кто дал ему триста.

Кто же ещё? Носильщиков не осталось, так что...

Но кто-то же рылся в моих вещах! Кто-то искал карту сельвы или другие документы, способные навести на Дерево!

Кто же ещё? Остался один я. Может, это действительно я?

Надо заснуть, иначе так можно сойти с ума.

Буфи Илм

Надо заснуть, иначе так можно сойти с ума.

Капрал привалился к стволу дерева и храпит так, что ветки трясутся. Счастливчик!

Келин смотрит на малиновые угли, обняв колени руками. Она ничего не слышит, пребывая в каком-то своём, далёком от сельвы мире.

Небо — чёрное, без единой звёздочки. Невидимые цветы распространяют приторный аромат. В листве мелькают зелёные огоньки. Клещи щёлкают челюстями, пытаюсь прокусить плотную ткань комбинезона.

От костра распространяется волна тёплого воздуха. Трава и одежда подсыхают, и недовольные пиявки, шурша, уползают в болото. Где-то кричит беспокойная ночная птица.

Брас и Вако о чём-то шепчутся, склонившись над раскрытым вещмешком. Вако, как всегда, гогочет, а Лен дёргает его за рукав, чтобы не мешал спать.

Странный он какой-то, этот Лен Брас. И, конечно, вовсе не ботаник. Путается в названиях цветов, зато прекрасно разбирается в химии и обладает организаторскими способностями, более подходящими деловому человеку, чем учёному. Достойный противник!

Что-то важное проходит мимо меня.

Все стараются делать вид, что у нас обычная исследовательская экспедиция, но в то же время каждый знает, что это не так. Для простой научной экспедиции у нас удивительно строгий маршрут. Брас постоянно сверяется со своей путевой запиской, не расставаясь с ней ни днём, ни ночью. У него есть цель, и мы движемся к ней на пределе человеческих возможностей, почти без привалов, не говоря уж об остановках для сбора образцов.

Каждый считает, что сосед ни о чём не догадывается. Например, я. Учёный тюфяк, мямля, разбирающийся только в лягушках и пиявках. А ведь я разбираюсь не только в биологии.

Наконец все засыпают. Даже Келин покидает свой далёкий мир и роняет голову на колени.

Один Арвин бодрствует. Он сидит и курит, уставившись напряжённым взглядом куда-то за круг света, в живую темноту сельвы. Я вообще никогда не видел его спящим.

Подхожу к нему и усаживаюсь рядом.

— Арвин, — говорю тихо. — У вас есть мать?

Най вздрагивает, словно его ударили хлыстом. Он пристально смотрит мне в глаза, а потом отвечает:

— Нет. Я сирота. Хотя... где-то на Эсте должна жить моя сестра.

— А почему бы вам не вернуться домой, не разыскать сестру?

Най усмехается и хлопает себя по груди:

— Лёгкие, — коротко бросает он. — Я ведь здесь уже десять лет. Да и жить на Эсте на что-то надо. В сельве на кусок хлеба всегда заработаешь.

Я согласно киваю, хотя знаю, что Арвин лжёт.

Давно, когда на Ферре начали строить первые поселения и лагеря, напалом выжгли почти две тысячи гектаров леса, а на следующий день в воздух поднялись облака жёлтой пылицы. Люди вдыхали её, и вроде бы ничего не происходило. Но когда несколько колонистов попытались вернуться домой, оказалось, что в их лёгких произошли необратимые изменения. Они уже не могли дышать воздухом, в котором не содержалось пылицы. Два десятка посиневших от удушья трупов на космодроме Эсты доказали это с ужасающей наглядностью.

Тогда попытались закрывать поселения колпаками, как это делалось на спутнике Эсты — Велле, имеющей непригодную для дыхания атмосферу.

Ничего не вышло. Жёлтая пылица таинственным образом появлялась под герметичным колпаком.

Ферра оказалась в изоляции. Тот, кто прожил в сельве больше года, уже никогда не мог вернуться на Эсту.

Но поток переселенцев, доведённых нуждой до отчаяния, не только не поредел, но даже возрос. Сельва всем давала кусок хлеба, и перед этим все её ужасы оказались пустяками. Люди боялись нищеты больше, чем смерти.

Эту историю знают все. Но всё же Арвин говорит не то, что думает.

— Вы привыкли к сельве? — спрашиваю я.

— Разве можно привыкнуть к ожиданию гибели? — вопросом на вопрос отвечает Най. Он как-то на глазах стареет. На лбу появляется сетка морщин. — Вы знаете, что значит каждую минуту ждать, когда на твоей шее захлестнётся петля? Минуты растягиваются в часы, часы — в годы. Всё проходит, а страх смерти остаётся. Больше того, он растёт с каждым мгновением. Рано или поздно любое везение кончается, и чем больше тебе везёт, тем меньше остаётся жить. Разве к такому привыкнешь? Можно устать от ожидания, но привыкнуть — никогда.

Арвин замолкает. Пытаюсь представить себя на его месте и чувствую, как по спине ползут мурашки. Пытка, затянувшаяся на десятилетие.

Откуда-то сверху, из непроглядного мрака листьев и ветвей, спускается глянцевая петля лианы-удавки. Она начинает извиваться, нащупывая добычу. Тонкие усики-корешки сплетаются в сетку, мерцающую мёртвым неоновым огнём.

Най глядит на удавку равнодушно, как на шкаф или стул в своей камере, затем ленивым движением вытягивает тесак и разрубает растение пополам. Петля падает в угли и начинает тлеть, распространяя зловоние.

— Впрочем, вам этого не понять, — продолжает свою мысль проводник. — Вы всего месяц на Ферре, ваши лёгкие ещё чисты, как у младенца. Они ещё могут работать без пылицы. Вернётесь домой и думать забудете про сельву и людей, которые вынуждены в ней жить.

Над ухом пищит комар. Говорят, недавно появился новый вид, впрыскивающий яд в тело человека.

— Нет, Арвин. Думать о сельве я не перестану. Вы, конечно, правы. Я здесь чужак. Состоятельные родители, хорошее место в университете... У меня никогда не было каких-то особенных неприятностей, я никогда ни в чём не нуждался. Но сельва всегда занимала мои мысли. Как я спрашивал, чтобы меня взяли в экспедицию! Не знаю, поймёте ли вы меня правильно, но у каждого есть своё, заветное, ради чего он и живёт. Для одних это деньги, власть, положение в обществе. Для меня же это сельва.

— Это потому, что у вас есть всё остальное, — усмехаясь, говорит Най.

— Возможно, — соглашаюсь я. — Вы можете её ненавидеть, я же её боготворю, потому что хочу понять! Иногда она представляется мне огромной дворнягой. Мы просто не научились ладить с ней, постоянно делаем ей больно, а она кусается. Но, как и все собаки, она совсем не стремится причинить вред человеку.

Арвин смотрит на меня, а в глазах у него жалость. Опять проступает сетка морщин у висков.

— Знаете, — нерешительно говорит он. — Мне кажется, что сельва вас не отпустит. Она не объект исследования. Сельва — гигантская мясорубка судьбы.

Я вздрагиваю. Неужели Арвин сумел так быстро раскусить меня?

Най смахивает с бороды летучую пиявку и, как-то беспомощно улыбаясь, говорит:

— Вы напоминаете мне ребёнка, Буфи. Чистенького и ухоженного, но однажды вышедшего погулять и заблудившегося в вонючих трущобах. Во всяком случае, можете на меня рассчитывать. Я всегда любил детей.

Келин Квинн

— Я всегда любил детей, — слышу сквозь сон голос Арвина.

О чём это он? Сельва — и дети... Хотя Ная порой совершенно невозможно понять.

Дети... Горе это или счастье? Бывает, мне становится жалко, что у меня нет детей. Может быть, тогда жизнь приобрела бы какой-нибудь смысл? Тогда бы растворились в прошлом жирное чудовище Страд, пропавшие секретные документы, сельва, её обитатели — жалкие и великие одновременно...

Вздыхает во сне Вако. Он приоткрывает глаза, и между набрякшими веками проскальзывают желтоватые молнии белков. Несчастный, всеми презираемый Вако.

Храпит во сне капрал, надвинув каску на длинный прямой нос. Сейчас он похож на спящего после смены работягу. Руки с набухшими венами мелко подрагивают. Да и сама сельва ничем не напоминает страшилище с острыми клыками, паучьими лапами и шевелящимися лианами вместо волос.

Ночь полна очарования.

Вако опять вздыхает и скрипит зубами. Наверное, снится, что на голову ему опять падает тяжёлая стальная балка. Вако смеётся при виде чужих страданий, потому что в жизни у него было слишком много своих.

А вот Арвин ему завидует. Да, да! Железный Арвин завидует дураку Вако. Никто этого не замечает, кроме меня. Он завидует тому, что разум Вако не способен в должной мере воспринимать опасность! Вако не боится смерти, вернее, почти не думает о ней. Най же наполнен страхом, как сосуд водой.

Почему же никто, кроме меня, не замечает этого? Может быть, потому, что я единственная женщина в этой обречённой экспедиции?

Смертники... Костёр в сельве. К нему жмутся грязные оборванные люди. Все они очень разные, и мечты у них разные, как потолки в наших домах. У одного мечта большая, у другого — крошечная, но не менее желанная. И каждый надеется, что исполнится именно его, и никто не догадывается, что совсем скоро осуществится намерение маленького жирного человека по имени Страд.

Пора.

Встаю, пересекаю круг оранжевого света и вхожу в заросли кустарника. Кажется, никто не проснулся.

В ветвях резко кричит невидимая птица.

Лен Брас

В ветвях резко кричит невидимая птица.

Открываю глаза и трясую головой, чтобы отогнать ночное видение.

Всё-таки я заснул. Сказалась усталость, огромное нервное напряжение.

Странный мне приснился сон.

Окраина большого города. Пустырь, заваленный ржавыми банками и полиэтиленовыми пакетами. Ночь, но на горизонте ещё сохраняется малиновая ниточка заката. На тёмном фоне неба угадываются бетонные обелиски небоскрёбов. Не светится ни одно окно. Все жители вываливают на улицу. Они стоят по колени в мусоре, раскрыв рты и задрав головы.

По небу огненными росчерками проносятся падающие звезды. Холодные, колючие, рождающие озноб.

Вот одна просвистела над головами и упала в груды консервных банок.

Люди бросаются наперегонки, и через мгновение кто-то поднимает в вытянутой руке огромный сверкающий бриллиант.

Звёздный дождь усиливается. То тут, то там на землю падают прекрасные голубые кристаллы. Вскоре каждый становится обладателем по крайней мере пяти-десяти камней.

И только у меня ничего нет.

Алмазный ливень закончился. Все смеются, указывая на меня, а я — большой, усатый, но в коротких детских штанишках и с бантиком в волосах стою и размазываю слезы по щекам.

Кто-то, сжалившись, кидает мне крошечный бриллиантик. Я подхватываю его на лету и крепко сжимаю в потном кулаке.

И вдруг на небо выплывает большое багровое солнце. Только что его не было, и вот оно в зените. Свет его заливает пустырь, и... кристаллы на глазах испаряются.

Люди кричат, рыдают. Ещё бы — они лишились своего неожиданного богатства.

Я разжимаю руки и улыбаюсь: мой бриллиантик цел и весело подмигивает гранями.

А ведь это самое глазное — быть маленьким, зато целым!

Чудной сон. Хотя... Всё верно, всё правильно.

В концерне кто-то придумал про меня глупую шутку, что, кол, если мне вручить чемодан казённых денег, приготовить самолёт, документы, визу в государство, не выдающее преступников, то я поблагодарю за заботу и отнесу чемодан финансовому директору.

Каждый паршивый клерк считал своим долгом рассказать эту глупость своей подружке.

Хотя почему глупость? Сколько было таких, которые сломали себе шею в погоне за падающими звёздами. Где их гигантские алмазы? Растаяли. А мой маленький бриллиантик жив!

Как же болит грудь! Будто раскалённая игла вонзается между рёбер. Стихнет — и забываешь о ней, проснётся — и страшно пошевелиться.

Кто-то дёргает меня за штанину. Это Вако.

Преданное серенькое существо. За свои триста золотых с ножом на танк бросится. Как я к нему отношусь? Да никак. Служит, и достаточно. Главное в работнике — честность и добросовестность.

Лицо Вако вымазано сажей, волосы всклокочены, в них копошится целое стадо клещей. Он что-то шепчет, тыча пальцем в сторону зарослей колючки.

Неужели застучал?!

Стараясь не шуметь, вылезаю из-под плащ-палатки. Оглядываюсь. Все спят, нет только Келин.

Невероятно! На неё и не подумаешь — такая тихоня, одинокая, беспомощная... Бедный наш мир! Куда мы катимся?

Прохожу между храпящим Пихрой и биологом. Даже Арвин и тот задремал, уронив голову на автомат.

За ночь возле костра выросла какая-то странная шевелящаяся трава. Пучки оканчиваются метёлками, вращающимися из стороны в сторону, будто локаторы. Раздумывать, опасна она или нет, некогда. Проскакиваю освещённый участок и ныряю в кусты. Шипы раздрают лицо, но я не обращаю внимания. Сзади бесшумно скользит Вако. Темень кромешная, только пиявки мерцают в траве размытым призрачным светом.

Наконец небольшая прогалина. У ствола поваленного дерева — женская фигурка. Мне не видно, что делает Келин, но догадаться совсем нетрудно. Скорее всего, в руках у неё маленькая коробочка с кнопкой и тонкой антенной-усиком — передатчик-маячок.

Те, кто задумал нашу экспедицию, ещё там, на Эсте, дома, предполагали, что в её состав может быть внедрён агент конкурирующей фирмы Страда.

Сначала я грешил на капрала, потом — на Арвина, носильщиков. Носильщики погибли, но чувство опасности не исчезло. Оказалось — Келин... Очень тонкий ход: женщина при всех равных условиях всегда внушает меньше подозрений.

Ещё несколько дней, и всем нам была бы крышка!

Над головой привидением проносится белая летучая мышь.

Я невольно вздрагиваю.

Келин Квинн

Я невольно вздрагиваю.

Это всегда пугает, когда в темноте что-то движется быстро и бесшумно.

Нажимаю кнопку. Та, та, та-та-та. Маячок кажется мёртвым, но я знаю, что антенна его посылает в ночную черноту короткие сигналы.

Та, та, та-та-та.

Каждое нажатие кнопки сокращает срок жизни Ная и капрала, Вако и Илма. Но самое удивительное, что меня это волнует меньше, чем можно было бы ожидать! Наверное, и жалость может устать, как устают руки от непо-

сильной работы. А может, я постепенно превращаюсь в жестокое, не знающее пощады чудовище!

А ведь недавно всё было иначе.

С чего же это началось? С документов? Нет, раньше. С того, что мне повезло и я нашла работу.

Как, мне завидовали приятельницы! Ещё бы: секретарша владельца известной в стране фармацевтической фирмы!

Господин Страд показался мне эксцентричным, но добродушным толстяком. Он всегда улыбался и шутил.

Итак — неплохо оплачиваемая работа, добряк хозяин... Кто бы мог подумать, что всё так страшно кончится?

Я была на седьмом небе от счастья. Это нетрудно понять, если три года просидеть без работы на хлебе и воде. Бесконечные серые очереди за продуктовыми талонами, крохотные сырые клетушки, случайная чёрная работа...

Мои обязанности в фирме были несложными. Я даже удивлялась, за что же мне платят такие деньги. Правда, казалось странным одно: условием моего найма было проживание в стенах фирмы... Зачем? Почему? Господин Страд объяснил, что это вынужденная мера для предупреждения утечки промышленных секретов. С другой стороны, меня это вполне устраивало: миленькая бесплатная комнатка со всеми удобствами... В городе же меня никто не ждал. Родители умерли много лет назад, родственников не было, а человек, два года считавшийся моим мужем, устав от безденежья и хозяйственных хлопот, исчез из моей жизни так же стремительно, как и ворвался в неё. Любила ли я его? Наверное, нет. Я, конечно, плакала, но скорее потому, что так положено, чем от горя или отчаяния.

Словом, некоторое время всё шло очень хорошо. Служба, уютная комнатка, книги, телевизор. Мне не было скучно. Наоборот. Устав от жизненных невзгод, я отдыхала за крепкими и надёжными стенами фирмы. Конечно, я не собиралась оставаться там навечно. Накопить денег и начать новую жизнь — вот что было моей целью.

Но настал день, разрушивший мой маленький тёплый мирок, бросивший меня в сельву, заставивший пойти против совести.

Я и не подозревала, что это конец.

Конец!

Вако

Конец!

Келин закончила передачу, но почему-то остаётся сидеть на поваленном дереве.

Вообще-то она ничего, красивая! Только я перед женщинами робею. Они будто из другого теста. При них я и двух слов связать не могу: заикаюсь, краснею, мычу. И они меня не любят. Нос воротят. Говорят, что дурак неотёсанный. А чем я хуже того же Пихры?

А Келин красивая! Я бы ей, пожалуй, дал золотой, а может, и целых два из тех трёхсот, что мне Брас обещал...

Нет, не дам! Зачем ей деньги? Ведь ей и так конец. Убийц на нас хотела навести! Плакало бы тогда моё золото. Хоть и красивая, а такая же, как девицы в кабаке Тонца: зазеваешься — облапошат в момент!

— Вперёд, — говорит Брас и толкает меня в спину.

Бросаюсь в кусты. Ветки трещат, но Келин как будто и не слышит ничего.

Подбегаю к ней и начинаю выкручивать ей руки. Какие они тонкие, словно и не человеческие вовсе...

Подходит Брас и включает фонарик.

— Как же так, Келин? — спрашивает он, выворачивая её карманы. — По-моему, в ваши обязанности не входит ведение радиопередач. Или вам доплачивают, как радисту?

И что за дурацкая манера задавать вопросы, когда и так всё ясно? Чего тянуть?

— Так что же вы молчите, милочка? Вам ведь есть что рассказать.

Келин не отвечает. В электрическом свете лицо её словно присыпано мелом. Голова запрокинута, рот открыт. Глаза — дикие, как у кошки, которой подпалили шерсть...

С чего это я взял, что она красивая?

— Молчите? — говорит Брас и щёлкает лезвием складного ножа. — По векселям надо платить. Даже если вы женщина.

Зрачки Келин превращаются в чёрные монеты. Она дёргается и вдруг начинает кричать — тонко и жутко, как птица, укушенная говорящим скорпионом.

— Тихо! — шипит Брас и пытается заткнуть ей рот.

Поздно! Кусты раздвигаются, и на поляне появляются Илм и Арвин с фонарями в руках.

Келин уже не кричит, она мешком повисла в моих объятиях.

Брас вне себя от злости. Ещё бы! Одно дело убрать человека по-тихому и всё спisać на сельву, другое дело — при свидетелях.

Илм смотрит на нас, выкатив глаза. Руки его разжимаются.

Фонарь падает на землю.

Буфи Илм

Фонарь падает на землю.

Боже мой! Что эти негодяи делают с Келин?!

Бросаюсь вперёд и бью Вако в его расплющенный нос. Он даже не покачнулся: рычит и наносит мне удар ногой. Падаю, но тут же поднимаюсь. Чьи-то цепкие руки хватают меня за локти и прижимают их к бокам.

Оборачиваюсь и вижу широкое лицо Браса. Ночь смазывает черты, но всё равно чувствуется, что он зол и напряжён. Пытаюсь вырваться, но Лен намного сильнее меня.

А мерзавец Вако продолжает держать в объятиях бесчувственную Келин. Она в его руках, как крошечная лань в когтях тигра.

Что с ней хотели сделать? Ночью, в джунглях...

Арвин стоит и непонимающе крутит головой. Огонёк его сигареты бросает рубиновые блики на скуластое бородатое лицо.

— Най! — кричу, стараясь вырваться из лап ботаника. — Помогите! Они же убьют её!

Проводник ещё несколько секунд стоит в нерешительности, затем медленно подходит к Вако и говорит тихо, но с угрозой:

— Отпусти. Слышишь?!

Вако рычит, но женщину не отпускает. Он смотрит на Браса, словно спрашивая, как ему поступить.

И вдруг я чувствую, что руки мои свободны.

— Брось её, Вако! — приказывает Лен и устало опускается на траву.

Вако разжимает объятия, и Келин валится на землю. Белые волосы рассыпаются по плечам.

— Что здесь происходит, чёрт побери?! — кричу я, бросаясь к лежащей женщине. — Что вы хотите от этой несчастной? Объясните наконец, Брас!

Ботаник роется в кармане, вытаскивает из его глубин стеклянный цилиндр, вытряхивает на ладонь таблетку и, сморщившись, глотает её.

— Если бы не мы, эта «несчастливая» женщина отправила бы всех нас на тот свет и глазом не моргнула, — говорит он, убирая таблетки обратно. — Она же подсадка!

В голове крутится разноцветный хоровод, будто мозги заменили опилками и они утратили способность соображать.

— Ничего не понимаю... Какая подсадка? При чём здесь Келин? — растерянно спрашиваю я. Просыпаются смутные подозрения. Мне становится страшно, и я глушу их.

Брас молчит. Он о чём-то размышляет.

— Пойдёмте к костру, — наконец говорит он и тяжело встаёт, прижимая руку к груди.

Вако ухмыляется и мгновенно исчезает в зарослях. Арвин курит, как ни в чём не бывало. Он затягивается глубоко, с присвистом, и, как всегда, обводит джунгли подозрительным взглядом. Равнодушие его напускное. Происшествие волнует его не меньше, чем всех остальных.

Беру Келин на руки и осторожно иду к лагерю. Она маленькая, трогательная, как спящий ребёнок. Пряди белых, с золотым отливом волос цепляются за ветви и шипы. Глаза закрыты, поэтому лицо в темноте кажется сплошным размытым пятном.

Почему Брас назвал её подсадкой? Да и что значит — подсадка? Что же ты сделала, Келин? В чём твоя вина? Жила ты на Эсте и, наверное, не подозревала, что существует страшная планета Ферра. Что забросило тебя сюда, что заставило погрузиться в мир сельвы, страшный не своей природой, а своими людьми?

Келин очнулась!

Она открывает глаза и удивлённо смотрит мне в лицо. Наконец память возвращается к ней, и взгляд её мутнеет. Исчезает чувство и мысль, остаётся

одна пустота, бездонная, как космос. Или мне это чудится? Ночь всегда меняет смысл происходящего...

Что же со мной случилось?

Нет, я, конечно, вступился бы за любую женщину, будь она даже уродливой старухой. Но Келин... Келин — это другое. Почему мне радостно нести её на руках, прижимать к груди?

Может быть, она мне просто нравится? Но мне нравились многие женщины. Ими я любовался, а Келин хочется защищать.

Неужели надо было попасть в сельву, чтобы испытать такое?

Кусты расступаются, и мы выбираемся к лагерю. Костёр прогорел до углей. Голубая трава сплелась в живой шевелящийся ковёр. Тонкие усики обвили сапоги храпящего капрала. Наверное, это не опасно, раз Арвин так спокоен.

Брас и Вако уже расположились на своих вещмешках. Вако доволен. Он грызёт галету и прихлёбывает кипяток из кружки. Брас раздражён. Он хмурится и мнёт в руках противомоскитную сетку. Лоб прорезали тяжёлые морщины, подчёркнутые красноватым отсветом углей.

Осторожно опускаю Келин на плащ-палатку. Она смотрит на меня, но, по-моему, не осознает, кто стоит перед ней.

— Итак, — говорит Брас, хлопая себя по коленям. — Вы хотели узнать, что здесь происходит? Ну что ж. Пожалуй, больше нет смысла скрывать.

Вако роется в карманах, достаёт кусок сахара и начинает с хрустом грызть.

Арвин Най

Вако роется в карманах, достаёт кусок сахара и начинает с хрустом грызть.

Подхожу к Пихре и с трудом расталкиваю его. Пусть тоже послушает, ему полезно. Охрана как-никак: должен же знать, кого и от чего охранять.

Капрал продирает глаза и задумчиво трёт поясницу.

Буфи Илм на взводе. Ярость душит его. Справедливая ярость, как ему, наверное, кажется.

Бедный ребёнок! Он продолжает жить по законам Эсты, хотя и на самой Эсте эти законы не соблюдаются.

— Так что же произошло? — прорывает наконец Илма. — В чём провинилась Келин?

— Провинилась? — хмыкает Брас.

Хитрец! Думает, назвался ботаником — и всех обвёл вокруг пальца.

— Если это называется провинностью, то я тогда не представляю, что такое преступление.

Келин лежит на накидке и смотрит в небо. На лице её такое равнодушие, будто всё происходящее её совершенно не касается.

— Как вы думаете, что это такое? — ехидно спрашивает Брас. — Пудреница или губная помада?

Он разжимает руку и демонстрирует нам небольшую коробочку с длинным усиком-антенной.

С Пихры слетают остатки сна. Не веря, он внимательно рассматривает передатчик. Удостоверившись, что никто не пытается его надуть, он поворачивается к Келин и сверлит её взглядом.

Я, конечно, тоже удивлён, но нельзя сказать, чтобы очень сильно. Чего-то подобного я ожидал с тех самых пор, как догадался об истинной цели экспедиции.

— Так что же это такое, благородный рыцарь? — ёрничает Брас. — Не знаете! Ещё бы! Откуда прославленному биологу знать, что эта маленькая, безобидная на вид коробочка — передатчик-маячок, при помощи которого очаровательная Келин намеревалась отправить на тот свет всю нашу дружную компанию.

У Илма такой ошарашенный вид, будто в супе ему попалась летучая пиявка. Он смотрит на Келин, но та молчит, уставившись в пустое и чёрное небо.

— Как же можно навредить экспедиции при помощи передатчика? — наивно спрашивает Буфи.

— Просто. Чрезвычайно элементарно! Представьте себе: мы идём по сельве, на своей шкуре проверяя все её ловушки и капканы. Мы прокладываем путь — тропу, более или менее безопасную для движения. И вот на хвосте экспедиции повисла другая, конкурирующая группа. Пеленгуя маячок, она идёт по проторённой тропе. У наших преследователей нет карты, но с помощью Келин и её верного передатчика мы сами, не подозревая об этом, ведём их, куда нужно. А там, на месте, — как в плохом детективе: внезапное нападение, изрешечённые трупы, о которых никто никогда не узнает... А то, что по праву должно достаться нам, попадёт в руки конкурентов.

Илм трёт лицо руками:

— Ничего не понимаю. Какие конкуренты, какая цель... У нас же обычный научно-исследовательский поиск...

Брас бросает в рот ещё одну таблетку. Ему требуется время на размышление. Наконец он решается:

— Ну что ж. Мы забрались слишком далеко, чтобы что-то скрывать друг от друга. Видите ли, Буфи, экспедиция — всего лишь ширма для одного рискованного, но весьма доходного предприятия. Вы, наверное, уже догадались, что я не ботаник. Я сотрудник известного на Эсте концерна, имеющего свои интересы на Ферре.

Брас с хрустом разгрызает таблетку. Он ждёт вопросов Илма, но биолог молчит, теребя завязку вещмешка. Лен Брас тяжело вздыхает и спрашивает:

— Вы слышали что-нибудь о Дереве? О Дереве Жизни?

Илм утвердительно кивает.

Ещё бы! Кто на Ферре не слышал об этом легендарном растении? Бродяги-охотники, всю свою короткую жизнь проводящие в сельве, рассказывают, что где-то в глубине лесов и болот у аборигенов есть храм, в котором растёт странное дерево, приносящее бессмертие.

Никто никогда его не видел. Это тайна, которую аборигены не выдадут даже под пыткой. Можно только догадываться, как Дерево дарит бессмертие. Вся Ферра верит в существование Дерева Жизни.

— Так вот, — гремит Брас, решительно разрубая воздух ладонью. — Промышленное производство нектара бессмертия сулит огромные прибыли. Кто же не заплатит деньги, чтобы жить вечно? Дерево — вот истинная цель нашего похода! Моя задача — найти его и тщательно исследовать.

— А карта? — подаёт голос Пихра. Чувствуется, что этот вопрос его очень волнует.

— Есть карта, — Брас хлопает себя по нагрудному карману.

— Откуда?

Лен разводит руками и улыбается. Секреты фирмы не выдаются.

— Зачем же вам понадобился я? — спрашивает Илм. Он раздавлен. Наверное, в его понятии о порядочности не входит обман.

— Для конспирации, друг мой! — быстро отзывается ботаник. — Для конспирации. Конкуренты не дремлют, в чём вы смогли сегодня убедиться, и имя Буфи Илма широко известно в научных кругах. Это гарантия! Кому придёт в голову, что ваша экспедиция отправится разыскивать Дерево?

Лен Брас тонко хихикает, и смех этот не вяжется с его крупной фигурой.

— Кроме меня, сотрудников концерна в экспедиции нет. Больше число агентов — большой риск. Повышается вероятность попасть под наблюдение и навести людей Страда на карту. Я один. Я единственный, кто знал о настоящей цели путешествия, хотя, полагаю, Арвин и Пихра со временем обо всём бы догадались.

Он, как всегда, прав, наш дорогой лжеботаник Брас. Конечно, я и капрал быстро сообразили, что к чему. Обмануть человека, почти всю жизнь прожившего среди лиан-удавок и говорящих скорпионов, трудно. Подозрительность впиталась в наше сознание, в каждую клетку мозга.

Неприятно чувствовать себя обманкой, маскировочной сеткой, под которой скрывается совсем не то, что должно. Буфи Илм уничтожен. Скомкан и выжат, как использованное полотенце. Он настолько жалок, что даже Брас чувствует что-то вроде вины перед ним.

Лен вздыхает и говорит:

— Мне очень неприятно, поверьте. Я ведь заплатил тоже немалую цену: лишился имени и даже своей внешности. Этого требовало дело...

— Если бы не жёлтая пыльца, можно было бы за пару часов добраться до храма на вертолёте, — вздыхает Пихра. — Но эта мерзость не даёт работать двигателям.

— Если бы не пыльца и её способность забивать двигатели, Дерево уже давно разыскали бы! — огрызается Брас.

Деловой человек — всегда деловой человек. Даже на плахе, под топором палача...

— Конечно, если Дерево не сказка, — подпускаю я кипятку. Уж больно гадко смотреть, как делят шкуру неубитого медведя. Хотя мне ли об этом говорить...

— И всё же, что нам делать с Келин? — возвращается к началу разговора Лен Брас. — Я говорю «нам», потому что дорога у нас одна.

— Пристрелить. Что же ещё? — говорит Пихра, ковыряя спичкой в зубах.

Келин даже не вздрагивает, зато вскакивает Илм и орёт на всю сельву:

— Вы что? С ума посходили?! Это же... убийство!

Ребёнок... Ей-богу, ребёнок! Неужели он не понимает, что

Келин обречена? В каждой игре есть свои правила, и их обязаны соблюдать даже такие выброшенные из жизни люди, как мы.

— Послушайте, — начинает Лен Брас, не ожидавший такого развития дела. Ещё бы! Он думал, достаточно сказать, что Келин — агент чужой команды, и Буфи первым полезет казнить её. — Вы же понимаете, что...

— Ничего не хочу понимать! — кричит Илм. — Эта женщина будет жить! Я не позволю её трогать! Лучше не подходите.

Биолог срывает с плеча автомат и, неумело передёрнув затвор, целится в капрала.

— Ого! — говорит удивлённый Пихра.

Вако незаметно вытягивает из ножен тесак. Незаметно для Буфи, но я, конечно, сто раз успею пустить ему пулю в лоб, прежде чем он коснётся биолога.

Илм — растрёпанный и всклокоченный, как молодой петушок, демонстрирующий шпоры. Нравится мне этот очкарик. Не пойму, чем, но нравится. Может быть, тем, что он так не похож на меня? Но я ему не завидую. Любые ценности имеют ограниченное хождение. Ферра — не Эста. Здесь женщина отвечает за свои поступки так же, как любой мужчина, без скидки на слабый пол, нежную кожу и длинные ресницы.

— Погодите, — говорит Брас. Он очень устал и, видимо, чувствует, что суд над Келин может закончиться не так, как он предполагал. — Слишком много событий для одной ночи. Подождём утра, на свежую голову и решим.

Все потихоньку расползаются по своим местам. Илм пристраивается невдалеке от Келин. Вако ползёт к своему тюфяку, и я слышу, как Лен вполголоса роняет ему:

— Охранять!

Келин Квинн

— Охранять!

Господи, какая глупость! Куда я могу убежать, кругом мрак ночной сельвы. Да и не побегу я. Страд, Брас, Вако — каждый отломил по кусочку от моей веры. Один только Илм пытается защитить меня. Но что он может, мягкий, нерешительный человек. Меня не спасёт, и сам погибнет.

Да и не достойна я помощи.

Почему я тогда не отказалась от предложения Страда? Хуже, чем сейчас, не было бы. Зато на меня не смотрели бы, как на убийцу.

В то памятное утро я пришла на своё рабочее место и ещё у дверей почувствовала, что случилось что-то ужасное. Офицеры охраны в синих мундирах с пистолетами на боку толпились в коридоре и спорили о чём-то. При моем приближении они умолкали и смотрели на меня то ли с жалостью, то ли со злостью.

Войдя в кабинет господина Страда, я сразу увидела Вампира — начальника отдела безопасности, мрачного сгорбленного старика с крючковатым носом и длинными седыми волосами. В фирме его боялись больше самого Страда.

Когда я вошла, Вампир на секунду обернулся, мельком взглянул на меня и принялся отдавать распоряжения охране. Внезапно я почувствовала, что кто-то крепко взял меня за локти. Двое молодых людей, бегло обыскав меня, приказали следовать за ними. Последнее, что я увидела, выходя из кабинета, был мой личный сейф, над замком которого колдовал Вампир.

Меня отвели куда-то в подвал и заперли в сырой пустой комнате.

Сутки я пробыла словно в забытьи. На мои крики и стук в дверь никто не отвечал. Лишь иногда в комнату заходил суровый молчаливый охранник, приносил пищу и воду и, лязгнув замком, удалялся.

Всё время своего заключения я пыталась понять, чем вызвана немилость Вампира и господина Страда. Служебные провинности исключались. Во-первых, я не знала за собой вины, а во-вторых, за мелкие нарушения в фирме так сурово не наказывали.

Так и не придя к каким-либо выводам, я опустила на бетонный пол и не заметила, как заснула.

Утром меня разбудил скрип двери. Молодые люди в штатском подняли меня и повели по тёмным запутанным коридорам.

Наконец мы очутились в служебном лифте. Табло отсутствовало, и мне не удалось определить, на какой же этаж привезла меня охрана.

Дверь лифта открылась, и я очутилась в небольшом коридоре, оканчивавшемся одной-единственной дверью.

Перед дверью на стуле сидел здоровенный детина с автоматом на коленях. Он хмыкнул, открыл дверь и пропустил меня, подтолкнув дулом автомата.

Я осмотрелась и вздрогнула. Потайная дверь привела меня в кабинет господина Страда. Сам хозяин сидел за огромным полированным столом и, улыбаясь, глядел на меня.

— Садитесь, милая, садитесь! — сказал Страд, указывая на мягкое кресло.

— Что произошло, господин Страд? — спросила я, чувствуя, как дрожит мой голос.

— Вы попали в скверную историю, Келин. Вампир... То есть я хотел сказать — начальник отдела безопасности получил какие-то сведения от своих агентов, проверил ваш сейф и не обнаружил там некоторых секретных доку-

ментов, — лицо хозяина выражало безграничное сожаление. — Я попытался замять эту историю, но было уже поздно. Старик составил протокол и дал ему ход...

Сердце моё учащённо забилось.

— Господин Страд! Это неправда! Документы были на месте. Недавно я сама просматривала их, сверяла с формуляром.

Страд потёр лысину, поправил очки и сказал:

— Не знаю, не знаю... Документы и фотографии доказывают обратное.

Он открыл ящик стола, достал оттуда пачку бумаг и бросил их на стол.

Я не верила своим глазам. В официальных донесениях службы безопасности назывались фамилии агентов конкурирующего концерна, номера документов, которые я им продала, и даже сумма денег, которую я за это получила... На фотографиях я пожимала руки незнакомым мужчинам, передавала им пакеты с грифом «Секретно».

— Это какая-то ошибка, — плакала я. — Ничего этого не было. Меня хотят опорочить в ваших глазах... Что же теперь будет?

— Боюсь, вам не миновать солидного срока заключения. Закон предусматривает строгое наказание за промышленный шпионаж. Впрочем, я могу вам помочь...

Только значительно позже я поняла, что вся история с пропажей документов была разыграна по сценарию самого Страда.

Я оказалась у него в руках. Ему нужен был агент, не засвеченный конкурентами, и я подходила на эту роль больше, чем кто-либо.

Однажды мне показали газету, на последней страничке которой было опубликовано крохотное извещение о моей гибели в автомобильной катастрофе...

Прочитав эту заметку, я поняла, что обратной дороги для меня больше нет. Для всего мира меня не существует.

И вот — задание на Ферре. Последнее, как сказал Страд.

Возможность получить свободу опьянила меня. Всё виделось в розовом свете. Даже смерть, которую несла я и мой передатчик-маячок.

Опытные инструкторы, бесконечные занятия, пробы на вживание в конкурирующую группу...

Как меня внедряли в состав экспедиции — разговор особый. В памяти остался только серый нерастворимый осадок лжи, шантажа, фальшивых улыбок.

И вот конец. Совсем не такой, какой снился Страду и Вампиру.

Какой смысл бороться, когда мне уже никогда не вырваться из сельвы? И то, что Страд обещал мне свободу, — конечно, тоже обман.

Предел есть всему, даже желанию жить. Нет его только у усталости.

Ну что ж. Охраняй меня, Вако. Охраняй!

Рассвет. Все важные решения принимаются на рассвете.

Буфи Илм

Рассвет. Все важные решения принимаются на рассвете.

Надо что-то делать, иначе эти люди убьют Келин, а затем и меня.

Небо розовеет. Это какой-то странный неровный цвет, будто в ложку сливок капнули крови.

Джунгли просыпаются, ветерок тянет ключья тумана. Жёлтая пыльца поднимается с земли. Деревья стряхивают бисер росы и шевелят листвою. Клубки лиан начинают двигаться в поисках пищи. Из нор вылезают продрогшие скорпионы. «Здравствуйте, здравствуйте», — шипят они, поводя тяжёлыми клешнями. Комар — громадный, не меньше голубя или куропатки, с жужжанием садится на ветку, пускает корешки и на глазах превращается в алый цветок. Через секунду у цветка отрастают ножки, и он проворно скрывается в листе.

Всё-таки сельва удивительна. Это чудесный, сказочный мир, в котором до прихода человека царила гармония. Люди пытаются превратить его в помойку, а он сопротивляется. И тем страшнее страдания, которыми мы обязаны самим себе.

Голубая трава и красавица Келин с пустыми глазами... Это опаснее любого монстра, родившегося в глубине трясин.

Чем же я могу помочь Келин? Я такой же маленький и чужой здесь, как и она. Ясно одно: надо выбирать, идти, куда угодно, только не оставаться здесь.

Тихо, чтобы никто не услышал, подползаю к Наю и дотрагиваюсь до его плеча. Арвин вздрагивает и резко поворачивается.

— Тихо, — шепчу я.

Проводник понимает меня с полуслова. Он оглядывает поляну и склоняется ко мне.

— Арвин, вы должны помочь нам уйти.

Он смотрит на меня, в глазах его непонимание.

— Куда уйти? Кругом сельва, до посёлка — не одна неделя пути. Вы не пройдёте и двух километров.

— Не важно, — отвечаю, прислоняясь спиной к стволу дерева. — Не важно. Остаться здесь — тоже верная гибель. Пусть сельва. Это всё-таки стихия, но люди... способные казнить женщину...

Глаза Арвина мерцают в темноте — частице ночи, сохранившейся в густых ветвях дерева.

— Буфи, — говорит он, и в голосе его мне чудится неподдельное участие. — Не дурите. Келин уже не спасти, но вы ещё можете вернуться домой.

— Арвин, — говорю я и чувствую, как дрожит мой голос. — Помните, вы сказали, что я могу положиться на вас? Теперь настал этот момент. Всё, что я прошу, — это помочь нам уйти,

Най молчит. О чём он думает? О том, что в глазах Браса и Пихры станет предателем, если поможет нам бежать? А может, он совсем не такой, каким мне казался? Что, если он сейчас встанет и поднимет тревогу?..

— Не знаю, почему, но вы мне нравитесь, Буфи, — говорит проводник, и я чувствую, как щеки мои заливают краска стыда.

Как я мог о нём так плохо подумать?

Арвин откладывает автомат, бесшумно сползает на землю и вытаскивает из кармана тонкий плетёный шнурок. Ещё секунда, и он растворяется в зарослях голубой травы.

Я смотрю, как зачарованный. Просто удивительно, как человек может двигаться так незаметно.

Проходит несколько долгих, как часы, минут. Сердце гулко стучит, будто хочет разбудить спящих. Мне начинает казаться, что всё сорвалось, сейчас вскочит разъярённый Вако с тесаком в руке и...

Но вот — тонкий свист, и я на четвереньках ползу к Келин,

Арвин держит Вако за руки, тот дёргается, пытается кричать, но шнурок стягивает его шею, не давая возможности поднять тревогу. Только бы Най его не задушил.

Келин поднимает голову и непонимающе смотрит на происходящее. Зажимаю ей рот рукой и шепчу на ухо:

— Спокойно, Келин. Сейчас мы уходим. Шансов выбраться у нас вероятно мало, но если мы останемся здесь, их не будет вообще.

Из глаз Келин уходит пустота. В них просыпается чувство. Какое? Я ещё не могу понять. Но уже хорошо, что оно появилось.

Стараясь не шуметь, собираю вещмешок, кидаю в него несколько банок консервов, флягу с водой. Что ещё?.. Оружие? Нет, никчёмный груз. Я не Арвин, и если сельва возьмётся за нас всерьёз, то автомат не поможет.

Келин стоит на опушке и ждёт меня.

Най держит Вако и с грустью говорит:

— Знаете, Буфи, я хотел бы быть таким, как вы.

Я понимаю, что он хочет сказать что-то очень для него важное, но смысл слов ускользает от меня. Надо сказать ему напоследок...

— Арвин. Тогда ты сказал, что сельва — гигантская мясорубка судеб. Нет. Сельва — это свалка. А мясорубка — на Эсте.

Входим в джунгли.

Солнце встаёт над верхушками деревьев.

Вако

Солнце встаёт над верхушками деревьев.

Арвин сдёргивает шнурок и отпускает мои руки. На коже теперь наверняка останется красная полоса.

— Тихо, — говорит Най и протягивает мне сигарету. Закуриваю и согласен киваю.

Вскоре просыпаются Брас и Пихра. Капрал разглаживает свой потрёпанный комбинезон и, не умываясь, приступает к завтраку. Брас массирует грудь и с задумчивым выражением лица бредёт ко мне.

Сейчас начнётся!..

Брас подходит, зевает и непонимающе смотрит на место, где недавно лежала Келин. Затем он обводит взглядом поляну и мгновенно замечает отсутствие Илма.

— Где они? — шипит он, хватая меня за отворот куртки. Я указываю на джунгли.

— Мерзавец, — рычит Брас. Чувствуется, что ему хочется меня ударить, но он не решается. Ситуация вышла из-под его контроля. Он просто не знает, кому теперь можно доверять.

Не спеша подходит Най.

— Оставь его, — говорит он. — Вако здесь не виноват.

— Это ты их отпустил? — спрашивает Брас.

Арвин молчит и отворачивается. Пихра отрывается от консервированного мяса и, узнав в чём дело, кричит:

— Ну и чёрт с ними. Всё равно им конец.

Капрал прав. Куда можно уйти в сельве, да ещё без оружия?

Хотя Илм мне нравился. Он напоминал мне одного сумасшедшего торговца жареными каштанами. Я был тогда мальчишкой. Подойдёшь к решётке и смотришь голодными глазами, а торговец улыбнётся и отвалит тебе горсть горячих каштанов. Без денег! Грузовик его потом сбил...

— Ладно, — говорит Брас с облегчением. Наверное, ему и самому не улыбалось пачкать руки в крови. — Остались настоящие мужчины! Деловые люди.

Арвин ухмыляется, как будто услышал самую большую глупость на свете.

— Надо решать, что делать с преследователями, — продолжает Брас.

— Организовать засаду и уничтожить, — рявкает капрал. — Не вести же их к Дереву!

Пихра на глазах подтягивается, словно очутился на параде отборных войск. Дичь почуял, старый пёс.

Стрелять я тоже люблю. Стрелять весело! Правда, в людей никогда не приходилось...

— Ну что ж. Разумно, — соглашается Брас. — Берите Вако, Пихра, и приступайте к делу.

«Берите Вако!» Будто я вещь. Полкило сыра на прилавке в трактире! Обидно, клянусь летучей пиявкой.

Капрал берётся за дело. На меня сыплются приказы и подзатыльники. Рублю деревья, натягиваю какие-то верёвки, рою ямы, развешиваю сети.

Брас сидит на мешке, уставившись в тетрадку и шевеля губами. Арвин перенёс вещи в кусты и теперь несёт караул. Раза два он палит в болото, отгоняя чудовищ, похожих на обожравшихся крыс.

Глаза Пихры горят и того и гляди выскочат из орбит. Все эти вояки — с приветом. Дай только покомандовать, горло подрать. Охрана экспедиции как-никак! Любому поиску, уходящему в сельву, придаётся солдат с огнёмётом. Жалованье, конечно, за счёт организаторов экспедиции. Неплохое жалованье, между прочим...

Но всё это пустяки по сравнению с моим золотом. Триста монет! Да на эти деньги можно весь кабак Тонца купить! Десять музыкальных автоматов расколошматить!

Только бы Брас не передумал из-за того, что я проворонил Келин и Илма...

Наконец всё готово.

Рубаха у меня совсем мокрая. Тело искусано, расцарапано.

Засада вышла какой-то странной: поляна обтянута маскировочной сеткой, деревья вдоль единственной тропинки подрублены так, что держатся на честном слове. В ямах размещаемся мы с Арвином. Пихра и ботаник скрываются в ветвях деревьев.

Текут часы ожидания.

Солнце пошло на закат.

Келин Квинн

Солнце пошло на закат.

Целый день мы пробираемся через бесконечные болота, густые сырые джунгли.

Ни я, ни Буфи не представляем, в какой стороне находится посёлок. Никому не приходило в голову замечать направление движения, и теперь даже солнце не может служить ориентиром.

Джунгли редеют, и перед нами открывается широкая величественная река. Мутные воды текут лениво и задумчиво, лишь иногда сплетаясь в водовороты, из которых торчат чёрные ветви затянутых деревьев.

— Буфи, — говорю я, стараясь не показать своего отчаяния. — Такой большой реки на нашем пути не было. Похоже, мы идём не в сторону посёлка...

Илм устало опускается на ствол поваленного дерева.

— Какая разница, в какую сторону нам теперь идти, — отвечает он, протирая стекла очков. — К посёлку мы можем выбраться только случайно. Я отдавал себе в этом отчёт, когда предложил вам бежать. Главное, мы вырвались из рук Браса.

Как это ни странно — мне не страшно. Наоборот, впервые за много лет я испытываю чувство облегчения и свободы.

— Конечно, — пытаюсь подбодрить Буфи. — Мы ведь можем встретить охотника или лесорубов. Да... мало ли что может произойти в сельве!

— Да-да! — подхватывает Илм. — Ведь есть же такая хорошая штука — везение.

К нам снова приходит хорошее настроение. Странно... Мы, взрослые люди, в глубине души уверенные, что никаких счастливых случайностей не существует, старательно обманываем себя и друг друга, и испытываем от этого радость.

— Ну что ж! — решительно говорит Буфи. — Попробуем построить плот и переправиться через реку.

Я смотрю на него — маленького, тщедушного, неуклюжего, и чувствую, как во мне поднимается тёплое чувство к этому человеку. Конечно, он не сможет построить плот, но говорить ему об этом не хочется.

Илм бодрым шагом подходит к воде и крутит головой в поисках подходящих брёвен.

Гляжу на его ноги и чувствую, как улыбка сползает с моего лица.

Бурая, в серых разводах прибрежная галька начинает шевелиться! Камни поднимаются и замирают в положениях, исключаяющих всякое понятие о равновесии. Они словно растут, раздуваются.

Ещё мгновение, и их оболочки лопаются. Из трещин выползают тонкие оранжевые нити с зелёными коготками на концах. Они тянутся к ногам Илма, а тот ничего не замечает, погрузившись в планы строительства плота.

— Буфи! — кричу, указывая на опасность.

Биолог, словно очнувшись, несколько секунд глядит себе под ноги, а затем высоко подпрыгивает, бежит от воды. Оранжевые щупальца, лишившись добычи, обиженно извиваются.

Илм, запыхавшись, приваливается к стволу дерева и глубокомысленно изрекает:

— Никогда не надо забывать о коварстве сельвы!

Я понимаю, что ситуация совсем не подходящая, но ничего не могу с собой поделаться и начинаю смеяться. Буфи непонимающе смотрит на свои разодранные сапоги и вдруг тоже заливается мальчишеским смехом.

Мы поднимаем свои вещмешки и идём вдоль реки. Теперь мне почему-то кажется, что ещё придут дни, полные радости и света.

Они придут, не могут не прийти.

Капрал Пихра

Они придут, не могут не прийти.

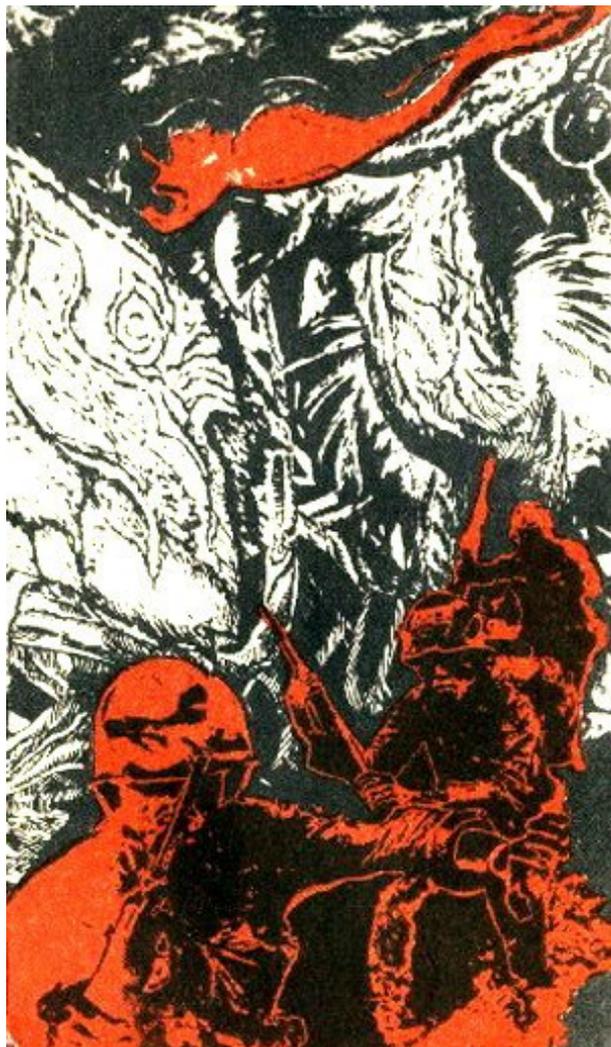
Преследователи не бросят просто так свою добычу.

В ветвях удобно, но сыро. Маленькие жучки точат кору. В ушах стоит хруст, будто тысяча сладкоежек дорвалась до запасов вафель. Тоненькие салатовые змейки скользят по лианам, посматривая на меня рубиновыми бусинами глаз. Двухголовый тарантул поймал гигантскую саранчу. Поднимается суматоха. Головы не поделили добычу, и одна из них пытается укусить другую. Ну прямо, как мы...

Серая тень проносится над поляной и скрывается в листе. Успеваю заметить лишь загнутые жёлтые когти и длинный чешуйчатый хвост.

Ничего, скоро всё это кончится. Дерево даст мне бессмертие. Восстанутся мои лёгкие, им уже не будет страшен чистый воздух Эсты. И я вернусь домой, к Марции, к детям. Как они там без меня?

Моя Марция — красавица. Чёрные глаза, статная, румяная... Как она обрадуется, когда я вернусь к ней. А мои малыши... Курчавые сорванцы! Они ведь меня очень любят. С какой гордостью они говорили приятелям: «Наш папа — капрал!» Я и сам был уверен, что делаю нужное дело. Молодой был. Дурак! А потом командир роты лейтенант-инструктор Торро научил меня уму-разуму. Хорошая наука. Я — здесь, а Торро — дома. Наверное, уже майор.



Заросли у тропинки вздрагивают. Нет, это не зверь. Я видел блеск металла. Сельва удивительна, но даже она не может сделать животное из железа.

С дерева хорошо видно, как напрягается фигура Ная. Он, конечно, тоже заметил подозрительный блеск. Вако жуёт сухарь и глядит совсем в другую сторону. Ему всё нипочём. Счастливчик!

Наконец кусты раздвигаются, и из них высовывается голова в каске. Каска обтянута сеткой, из которой торчат стебли папоротника.

Голова остаётся довольна осмотром поляны. Она на мгновение исчезает, но вскоре появляется опять, уже вместе с туловищем здорового громилы в маскировочном комбинезоне. Крепкий парень! С таким один на один лучше не встречаться.

Детина проходит к кострищу и ковыряет золу сапогом. Углей нет, не на дураков напал.

Интересно, сколько ему платит господин Страд?

Постояв с минуту, он оборачивается и негромко свистит. Из зарослей вылезают ещё трое. Молодцы — один к одному! Не хотел бы я попасть к таким в лапы. По виду — то ли гангстеры, то ли из военных. Нет, скорее профессиональные убийцы. Лица до глаз заросли щетиной, на поясах — тесаки и гранаты, за плечами — автоматические винтовки. А вот у одного... Да, это серьёзно. Огнемёт! Надеюсь, Най догадается, с кого начать.

Надо немного выждать. Вдруг в кустах остался кто-нибудь ещё?

Нет, кажется, все!

Преследователи собираются в кружок и что-то негромко обсуждают.

Пора! Лучшего момента не будет.

Подношу руку ко рту и ухаю на манер феррианской совы. Верзила в комбинезоне поднимает голову, и в тот же момент раздаётся выстрел. Парень с огнемётом валится навзничь. На его груди расплывается красное пятно.

Молодец, Арвин!

Брас бьёт длинными очередями. Вако и Най стреляют прицельно. Падает в траву ещё один. Двое оставшихся бросаются к кустам, но всюду натываются на сетку.

Мышеловка! Так и было задумано.

Верзила первым соображает, что попал в ловушку. Отстреливаясь и петляя на манер зайца, он бежал к тропе. Пули шлёпают по земле, вырывая длинные лоскуты дёрна. Второй, обезумев от страха, начинает распарывать сеть тесаком. Пунктир автоматной очереди приближается к нему и наконец пересекает его тело. Тесак выпадает из рук, парень раскачивается, повиснув в сетях вниз головой.

Господи, упокой его душу!..

А верзила ловко уворачивается от пуль. Профессионал! Настоящий мастер спиной чувствует, когда надо отпрыгнуть, когда пригнуться.

Ещё секунда, и он уйдёт. Медлить нельзя. Ничего не поделаешь.

Целью и нажимаю кнопку огнемёта.

Деревья у тропинки вспыхивают, как сухая солома, и падают, превращая дорожку в чадающий завал. Поляна объята пламенем. Оранжевые языки взмываются в небо, зажигая нависающие ветви деревьев.

И всё же верзила уходит. Его чёрная фигура в комбинезоне с горящим рукавом исчезает в болотах,

Сверху падает пылающий сук. Взвивается столб искр.

Становится жарко. Пора уходить.

Арвин Най

Становится жарко. Пора уходить.

Джунгли пылают. В любой момент может начаться реакция. Под ложечкой опять оживает тонкий холодок страха.словно на качелях, когда падаешь и чувствуешь, как сердце начинает парить в невесомости.

Капрал и Брас спрыгивают с деревьев. Там ещё жарче, и лица их — цвета варёного мяса. Комбинезоны — хоть выжимай. У Пихры тлеет рукав, но он этого не замечает. Лен весь трясётся.

Взваливаем на плечи вещмешки и спешим к воде.

— Стоп! — кричит Брас. — А где Вако?

Действительно, где Вако?

Скидываю мешок и бросаюсь назад, в беснующиеся оранжевые волны. Поляна залита огнём, будто в костёр опрокинули ведро бензина. Колоть забивает лёгкие. Лианы скручиваются змеями и выстреливают фонтанчиками горящего эфира.

Кружится голова. Плевать!.. Огонь — это привычно. Он одинаков, что на Эсте, что здесь. Чего его бояться?

Вот и яма — чёрная ножевая рана на теле сельвы. Грязь бурлит и курится дымками. Пиявки пузыряются, превращаясь в каких-то рогатых броненосцев. Разбираться некогда.

Вако...

Вако лежит, откинувшись на бруствер, как на спинку кресла. Глаза открыты и смотрят куда-то вверх. Никогда не замечал, что они голубые... А на лбу — крохотное алое пятнышко.

И кто сказал, что пуля обезображивает человека? Иногда она возвращает ему потерянный облик. Пуля мудра, палец, нажимающий на курок, — глуп! Смерть разом смахнула с лица Вако все приметы слабоумия. Человек, как человек — опустошённый, как и все в нашем мире. Даже что-то мальчишеское проступает под жёсткой щетиной.

Да, в сущности, он мальчишка и есть... Был...

Счастливчик Вако. Твой путь среди капканов закончился, а мне ещё идти и идти.

Ты не боялся смерти. Наверное, и не подозревал, что смертен. И в этом была твоя сила. Ты не ждал гибели каждую секунду, именно поэтому твоя пуля оказалась шальной.

Огонь дышит в лицо. Поворачиваюсь и бегу обратно.

— Ну что? — спрашивает Брас.

Дотрагиваюсь указательным пальцем до его лба. К чему слова? И так кругом одни пустые фразы.

— Прими, сельва, душу его... — бормочет капрал, закатывая глаза. Гипноз смерти действует и на него.

Брас открывает рот, чтобы сказать что-нибудь, приличествующее моменту, но потом машет рукой и только плотнее натягивает противомоскитную сетку. Он тоже взволнован, и в этом проглядывается настоящее человеческое чувство, а не сожаление, что потерян надёжный помощник.

Однако пора идти. Битва у безымянного болота закончилась полной победой искателей бессмертия. Гремите, трубы, бей, заслуженный полковой барабан! Вдолби в головы похитителям чужой жизни, что расправиться с кучкой наёмных убийц куда проще, чем перехитрить сельву и самого себя.

Болото, заросшее исполинским папоротником, постепенно переходит в мелководное озеро. Трясины исчезают, зато приходится по грудь брести в тёплой бурой воде. Мангры на корнях-ходулях срастаются в фантастический лабиринт. Парит. Тучи мошкеры гудят над головами, сумрак, пропитанный запахом прели, настолько сер и безнадежен, что становится страшно.

Поверхность озера рябит от всплесков. Крохотные рыбки с выпученными глазами выпрыгивают из воды, распускают радужные крылья-плавники и, сорвав с ветки лист или ягоду, падают обратно. Капрал подхватывает одну из них на лету и тут же получает чувствительный электрический удар.

Сумрак сгущается. Кроны мангров сплетаются так плотно, что даже безжалостное тропическое солнце не может пробить их зелёный заслон.

— Стоп! — слышу вдруг я собственный голос. Со мной это часто бывает. Мысли витают чёрт-те где, а инстинкт самосохранения локатором прощупывает закоулки джунглей.

Возле чёрной замшелой коряги из воды выглядывает огромный жёлтый глаз. Он, как перископ подводной лодки, неподвижен, Брас и Пихра, раскрыв рты, уставились на глаз-гигант. Они, конечно, понятия не имеют, кому он принадлежит. Но я — то знаю, что под корягой притаился квиррл — феррианская жаба, для которой заглотить остатки нашей экспедиции всё равно, что чихнуть. Приходилось встречаться.

Вскидываю автомат и от бедра даю короткую очередь. Рёв потрясает мангры, вода взлетает фонтаном. Впечатление такое, будто в озеро выпустили разъярённого кашалота.

Брас окаменел. Ещё бы! Представление — первый сорт! Специально для деловых людей.

Квиррл всплывает вверх брюхом. Шесть лягушачьих лап и прожорливая пасть размером с кузов самосвала. Вид жутковатый, но тревожит не это. Квиррлы появились давно, это не новое детище сельвы. Реакция запаздывает.

Выбираемся к берегу. Деревья расступаются.
«Подгоревший блин»!

До горизонта простирается угрюмая бурая равнина. Земля сухая и растрескавшаяся. Травы нет и в помине, лишь кое-где торчат обуглившиеся стволы деревьев. Меж кочек стелются ленты тугого серо-жёлтого дыма. Солнце печёт всюду, над равниной повисло белёсое марево.

Да, это — «подгоревший блин». Так охотники называют торфяник, в недрах которого бушует пожар. Тонкая корочка земли едва прикрывает ямы, провалы, пузыри.

— Прекрасно! — ни с того ни с сего заявляет Брас.

— Что прекрасного вы нашли в «подгоревшем блине»? — с раздражением спрашивает Пихра. Он устал и поэтому зол.

— Мы не сбились с маршрута! — Брас сияет, рассматривая карту. Капрал пытается заглянуть в неё, но Лен проворно складывает лист и сует его в нагрудный карман. Пихра сплёвывает и отходит в сторону.

— Что мы не сбились — это, конечно, хорошо, — замечаю я. — Но «подгоревший блин» — штука опасная. На торфяники даже зверье не забредает.

Брас растерян.

— Может... обойти?

С сомнением качаю головой:

— Обычно подземные пожары тянутся полосами на сотни километров. Это месяцы пути.

— Надо пробиваться, — бурчит Пихра, разгоняя ладонью облачко пыли, собравшееся над его головой.

Что мне сказать этим людям? Что переход через «блин» — почти верная смерть? Что кружной путь тоже гибель? Что Дерево помutilo наш разум, а обратной дороги нет?

Разве что-нибудь изменится, если я скажу всё это?

— Пойдём в связке, — говорю я и достаю из мешка бухту капронового шнура. — Я — первый, Брас — замыкающий. Капрал — посередине. Советую выкинуть лишнее из рюкзаков.

На землю летят банки консервированного мяса, пачки галет, кружки, котелки. Словно из цилиндра фокусника появляется колонна странствующих муравьёв и, развернув боевые порядки, набрасывается на неожиданную добычу. Челюсти крошат металл, будто это бумага или картон.

Возникает небольшая перепалка. Брас категорически отказывается выбросить пакеты с аппаратурой для анализа нектара бессмертия.

— Пеняй на себя! — кричит Пихра. — Сорвёшься — вытаскивать не буду!

Закуриваем на дорожку. Руки трясутся. Брас глотает таблетки; тоже, видно, нервишки шалят.

— Всё! — бросаю окурочок и втапываю его каблуком в землю. — Тронулись.

Зелёный ковер обрывается, будто его обрезали бритвой. Наступаю на спёкшуюся землю, и она рассыпается в прах. Осторожно, простукивая дорогу длинным шестом, веду связку к ближайшей кочке. Кочки — это островки безопасности. Это единственное место, где можно передохнуть и успокоиться.

Как щемит сердце! Кажется, его медленно зажимают в тиски. Оно трепещет — часто и мелко, как ночная бабочка, залетевшая в абажур.

Солнце палит нещадно. Пот застилает глаза. Нервы натянуты, как струна. Ещё чуть-чуть — и лопнут.

Вступаем в полосу дыма. Серо-жёлтые ленты змеями оплетают тело, забираются в лёгкие. Пихра заходится в кашле. Он сплёвывает сгустки крови, но приступ не прекращается.

И так — от кочки до кочки. Короткая передышка — и бесконечное ожидание, что вот-вот земля разверзнется под ногами. Щуп сотни раз уходит в пустоту. Приходится петлять. На полпути наст проваливается, и мы чудом успеваем выпрыгнуть из пылающей ямы.

До опушки леса остаётся всего несколько метров. Задул ветер. Пыль скручивается в тонкие дрожащие смерчи. Небо темнеет. Верхушки деревьев пригибаются к земле, роня листья и тяжёлые, налитые соком плоды.

Наверное, я на секунду ослабляю внимание. Так бывает, когда до конца опасного участка остаётся совсем немного. Напряжение спадает, и инстинкт самосохранения перестаёт срабатывать.

Так или иначе, я допускаю ошибку: не проверив путь, веду связку на какой-то подозрительно ровный участок.

Тонкая торфяная корка подламывается сразу, без предупреждающего треска. Я просто обнаруживаю, что подо мной пустота. Лечу в неё и чувствую, как волосы встают дыбом.

Спасает меня шест. Он ложится на края ямы, и я повисаю на нём, как гимнаст на трапедии. Пальцы впиваются в дерево. На секунду оборачиваюсь и вижу, как под капралом расходится земля. Ещё мгновение, и он тоже полетит в провал. Брас, свалившись мне на голову, довершит дело. Мозг молниеносно находит верное решение: повисаю на одной руке, а другой выхватываю тесак и перерубаю шнур.

Мне ещё рано умирать! А за тех, кому не повезло... Я всё равно не смогу им помочь.

Вовремя! Едва лезвие пересекает прочную нить, остатки наста проваливаются, и Брас с Пихрой падают в яму. Треск, грохот, жуткий крик где-то там, внизу...

Меня прошибает холодный пот. Конец!

Сбрасываю вещмешок и некоторое время вишу, собираясь с силами. Потом подтягиваюсь и медленно выползаю из западни. Тело тяжёлое, как пушечное ядро. Пытаюсь подняться, но ноги не слушаются. На четвереньках добираюсь до провала, догадываясь, что увижу внизу.

Заглядываю в яму и не могу сдержать возгласа изумления: метрах в трёх от края, вцепившись в уступ стены, висит капрал, а ниже раскачивается на шнуре Лен Брас. Уступ осыпается, и скоро они свалятся в пылающий торф.

— Эй! — кричу, свесив голову с обрыва, Пихра поворачивается и смотрит на меня. Брас, похоже, без сознания: он болтается, как заяц в силке. Ничего удивительного. Удушливый жёлтый дым, клубясь, поднимается вверх. Где-то в глубине мерцают пурпурные пятна углей.

Снимаю с себя остатки шнура, делаю петлю и набрасываю её на плечи капралу.

— Давай! — кричит тот.

Тяну изо всех сил, но всё впустую.

— Пихра! — ору в клубы дыма. — Руби связку! Двоих мне не вытащить.

Снизу доносится кашель и хриплый голос:

— Тащи обоих! Браса я не оставляю!

— Ты что, рехнулся?! — Я не верю своим ушам. — Погибнете вместе!

Молчание.

Чудеса!.. Пихра спасает жизнь какого-то Браса. Никогда бы не поверил. Кто угодно, но только не капрал! Хотя... Не от сладкой же жизни он угодил в сельву? Может быть, в каком-то уголке его огрубевшей души сохранилось сострадание, привязанность, жалость? Они дремали до поры до времени и вот проснулись. Сельва как то незаметно меняет нас. Можно было ожидать, что появится злость, а рождается добро...

Не знаю, как долго я тащил эту проклятую верёвку. Бросить капрала и Браса я уже не мог. Не имел права, если хотел остаться человеком.

Наконец над краем ямы появляется синее лицо Пихры. Губы почернели. Они судорожно хватают воздух. За Пихрой показывается Брас. Как он не задохнулся от дыма, болтаясь над огнедышащей пропастью?

Мы валимся на землю, и тут вздувшееся фиолетовое небо разражается тропическим ливнем. Изломанные столбы молний уходят в джунгли. Под тяжестью воды прогибается и рушится тонкая корка «блина». Огонь вступает в борьбу с влагой. Небо застилает тугой чёрный дым.

Грохот и ослепительные вспышки.

Лен Брас

Грохот и ослепительные вспышки.

Словно из морской пучины, вынырываю из забвения. Лёгкие забиты булавками, виски сдавлены раскалёнными клещами. Тяжёлые холодные капли бьют по лицу. Стараюсь поймать их губами, но не могу.

Была яма, огонь, дым. Куда всё это исчезло? Да и было ли это? Побывать в аду и вернуться?

Кто это рядом? Най. Пихра. А это? Сельва... Всё ещё сельва.

Меня поднимают, куда-то несут. Вещмешок оттягивает плечи. Да снимите же его! Ноги. Почему они не слушаются?

Листья бьют наотмашь, шипы впиваются в лицо. Кровь тычет, а боли нет.

Как сыро, холодно. Меня трясёт. Наверное, внутри у меня моторчик. Най, скажи, что у меня в груди?

А кто такой я?

Я — это человек без лица и имени. Я отдал их сам, добровольно. Ради чего? Ради того, чтобы чувствовать себя человеком, чтобы не унижаться перед теми, кого презираю.

Путь вверх. Труден этот путь, труднее всех дорог сельвы. «Учись, сынок, — говорил отец. — Сожми зубы и учись. Труд безземельного крестьянина — это рабство». И я учился. Грузил ночью вагоны, учился днём.

Нет, иллюзий не было. Я быстро понял, что путь вверх — то же рабство: чтобы подняться на ступеньку, надо скинуть своё достоинство в пролёт.

Судьба не дала мне покровителей, талантов, денег. Она в избытке наделила меня лишь одним — упрямством и желанием подняться над своей средой.

Так я и взбирался. Как калека по пожарной лестнице.

Там, где другие летели, я полз. И мудрость посетила меня. «Служи — и обгонишь тех, кто обогнал тебя, — сказала она. — Будь псом и получишь кость».

И я служил. Где другие крали, я был честен. Когда друзья предавали друзей, я хранил верность.

Самую грязную работу поручают тем, кому доверяют. Чем больше верности, тем больше доверия. Чем больше доверия, тем грязнее работа.

«Ты пойдёшь в сельву».

«Да, шеф!»

«Ты найдёшь Дерево Жизни».

«Да, шеф!».

«Ты уничтожишь всех, кто встанет на твоём пути. Ты возьмёшь себе другое имя».

«Да, да!»

«Тебе сделают пластическую операцию».

«Да».

Боже!

Какая боль в груди...

Арвин Най

Какая боль в груди...

Я задремал, и какой-то жучок, прорезав ткань комбинезона, впился мне в тело. Отдираю насекомое и забрасываю его далеко в кусты.

Рассвет сер и размыт. Так бывает только после многочасового тропического ливня. Тишина такая, будто в уши тебе затолкали по рулону ваты. Только капли — тук, тук, тук — прыгают с листа на листок. Верхушки деревьев тонут в тумане, прижимающем мир к земле.

В такое утро хочется быть счастливым, таким же мягким и спокойным, как этот идущий ниоткуда свет.

Поднимаюсь с мешка и передёргиваю плечами. Прохладно. Пихра спит, разметавшись, уткнув лицо в складки плаща. Ни дать ни взять — работа-га-лесоруб, застигнутый в лесу непогодой.

С удивлением замечаю, что не испытываю к капралу неприязни. Наоборот, видится мне в нём что-то знакомое, доброе...

Брас тоже спит. Кулаки прижаты к груди, тело выгнулось. Натерпелся вчера, бедняга. Столько пережить, и всё ради чего?

Нет, пожалуй, он не спит... Тело не поднимается в такт дыханию.

Мёртв! Рука его холодна, как камень.

Сердечный приступ.

Неужели те, кто послал его, не знали, что у него большое сердце? Знали! Конечно, знали. Хотя кого сейчас интересует Брас? Он всё глотал, глотал свои таблетки, стараясь оттянуть неизбежное, выполняя приказ тех, кто за глаза называл его псом.

На плечо мне ложится тяжёлая рука капрала. Со сна он не может понять, что произошло, и таращит мутные глаза на скрюченное холодное тело Лена Браса.

— Он умер, — говорю тихо.

Капрал вздрагивает.

— Что за странные люди мы с тобой, Арвин, — говорит он каким-то хриплым, чужим голосом. — Вынесли, наверное, больше, чем кто-либо, а сердечный приступ нас не взял... Может, джунгли ставят над нами опыт? Может, они хотят вернуть нам те душевные качества, которые мы с тобой почти потеряли?

Наверное, Пихра прав. Заколдованный круг. Сельва не хочет убивать нас. Она играет, развлекается, давая нам возможность самим отыскать свою судьбу в её трясилах.

Нагибаюсь и вытаскиваю из кармана Браса сложенный вчетверо лист карты.

— Ему она больше не понадобится, — говорю я и чувствую, как в голосе появляется оттенок неуверенности и вины. — А Дерево, быть может, вернёт двум отверженным радость жизни.

Капрал понимающе хлопает меня по плечу.

Заворачиваем тело Браса в плащ.

Похороны устраиваем по обычаю феррианских лесорубов. Капрал ловит первую попавшуюся лиану-удавку и прижимает её к земле. Пропускаем в петли плаща тонкие, но прочные воздушные корешки. Лиана натягивается и медленно ползёт вверх, поднимая брезентовый свёрток к вершинам деревьев. В нужный момент подрубаю стембель. Растение дёргается и замирает.

Всё!

Теперь до человека без имени и лица не доберутся обитатели джунглей. Он будет долго раскачиваться над поляной, где остановилось его сердце.

Гляжу на страшный маятник.

К горлу подкатывает тугой комок.

Капрал Пихра

К горлу подкатывает тугой комок.

Надо держать себя в руках. Горько. Не знаю уж как, но я успел сродниться с этими людьми. Раньше внимания не обратил бы, а теперь...

Пора идти. Проклятая огненная яма проглотила все наши вещи и оружие. Пропал мой верный огнемёт. Пришлось бросить, иначе сам бы остался в горящем торфе.

На двоих — один автомат Браса. Два тесака, вещмешок...

Развязываю тесёмки. Сверху идут пласты грязного белья. А вот галеты! Это хорошо! Три банки мясных консервов. Прекрасно! Пробирки, колбочки, какой-то хитрый аппарат... Это Брасу надо было для исследования Дерева Жизни. Нам с Арвином пробирки не понадобятся. По глотку бессмертия — и начнётся новая жизнь!

Ну вот, кажется, и всё. На минуту снимаем шлемы, а затем, не оглядываясь, идём в сельву.

Входим в лес и тут же попадаем в облако мошкеры. Она настолько мелка, что умудряется пролезть сквозь ячейки mosquito-сетки. Дорога тяжёлая: ноги поминутно вязнут в грязи. Спина Ная — в темных пятнах пота. Он дышит со свистом, прорубая коридор в переплетённых колючих зарослях. Из листвы выползают крошечные салатные змейки и, стрельнув взглядом, бесшумно исчезают. Скорпионы бормочут о чайных розах.

— Капрал, — раздаётся голос Ная. — Ты никогда не рассказывал, как попал в сельву.

Я не отвечаю. О таких вещах не принято болтать. Хотя почему бы и нет? Мы же теперь вроде как братья. Одной верёвочкой связаны. Да и вернётся ли кто из нас в посёлок?

Как же это произошло? Подробностей теперь и не припомнишь. Жизнь моя текла спокойно и ровно, и так же незаметно я оказался на самом дне.

Меня вполне удовлетворяла гарнизонная служба на одной из военных баз в предместье столицы. Была, конечно, и стрельба, и марш-броски, и муштра до тумана в глазах. Эста — местечко тоже не из спокойных, но пока за это платили, я был доволен. Намыкавшись с новобранцами, я возвращался домой, где меня встречали Марция и двое курчавых ребятшек, похожих на меня, как две капли воды.

Я был счастлив.

В один из дождливых осенних вечеров меня вызвал командир нашей роты лейтенант-инструктор Торро. Он был раздражительным и грубым, но, когда хотел, мог очень ловко прикинуться добряком.

— Пихра, — сказал он, постукивая золотой зажигалкой по поверхности крашеного деревянного стола. — Я уже давно присматриваюсь к вам и с удовлетворением могу отметить, что вы дельный, толковый парень.

Я, кажется, покраснел от удовольствия. Чёрт побери, каким же болваном я был!

— Так вот. Мне очень обидно за вас. Такой способный человек и так мало зарабатывает. Это просто несправедливо. На днях я увидел ваших ребятшек, и — не обижайтесь, пожалуйста, — мне показалось, что они одеты хуже своих сверстников. Правда, может быть, мне это просто показалось?..

Я опять покраснел, на сей раз от стыда. Лейтенант был хитёр. Он шал, в какое место надо бить Пихру, чтобы тот сломался.

Удовлетворившись моим подавленным видом, Торро заметил:

— Хочу предложить вам небольшое дело, в котором мне потребуется помощник. Он у меня был, но... теперь место вакантно.

Я быстро сообразил, что речь идёт о Тройе — молодом франтоватом капрале-приёмщике оружейного склада, найденном несколькими днями раньше на одной из пустынных улиц столицы с пулей в голове.

А дельце действительно оказалось простым и прибыльным. Я просто создавал на складе излишки неучтённого оружия, манипулируя ведомостями и накладными. Автоматы, патроны, гранаты и даже небольшие безоткатные

орудия — всё шло в дело. В определённые дни к складам подъезжал армейский грузовик с номером, замазанным грязью, я отгружал товар, и машина уходила. Куда поступало оружие, Торро не объяснял, но несложно было догадаться, что получателями его являются гангстеры, преступные синдикаты, многочисленные военизированные группировки, ратовавшие за «твёрдую руку» в управлении государством.

Со временем я узнал, что помощников вроде меня у Торро было великое множество. И не только на нашей базе. Предприимчивый лейтенант-инструктор собирал дань и с торговцев наркотиками, промышлявших в солдатских бараках, и с сержантов-ростовщиков, державших в зависимости половину личного состава.

Помощникам, естественно, перепали крохи. Основные барыши шли Торро и тем, кто за ним стоял. А за ним определённо кто-то стоял, иначе предприятие развалилось бы в первую неделю своего существования.

Нелегальный промысел давал неплохой доход, и соплек Тройо попросил прибавки. Он её получил в виде разрывной пули. У меня же хватило ума ограничиться своей долей.

Стыдно ли мне было? Сначала — да. Но скоро стыд как-то потускнел, размылся. Иногда я будто просыпался и вспоминал, что делаю что-то не очень хорошее, однако мысли, что я — преступник, не возникало.

Жизнь моя быстро свернула в новое русло. Я даже начал находить в ней удовольствие. Ещё бы: я мог позволить себе многое из того, о чём раньше не осмеливался и мечтать.

Нет, я продолжал любить Марцию и детей, но даже им не смел рассказать, откуда у нас появились новые красивые вещи, дорогие продукты... Наверное, только перед ними я действительно чувствовал стыд.

Скоро Марция начала догадываться, что наше благосостояние добыто преступным путём. Я врал, она замыкалась... Так могло продолжаться очень долго, если бы не желание одного политического деятеля сделать себе карьеру.

Случайность или закономерность?

Буфи Или

Случайность или закономерность?

Мы идём по сельве и до сих пор ещё живы. Болота сменились невысокими лесистыми холмами. Собственно, это уже и не сельва в её традиционном понимании. Всё меньше и меньше попадаетея трансформирующихся животных и растений. Реже встречаются говорящие скорпионы, почти исчезли лианы-удавки.

Случайность или закономерность?

В последнее время меня всё больше мучает этот вопрос. Кто или что помогло нам выбраться из бездонных трясин, предотвратило нападение хищников? Неужели это просто случайность? Тогда было бы очень обидно. И всё же мне кажется, что сельва сложнее и... добрее, чем представляется на первый взгляд.

Однако куда же мы идём? Вернее — куда придём? И есть ли цель и конец у нашего пути? Не можем же мы блуждать вечно!

Келин сильно устала, но старается не показать этого. Как преобразилась она, оказавшись вне досягаемости для Страда и Браса. Спасибо Арвину! Без его помощи мы не смогли бы уйти из западни. Однако Келин всё равно не верит в благополучный исход побега.

А сам-то я верю в счастливый конец нашей истории? Наверное, да. Не смогу объяснить, почему. Что-то поддерживает меня в этом убеждении. Может, я просто оптимист по складу характера и хочу во всём видеть только счастливый конец? Как в сказках... Недаром Най назвал меня ребёнком.

Деревья расступаются, и мы оказываемся на огромной светлой поляне. Никогда не думал, что в селве существуют такие большие открытые пространства.

— Как красиво! — говорит Келин, дотрагиваясь до моей руки.

Густая, в пояс трава кланяется на ветру. Россыпи мелких голубых цветков туманом укутывают стебли и колосья. Крохотные малиновые птички порхают над зелёными волнами, охотясь на мошек и комаров.

— Действительно чудесно, — соглашаюсь я.

И тут я обращаю внимание на приглушенное жужжание, доносящееся откуда-то с вершин деревьев. Задираю голову и вижу, как тёмное облако опускается на поляну.

По спине бегут мурашки. Это не облако. Это рой диких пчёл — огромных, лохматых, грозных. Янтарные, с чёрной полосой спинки, прозрачные радужные крылья, острые гранёные жала...

Келин кричит и пытается бежать, но пчёлы пригоняют её обратно и начинают прижимать нас к земле. Падаем в траву. Жужжание перерастает в гул.

Неужели конец? Так глупо...

В это время стена травы раздвигается и на поляну выходит человек.

Старик.

Капрал Пихра

Старик.

Воспоминания обладают способностью старить человека. Счастлив тот, кто лишён памяти.

Прихожу в себя на огромной светлой поляне с раскидистым деревом посередине. Славная картинка: шёлковая трава, голубое небо. Прекрасный островок в гниющих болотах.

Но Наю что-то не нравится. Его волчий нюх не позволяет идти дальше. Достāju карту и пытаюсь сориентировать её по солнцу. Всё верно: вот она, граница трясин, вот дерево...

Что же тревожит Арвина?

— Послушай, — говорю я и выхожу немного вперёд. — Здесь же ничего нет. Твёрдая земля, простреливаемое пространство.

— Не знаю... Вроде бы всё как надо, и в то же время что-то не так. То ли слишком много жёлтой пыльцы, то ли какое-то подозрительное дрожание в ветвях дерева... Психую я что-то в последнее время. Всё жду реакции сельвы на пожар. А она запаздывает. Очень заметно запаздывает.

Тьфу! Меня начинает злить его подозрительность. Интуиция — это хорошо, но нельзя без конца оправдывать его, свой страх!

— Най! Так мы никогда не доберёмся до Дерева Жизни. Джунгли полны капканов, и если мы будем обходить каждое место, где твой внутренний голос начнёт поднимать панику, то просто подохнем от голода.

Арвин молчит и о чём-то размышляет. Разум подсказывает ему одно, чутье — другое. Я понимаю, что это трудный выбор, и, чтобы не мешать, отхожу в сторону.

— Пошли, — наконец говорит Най.

Трава рассыпается под нашими сапогами.

Удивительное место! Даже солнце здесь какое-то другое. Лучи его по-весеннему чисты и ласковы. Пыльца купается в них, собираясь в невесомые жёлтые кружева.

Одинокое дерево ничем не отличается от своих лесных собратьев. Может быть, оно только сильнее, раскидистее. Это роль — феррианский тополь. Древесина его идёт на изготовление дорогой бархатно-серой мебели. Ствол этого гиганта мог бы озолотить какого-нибудь лесоруба. Конечно, если бы тот сумел дотащить его до посёлка.

Всё спокойно. Крошечные яркие птички беззаботно порхают. Уж если и они не чувствуют опасности, то чего же тогда боится Арвин?

— Что это? — говорит он, вдруг останавливаясь.

Мы всего в нескольких метрах от ролля. Обыкновенное дерево, только земля под ним утыкана длинными красными иглами.

Задираем головы и различаем в тугом переплетении ветвей огромные метёлки игл.

— Иглы на ролле?.. — спрашиваю я, недоумевая.

Най не отвечает. Он, как зачарованный, глядит на красные глянцевые плоды. На первый взгляд, они висят неподвижно, но, приглядевшись, можно заметить, что иглы вибрируют, а плодоножки двигаются в каком-то необычном ритме.

Наконец дерево вздрагивает, и тысячи игл со свистом летят во все стороны.

— Ложись! — кричит Най и падает в траву.

Бросаюсь на землю и, как на учениях, разворачиваюсь к роллю ногами.

Наверное, это меня и спасает.

Поляну затягивает облаком зелёного тумана. Над ухом визжат тополиные стрелы. Оборачиваюсь и вижу, что игл вокруг намного прибавилось. Одна из них торчит в боку Ная. Арвин сжал зубы, пытаюсь подавить крик боли. Ползу к нему, натываясь коленями на колючки.

— Быстрее! Тащи!.. — мычит Най и, как лошадь, укушенная слепнем, мотает головой.

Ствол ролля опять гудит и вибрирует.

Хватаю Арвина за воротник комбинезона и, упиравшись в землю каблуками, волоку его к границе джунглей.

Только бы успеть! Кровь колотится в висках.

Зачем мне всё это? Один бы я давно убежал из опасной зоны, но я всё тащу и тащу тяжёлое, как камень, тело Най. Раньше я бы и не подумал рисковать жизнью за кого-либо. Что же произошло?

Ролль раскидывает свои семена, когда мы всего в нескольких метрах от леса. Иголки уже не могут долететь до нас. Вот она — реакция сельвы. Арвин, как всегда, прав. Ферра не забывает причинённой ей боли. Сельва просто поменяла безобидные тополиные «вертолётки» на иглы, но сколько горя она принесла этой заменой. Представляю, как выглядят сейчас лесоразработки...

Арвин начинает кричать — тонко, по-звериному.

Выхватываю тесак и двумя движениями распарываю комбинезон. Игла — хрупкая, как стекло, — ломается в руках. Наконец выдёргиваю её, и из раны бежит струя чёрной крови.

Бинт! Нужен бинт!..

Зубами отрываю от рубашки узкую длинную ленту. Накладываю повязку и даю Арвину глоток воды из фляги.

— Сигарету! — хрипит он.

— Давно кончились, — отвечаю я и чувствую, что сейчас поменял бы жизнь на щепотку табака.

Две букашки с обломанными крыльями.

Арвин Най

Две букашки с обломанными крыльями.

Что есть наше существование? Бесконечная вереница предательств? А может, всё не так мрачно? Вытащил же меня Пихра из-под ролля, хотя никакой выгоды для себя от этого получить не может. Сельва, вернее, трудности, которые мы сами создаём себе в её дебрях, перевоспитывают нас, пытаются переделать наше сознание. Враги незаметно становятся друзьями — разве за одно это не стоит блуждать по влажным, жарким, бесконечным лесам?

Как жжёт между рёбер... Проклятая игла! Она — выпустила яд в мою кровь. Глаза слипаются, будто к векам подвесили гири. Вязкая и чёрная пустота.

Апатия. Противно представить, что надо вставать и идти куда-то, когда не видишь в этом ни малейшего смысла.

Со мной такое уже было — в пересылочном изоляторе полицейского управления.

Студенты — народ весёлый! Студенческие годы, как правило, тоже самые радостные годы в жизни человека. Сила, оптимизм, энтузиазм. А какие грандиозные планы!.. На их выполнение не хватило бы и десяти жизней. Молодой ум не может не искать выходов из тупиков. Там, где старость смиряется, молодость воюет. Глупо, взбалмошно, не с тем и не так, но воюет!

Мои же студенческие годы закончились катастрофой, ломкой всех грандиозных планов.

Конечно, не всем удаётся найти денег на оплату учёбы в университете. В этом смысле мне повезло. Мой дед — легендарный охотник за голубыми тушканчиками на крошечной планете — спутнике Велле, сумел сколотить небольшой капиталец, который и завещал мне для оплаты моего образования. Я видел его фотографию: сильный старик. От него мне перешли не только деньги, но и огненные рыжие волосы, и глаза цвета зелёного бутылочного стекла...

Итак, студенческие годы. В те далёкие времена одни знания меня не удовлетворяли. Я был молод, полон энергии и желания делать что-нибудь важное, бороться с несправедливостью. И вот я попал в студенческую группу, пытавшуюся противостоять реакционной реформе университета. Цель была благородной, но теперь, с вершины лет, я ясно вижу, что, не попади я в нашу группу, меня бы без труда зацепила любая другая организация вплоть до страшной «военизированной молодёжи» или «Борцов за твёрдый кулак». У меня не было своих убеждений, да и откуда им было взяться, когда с детства телевидение накачивает тебя дикой смесью из рекламы и боевиков?

Я был, как любили тогда выражаться, примкнувшим. Может быть, со временем из меня и вышел бы хороший боец, но этому не суждено было случиться.

Университет гудел, как развороченный улей. Старейшее учебное заведение страны находилось в состоянии неустойчивого равновесия. Демонстрации, митинги, стычки с «военизированной молодёжью» и затянутыми в защитные комбинезоны борцами за твёрдый кулак, которые, естественно, приветствовали реформу университета.

Во время одной из демонстраций провокатор бросил бутылку с зажигательной смесью в полицейский бронетранспортёр. Это послужило сигналом для избиения демонстрантов. До сих пор я не могу без ужаса вспоминать события того вечера. Свист дубинок и стальных прутьев, газовые бомбы, выстрелы, озверевшие лица и пустые глаза молодчиков из «военизированной молодёжи»...

Очнулся я в полицейском участке, весь в крови, со сломанной рукой.

Меня приволокли в комнату допросов, где за дубовым столом улыбался толстый добродушный полицейский с нашивками капитана:

— Проходите, садитесь, не стесняйтесь, — сказал он, протягивая мне сигареты. — Только предупреждаю: если вы решите меня убить, не планируйте воспользоваться стулом. Он крепко привинчен к полу!

Полицейский захохотал, очень довольный своей шуткой. С трудом вернувшись к серьёзному настроению, он приказал принести мои вещи.

К моему глубочайшему удивлению, из кармана моего пальто проворные руки сержанта вытащили... бутылку с зажигательной смесью.

— Не очень-то хорошо жечь бронетранспортёры, — заметил капитан.

— Вы её подложили! — крикнул я.

— Конечно, — сразу согласился толстяк полицейский. — Только, кроме вас и меня, никто об этом не знает. Однако, бутылка может исчезнуть, если вы согласитесь дать небольшую информацию по вашему движению. В этом случае сержант ничего не видел.

Сержант в подтверждение этих слов надвинул на глаза фуражку и захрапел.

Предательство — самый тяжкий грех. Я считал так тогда, считаю так и теперь. Поэтому я здесь — в сельве...

Прошли годы. Из памяти исчезли даты, имена, а страх остался.

Скорее бы конец.

Капрал Пихра

Скорее бы конец.

Третий день бредём через джунгли, ориентируясь по редким солнечным лучам, пробивающимся сквозь сросшиеся кроны деревьев.

Най опирается на суковатую палку как на костыль. Рана воспалилась, и правая нога почти не сгибается. Его трясёт лихорадка, но он по-прежнему зорек и подозрителен. Только благодаря ему нам вовремя удалось избежать встречи с двумя монстрами, рыскавшими по джунглям в поисках поживы.

Арвин всё чаще падает, и мне приходится поддерживать его. Ещё день-два, и он не сможет идти.

Меня тоже пошатывает от голода. Галеты кончились, а съедобных плодов почему-то не попадается.

Как же я оказался здесь? Отчего обрёл себя на страдания? Есть ли смысл во всём происходящем? Да и что, собственно, происходит с миром и со мной, как его крохотной частичкой? Кто сможет ответить на эти вопросы? Арвин? Нет. Если бы он мог это сделать, то не полз бы сейчас рядом.

Сельва?.. Она, конечно, знает. Ведь это она — машина перерождения и замаливания грехов. И только каждому из нас известно, как велики эти грехи.

Почему я не отрубил руку, бравшую деньги лейтенанта-инструктора Торро?!

В тот злосчастный вечер я, как обычно, торчал в гарнизонном кабаке. Настроение было паршивым, и я пытался улучшить его при помощи джина с тоником.

Часа через полтора пришёл Торро. Он плюхнулся возле меня и, обхватив голову, что-то промывчал.

— Что? — переспросил я.

— Конец. Крышка! — крикнул лейтенант, уставившись на меня мутными красными глазами. Он залпом осушил стакан воды и взволнованно зашептал: — Ты слышал о том молодом генерале, который пообещал президенту, что очистит ряды армии от взяточников и расхитителей? Он, конечно, больше политик, чем военный. Тем оно и страшнее! Так вот: он добрался и до нашей базы!

— Ну и что! — ухмыльнулся я, не осознавая непоправимости случившегося. — Пусть докажет, если сможет. Ни один террорист не даст против нас показаний.

— Если прижмут, даст, — Торро посмотрел на меня, как на дремучую деревенщину. — И потом... копать ведь начнёт! Могут вылезти делишки и посерьёзнее торговли оружием...

Улыбка мигом слетела с моего лица.

— Что ты мелешь! Какие делишки? Я ничего не знаю!

— Правильно, ты ничего не знаешь. Но тебе расскажут об этом потом, когда будут зачитывать приговор!

Наверное, в тот момент я впервые понял, в какую трясиину попал.

— И что же теперь делать? — я старался говорить спокойно, но голос предательски дрожал.

— Пихра, — отеческим тоном начал лейтенант-инструктор. — Чтобы расследование заглохло, надо ему кого-то подсунуть. Нужно, чтобы кто-то взял вину на себя. Хотя бы часть вины, чтобы на поверхность не выплыла её другая, большая часть.

— Но кого?

— Тебя. Пойми, другого выхода нет. Дело ограничится переводом на Ферру, в экспедиционный корпус. И все будут довольны! Думаешь, этому генералу-политику понадобилась справедливость? Как бы не так! Он борется за удобное кресло и только! А тебя не забудут. Процент на твой счёт в банке будет идти аккуратно. Да и на Ферре будешь жить не хуже, чем на курорте. А вернёшься домой...

Дослушать я не успел, потому что Торро не успел договорить. Моя рука вдруг поднялась над стойкой и опустилась на голову лейтенанта-инструктора. Тот мешком свалился на пол и остался лежать среди окурков и бумажек от жевательной резинки.

Словно из-под земли вырос военный патруль, и скоро я валялся на столе, связанный по рукам и ногам.

Разбирательство тянулось долго. Торро, как и следовало ожидать, от всего отвертелся. Покровители не дали его в обиду, а может, испугались за своё благополучие. Негодяй Торро определённо был «талантливым человеком».

Не могу сказать, что ход разбирательства меня не интересовал. Конечно, хотелось отделаться полегче, но по-настоящему меня волновало только одно: как всё случившееся отразится на детях, жене, наших отношениях.

Всё закончилось, как и предвидел Торро. Все грехи списала на меня, генерал-правдолюбец занял вожделенный пост и успокоился. Постепенно дело заглохло, и я был переведён в феррианский экспедиционный корпус. Даже без понижения в звании...

— Пихра, — раздался глухой, словно вырвавшийся из могилы голос Ная. — Мы сбились с пути.

Достаю карту и пытаюсь определить, куда мы попали. Огромный лесной массив расплзся на бумаге уродливой кляксой, красный пунктир марш-

рута рассёк его пополам. И никаких ориентиров, кроме ненадёжных солнечных лучей.

Арвин тяжело опускается на кочку. Глаза его блестят. Вдруг, взмахнув рукой, Най на лету ловит стрекозу и подносит её к лицу. Он долго рассматривает насекомое, затем разжимает кулак. Стрекоза некоторое время вхолостую вращает радужными крыльями, потом, справившись с испугом, срывается и уносится в небо.

— Надо идти, — говорю скорее себе, чем Арвину. — Необходимо выбраться из топей. Здесь мы умрём от голода.

Най кивает и делает попытку подняться, но ноги не слушаются. Поддерживаю его за локоть, давая возможность опереться на костыль. На измученном лице Арвина появляется улыбка. Давно я не видел его улыбающимся. Не знаю, почему, вдруг ощущаю прилив сил, Вроде и болото стало светлее и мельче...

И действительно, вскоре деревья расступаются, давая место горячим солнечным лучам.

Продираюсь сквозь сплошную стену колючего кустарника и падаю в траву.

Арвин Най

Продираюсь сквозь сплошную стену колючего кустарника и падаю в траву.

Рядом хрипит Пихра.

Как он тогда сказал: «Мы с тобой теперь вроде братьев?» А ведь действительно похоже: и цель, и судьба едины.

Поднимаю голову и вижу тихую светлую поляну. На краю её — хижина, утопающая в зарослях цветного бамбука. После подвального полумрака сельвы яркие краски ласкают взгляд.

С трудом поднимаемся и, шатаясь, бредём к хижине.

Из кустов вылезает десятка полтора глиняных человечков. Они рассеиваются по поляне и, крутя безглазыми головами, принимаются разыгрывать свою вечную пантомиму. Куклы маршируют, сбиваются в тесные группы, присаживаются, падают на землю.

Никто ещё не смог объяснить, какие силы приводят их в движение. Аборигены просто лепят человечков из мягкой речной глины, и те оживают, включаясь в непонятную, немного жутковатую игру. Зачем аборигены делают глиняных человечков? Никто не знает. И всё же какой-то смысл в их существовании определённо есть.

Дельцы-перекупщики — люди энергичные и предприимчивые — пытались наладить экспорт кукол на Эсту, но вне сельвы те мгновенно превращались в обыкновенные куски глины. Против воли на ум приходит аналогия с человеком, лёгкие которого поражены жёлтыми спорами.

В хижине тихо и прохладно. Крыша из пальмовых листьев дышит на лёгком ветерке, работая лучше любого кондиционера. Утрамбованный земляной пол чист, будто по нему секунду назад прошлишь влажным веником.

Ажурные живые стены пропускают внутрь красноватые лучи заходящего солнца. Но самое удивительное, что этот чудесный дом сработан без помощи пилы и топора. Сельва сама построила его по одной ей известному проекту. Корни деревьев превратились в балки и колонны, ветви сплелись в стены, листва образовала надёжную неувядающую кровлю. Как говорил Буфи Илм: «Аборигены — частица сельвы, а разве целое обидит свою часть?» Воистину так! Жалко только, что этот мудрый закон не всегда распространяется на человеческое общество. Хотя... свой замок надо строить своими руками.

— Эй, есть тут кто живой? — кричит капрал. Ответом ему служит молчание. Да... Наше вторжение в сельву обошлось её обитателям гораздо дороже, чем нам самим. Что болота и монстры по сравнению с болезнетворными микробами? Наверное, когда-то и этот посёлок был полон жизни, смеха, суеты,

Идём к дверям и сталкиваемся со стариком аборигеном, несущим в руках охапку свежей травы. Глаза его черны и бездонны. Сухое обнажённое тело молодо, голова же седа.

Над стариком вьются две огромные чёрно-жёлтые пчёлы. Они рассерженно гудят и выпускают свои страшные ядовитые жала.

Абориген машет рукой, и пчёлы улетают.

— Привет, — машинально говорит Пихра, совершенно забыв, что лесной житель не может его понять.

Старик молчит. Его глаза косятся на автомат и закатываются под веки. Может, таким образом у аборигенов принято выражать своё неудовольствие?

Мы собираемся знаками дать понять старику, что хотим есть, но в этот момент с поляны доносится громкий заразительный смех.

Пихра отбрасывает старика в сторону и одним прыжком преодолевает расстояние в несколько метров. Автомат оживает в его руках: щёлкает предохранитель, с хрустом входит в гнездо тяжёлый рожок.

Опираясь на палку, ковыляю к выходу. На секунду забываю о боли в боку: прямо перед нами целые и невредимые стоят Буфи Илм и Келин Квинн...

Биолог держит в руках какие-то крупные жёлтые плоды, на голове женщины венки.

Удивительная встреча!

Буфи Илм

Удивительная встреча!

Глаза капрала полезли на лоб. Кажется, он вот-вот выронит автомат. Най привалился к стене хижины, наверное, впервые в жизни забыв об осторожности.

Келин испугалась. Чувствую, как напряглось её тело, в глазах проснулся страх. Капрал для неё — символ опасности, и сколько ещё должно пройти времени, прежде чем она поймёт, что настоящая опасность носит доголой костюм, а не грязный рваный комбинезон.

Я удивлён не меньше, чем Келин, однако страха не ощущаю. Наоборот — как это ни странно, мне радостно видеть Арвина и Пихру. Только теперь начинаю осознавать, как много они для меня значат. Люди, вместе прошедшие тяжёлое испытание, не могут оставаться чужими.

— Буфи! — кричит Арвин наконец приди в себя. — Не верю своим глазам! Вы живы, а ведь мы были уверены, что сельва давно расправилась с вами.

— Как видите, мы целы и невредимы, — отвечаю я, улыбаясь. — Не знаю, чем это объясняется, но тем не менее это факт!

— Везение. Удивительное везение! — подаёт голос капрал.

— Не думаю, что только оно, — говорю я и в этот момент замечаю, что грудь Ная обмотана тряпками, насквозь пропитавшимися кровью.

— Вы ранены, Арвин? — спрашиваю я, и будто в подтверждение моих слов лицо проводника бледнеет, и он сползает в траву.

Бросаемся к нему и осторожно переносим его в хижину. Келин бежит за водой, а мы с капралом понемногу начинаем разматывать повязку. Ткань присохла, приходится срезать её ножом.

Наконец сходит последний слой, и открывается страшная рана. Тело вокруг неё посинело, опухло. Под истончившейся кожей обозначились чёрные клубки вен.

Дело плохо. Похоже на заражение.

Делаю надрез и промываю рану. Подходит старик абориген, протягивает мне толстый, будто покрытый воском лист. Прикладываю его к ране и делаю свежую повязку.

Видимо, задеваю Арвина неловким движением, потому что он приходит в себя и морщится от боли.

— Ну как? — спрашивает Пихра.

С удивлением отмечаю в его голосе неподдельное волнение.

— Ничего. И не из таких передраг выкарабкивались, — говорит Най. Он очень старается, чтобы голос его звучал бодро.

Возвращается Келин с каской, полной воды. Арвин жадно пьёт, а потом обессиленно откидывается на руки капрала.

Келин забыла о своих страхах и теперь с жалостью смотрит на измученных сельвой людей.

— Как же вы дошли сюда? — спрашивает Арвин, и по всему чувствуется, что вопрос этот его очень волнует. — Даже нам с капралом эта дорога показалась адом, а ведь у нас было оружие, опыт...

— Одна и та же дорога может быть покрыта мягкой травой и ядовитыми шипами, — отвечает Келин и сама пугается своей смелости.

— Действительно, — подтверждаю я. — Сельва словно играла с нами. Как котёнок, который, если и покажет коготки, то совсем маленькие и не опасные. Может, она чувствовала, что мы не способны причинить ей вреда?

— Ерунда! — рубит воздух ладонью капрал. — Вы же сами говорили, что сельва и не замечает присутствия человека.

— Зато она очень хорошо чувствует результаты его присутствия. Сельва намного сложнее всего, что мы можем думать о ней.

— И всё же слишком много совпадений, чтобы не заподозрить в этом какой-то смысл, — неожиданно поддерживает меня Арвин. — Джунгли бесконечные, но мы все почему-то приходим в одно место.

— Ну мы-то не сами сюда пришли, — отвечает Келин. — Скорее нас с Буфи сюда привели.

— Кто же это? — не верит капрал.

— Он, — указываю на старика, колдующего над лесными травами и цветами. — Пчёлы нашли нас, а он привёл.

Словно на зов, прилетает огромная мохнатая пчела и, покружив над нашими головами, садится на плечо старика.

— Пчёлы у него вроде сторожевых собак или помощников. Когда они прижали нас к земле, я подумала, что сельва приготовила для нас самую мучительную смерть, — Келин передёргивает плечами, а затем заразительно смеётся. Я смотрю на неё и тоже не могу сдержать улыбки. Даже суровый капрал добродушно качает головой и хлопает себя по коленям.

— Зачем же ему понадобилось вести вас к хижине? — спрашивает Арвин, безмерно удивлённый рассказом Келин.

— Можно только гадать.

— Может, ему просто одиноко? — робко спрашивает Келин, — Глиняные человечки не заменят живых людей.

— Похоже, Келин отчасти права, — подтверждаю я. — Конечно, дело не совсем в одиночестве, но пчёлы старика определённо «натасканы» на людей, терпящих в сельве бедствие.

Арвин и капрал непонимающе смотрят на меня.

— Дело в том, что неделю назад они привели сюда ещё одного человека...

Пихра поднимается и берет в руки автомат.

— Где он?

— Отложите автомат, капрал, — говорю я. — Он вам не понадобится.

Арвин тоже с трудом встаёт.

— Ведите, — говорит он, опираясь на палку.

Прохожу в дальний угол и приподнимаю циновку. На лежанке из травы и листьев разметался человек огромного роста. Широкие плечи, могучий, оплетённый мускулами торс, короткие светлые волосы. На руках — следы недавнего страшного ожога.

Капрал вздрагивает и пристально смотрит на Арвина. Тот согласно кивает и говорит:

— Да, это тот верзила, что сумел уйти из засады.

Какая засада? О чём они говорят? Значит, Пихра и Най знают человека с ожогом?

Хочу спросить об этом, но Арвин, будто почувствовав, поднимает руку и говорит:

— Не надо вопросов, Буфи.

Он говорит это чуть громче, и раненый просыпается. Он видит Ная, капрала, дуло автомата и испуганно вжимается в лежанку. В глазах его — ужас и ненависть.

— Не надо пугаться, — говорю я, давая знак Арвину удалиться. — Никто не причинит вам вреда.

Раненый вновь погружается в забытье.

Укрываю его остатками защитного комбинезона и выхожу, опустив циновку.

Арвин и Пихра подкрепляются фруктами. Келин идёт проведать старика.

— Это хорошо, что вы пришли сюда, — говорю я, присаживаясь в углу.

Най и капрал замирают и поворачиваются ко мне. Они давно забыли, что кто-то может радоваться их приходу.

Как же они всё-таки изменились! Для себя они менялись медленно, незаметно, но, не видя их больше трёх недель, Буфи Илм может оценить эту резкую перемену.

— Что же вы с Келин решили делать дальше? — спрашивает Пихра, чтобы сгладить возникшую неловкость. — Как будете выбираться к посёлку?

— Мы решили остаться здесь, — говорю я и вижу, как вытягиваются лица Арвина и капрала. — Не удивляйтесь. Что хорошего ждёт нас в посёлке? Или даже на Эсте? Здесь же мы впервые почувствовали себя свободными. От всего: денег, условностей общественного положения, несправедливости. Может, в таких хижинах и вырастет настоящий народ Ферры. Пчёлы приведут новых несчастных, которые и создадут новое общество, и в нём не будет подлецов и завистников. Они не будут бояться сельвы, потому что сельва перестанет бояться их. Они не смогут делать больно друг другу, потому что сами много раз испытывали боль. Когда же нас станет много, тогда мы пойдём к посёлку, чтобы бороться с тем, что превратило сельву в свалку. В свалку человеческих душ!

— Мечтатель, — говорит Арвин.

— Мечтатель, — соглашается Пихра. — Но какая красивая мечта...

— Вы останетесь с нами? — спрашиваю я, хотя заранее знаю ответ.

— Нам очень хочется остаться, Буфи, — отвечает капрал. — Но мы столько сил и энергии отдали поискам Дерева, столько надежд связывали с ним, что уже просто не можем не идти к нему.

Я знал, что они ответят именно так. Отговаривать их бессмысленно.

— Что ж. Идите, — говорю и чувствую, как на глаза наворачиваются слезы. — Только помните, что в этой хижине вас всегда ждут.

Встаю и прикрываю лицо рукой.

Капрал Пихра

Встаю и прикрываю лицо рукой.

Гудящие тучи мошкеры мгновенно превращают пальцы в сплошные волдыри.

Тринадцать дней назад мы покинули хижину старика, а в ушах всё ещё звенят прощальные слова Буфи Илма. Они что-то сдвинули в моей душе.

Странная штука — совесть. Она может спать десятки лет и вдруг проснуться от одного слова, в самый неожиданный момент. И тогда с вершины срывается лавина. Несутся камни, вывернутые с корнем дерева. То, что ты старательно подавлял в себе, вылезает наружу, память наполняет тебя безграничным стыдом. Ты внезапно понимаешь, что всё делал не так, плыл по течению, даже не стараясь вырваться из стремнины. Все твои попытки обьяснились желанием облегчить своё существование, а сделав однажды подлость во имя этого облегчения, уже очень трудно преодолеть новое искушение.

Изменит ли в моей жизни что-нибудь Дерево, если я сам не решу изменить её?

Илм не захотел бессмертия. Не захотела его и Келин. Они поняли что-то такое, чего не смогли понять ни Арвин, ни я.

Дерево не исправит душу. Так зачем же мы ползём к нему?

Всё это бред, что сельва перерождает человека. Человек перерождается сам, если того захочет. Сельва инструмент: в одних руках — добрый, в других — опасный.

А мы всё обманываем и обманываем себя.

Спасательный круг самообмана...

Самообман.

Арвин Най

Самообман.

Если бы не страх, мне не понадобилось бы Дерево!

Какая жуткая боль! Кажется, что вены заполнены расплавленным свинцом. Цепляюсь за жизнь, как будто это самое ценное, что можно отнять у человека. Принцип, совесть, плечо друга — вот ценности, за которые порой отдают и жизнь.

Зачем же мне Дерево? Чтобы стать бессмертным циником? Что же оно мне может дать? Избавить от постоянного страха за свою жизнь? Но тогда навалится целая стая других прожорливых страхов — за средства к существованию, имущество...

— Я — трус! Я жалкий трус!!! — кричу на всю сельву. Но она не слышит.

Не слышит и Пихра. Он, утопая в чавкающем болоте, ползёт на четвереньках и тащит меня. Он уже не реагирует на окружающее. Движения его монотонны и размеренны, как у автомата.

Есть ли предел человеческим силам?

Ноги мои объаты пламенем. Скоро конец, и только Дерево сможет предотвратить его.

Наверное, последнее, что я увижу, покидая этот мир, будут глаза капрала. И я рад этому. Рад! Потому что могу назвать его другом, потому что он тащит меня, как буксир баржу!

Хорошее слово — друг!

Капрал Пихра

Хорошее слово — друг!

Оно поддерживает во мне силы, а их хватает лишь на то, чтобы, изредка взглянув на карту, тащить бесчувственное, тяжёлое, как каменная глыба, тело Арвина.



Почему же я его тащу? Один бы я давно добрался до Дерева. Всё же что-то изменилось во мне. Ненависть, выплёскивавшаяся на тех, кто меня окружает, переросла в ненависть к силам, принудившим окружающих жить такой страшной жизнью. Ведь гибель человеку приносят не руки, убивающие

его, а головы, заставляющие эти руки убивать. А главное — я начинаю понимать и чувствовать не только личную беду, но и трагедию жизни Ная, Келин, Браса...

Только теперь замечаю, что болото давно кончилось, и я ползу по плотному влажному песку.

Поднимаю голову и вскрикиваю от изумления.

Джунгли расступились, растеклись в стороны волнами, обнажив одиочную, похожую на зуб скалу. Камень растрескался под солнечными лучами. Ветер и время превратили его в нагромождение плит и зазубренных пластин. На вершине угадывается вход в пещеру. Между глыбами змеится еле приметная тропинка, подтверждающая, что скала, хоть и редко, но посещается. Там, в глубине каменного мешка, по преданию, и растёт странное Дерево, дающее бессмертие.

Добрались! Даже не верится... Что же я чувствую? Торжество? Пожалуй. Человеку свойственно торжествовать, когда, преодолев трудности, он достигает заветной цели. А ещё что? Опустошённость. Так бывает, когда стремишься к чему-нибудь, а потом толком не знаешь, что тебе делать.

— Арвин, очнись! — трясую товарища за плечо.

Най разлепляет спёкшиеся веки. Постепенно разум возвращается к нему, взгляд обретает осмысленность. Он пытается подняться, но ноги, раздувшиеся, как бурдюки с вином, не держат.

— Пихра, — говорит он, пытаюсь отогнать видение рукой. — Это храм? Это правда храм?

— Да, — отвечаю и почему-то улыбаюсь.

Улыбаюсь и чувствую себя счастливым.

Арвин Най

Улыбаюсь и чувствую себя счастливым.

Свершилось! Уйдут в прошлое страх, выматывающий душу ужас. Я смогу просто бродить по сельве — без оружия, не обращая внимания на змей, взрывающиеся плоды и лианы-удавки, — рассматривать цветы, наслаждаться их ароматом. Ведь я же буду бессмертным. Дерево залечит мои раны, вернее гибкость членам.

Кого же благодарить за это? Конечно, Пихру! Что заставило его тащить меня? Может, смерть Вако и Браса — людей, которых мы по праву должны назвать своими близкими? Или Илм, старик, глиняные человечки? Какой смысл гадать? Пихра не тот, что раньше. И это главное!

Скала чудесна! Чудесна сельва, её окружающая! Нет сейчас в мире предмета, показавшегося бы мне отвратительным.

К чёрту память, размышления о смысле жизни, дурацкое самокопание! Жизнь проста, как небо, солнце, земля, и прекрасна, как глоток сока бессмертия...

Глоток сока...

Да, но что, если этот глоток — всего один. Никто не знает, сколько бессмертия даёт Дерево. Может, всего глоток — на двоих не хватит!

Но тогда... Пихра силен и здоров, я же искалечен. Если сока действительно мало, он заберёт его, а я умру, потому что обратной дороги у меня нет!

Один глоток!.. Но капрал тащил меня через трясины. Вот он стоит и, улыбаясь, смотрит на храм. Лицо молодое, полное радости.

Я сейчас сойду с ума. Сельва, зачем же ты поставила меня перед этим выбором! Рука сама тянется к бедру, к ножнам, в которых острый, как бритва, тесак...

Он же спас меня!

Нет! Нет!!

— Ну что ж, — Пихра поворачивается ко мне и подмигивает. — Вперёд.

Он подходит ко мне, взваливает на плечи и, тяжело ступая, идёт по горной тропе.

Вот и пещера. Врата в вечность.

Как здесь сумрачно и прохладно. Откуда-то сверху льётся мутный рассеянный свет. Углы зала тонут в темноте, но пол мерцает мелкой кварцевой крошкой. Искрятся каменные сосульки, сросшиеся в фантастическую колоннаду.

Пихра идёт длинной темной галереей, и мы наконец оказываемся в просторном светлом зале.

Противоположная стена густо покрыта рисунками. Высокие темнокожие люди выходят из леса. Они садятся в кружок, что-то обсуждают, горячатся. Селение — шумное, весёлое. Дети, плетущие из лиан фантастические живые картины. Во всём ощущение праздника, радости.

И никакого Дерева!

Вернее, сами рисунки складываются в чудесное, пышное и раскидистое дерево.

Догадка молнией проносится в моей голове, и, словно в подтверждение её, раздаётся смех Пихры:

— Это же история! История жизни аборигенов в сельве!

Действительно история. Человеку всегда хочется знать, как жили бесчисленные поколения его предков.

Смех Пихры постепенно стихает. Он оборачивается ко мне и говорит:

— А знаешь, по-моему, это самое справедливое бессмертие. Бессмертие целого народа, жившего в гармонии с природой и прожившего бы так тысячи лет, не вмешайся мы со своими автоматами и болезнями.

Крушение надежд! Но я воспринял его как-то спокойно, поэтому не могу не согласиться с капралом.

Пихра опускается на чистый прохладный пол и говорит:

— Арвин, я благодарен тебе, что ты сказал себе — «нет». Тогда, когда подумал об одном глотке бессмертия.

Я смотрю на него, как на ясновидца, и чувствую, что начинаю краснеть:

— Откуда ты знаешь?..

Пихра хитро улыбается и переспрашивает:

— Откуда?

И тут мы оба начинаем смеяться. Мы смеёмся так, как, наверное, не смеялись никогда в жизни.

— Ну что ж. В дорогу, — говорит капрал, взваливая меня на плечи.

— Куда же мы теперь, Пихра?

— Куда? Наш путь только начинается.

Художник Генрих КОМАРОВ

ПЛЯРИЙ «С»

А. КЛИМОВ, И. БЕЛОГРУД

С самого утра нездоровится. Нездоровится? Абсурд! Как мне может нездоровиться? Непонятно. Никогда не испытывал подобного ощущения: физическое состояние — прекрасное, реакции — отличные, и в то же время что-то не так. Нет привычного чувства приподнятости, агрессивности, напора.

В голове прыгают обрывки каких-то воспоминаний. Откуда они выплыли и, главное, зачем?.. Закрываю глаза и вижу одно и то же: красную, причудливо разрезанную воронку, плавно раскачивающуюся на зелёном ворсистом стержне. Над ней парит нечто просвечивающее, нежное, непередаваемо прекрасное.

Боже мой, о чём я только думаю?! Я — Плярий «С», сверхвоин, непобедимый и грозный рыцарь. Сейчас я похож на тяжёлую стальную плиту, передвигающуюся на толстых панцирных ногах. Сейчас я такой, через минуту или час — когда понадобится, превращусь в камень, в шишковатое, утыканное зубьями чудовище или во что-нибудь ещё. Захочу, и вообще расплывусь! Мои внутренние органы окаменеют или истекут расплавленными ручьями. Я изолирую мозг от тела, зарою сердце в горячий песок. Я могу всё!

Тем более, зачем тогда эти расслабляющие мысли? Зачем, красная воронка и крылья над ней? Сверхвоин не мыслит, он рассчитывает, совершенствуется и уничтожает.

Вот с грохотом обрушился закопчённый костяк небоскрёба. Под его основанием вели бой три врага: два воина и микрон. Они лихо полосовали друг друга напалмовыми струями и не заметили, как я пережёл лучом стыки фундамента. Их накрыла лавина бетонных блоков, разбрызгавшая во все стороны тысячи зазубренных осколков.

Небоскрёб. В памяти остался этот термин, но смысл его давно утерян. Я знаю, что такое город, но совершенно не представляю, как и зачем он появился. Дом — это каменная стена в трещинах с безглазыми окнами, город — это груда чадящих развалин, озаряемых вспышками и сотрясаемых взрывами. Улица — изрытая просека в багровых дебрях завалов. Это места боёв, огня и предсмертных криков.

Микрон, однако, выжил. Его вздутое бородавчатое тело судорожно дёргается, пытаюсь вырваться из-под каменного завала. Он уже начинает трансформироваться в гибкую чешуйчатую ленту, готовую выскользнуть из ловушки, когда я подползаю к нему и всаживаю в его мозг голубую искру разряда: любого врага надо добить, пусть это всего лишь слабый никчёмный микрон. Лента чернеет и скручивается на глазах.

Ползу по оплавленным каньонам улиц, прикрывшись от пламени прозрачными щитами.

Город кончается, и передо мной открывается серое от пепла, уходящее за горизонт поле. Всё, что могло гореть, сгорело здесь уже много десятков лет назад. Теперь лишь радиоактивный ветер сдувает с камня белёсый налёт, да новые шквалы огня полируют его до стеклянного блеска.

Вытягиваю себя спицей и окрашиваюсь под цвет равнины. Поводя локаторами, плавно скользя в метре над землёй. Я — Плярий «С», меня боятся и зарываются в камни. Закон жизни — не оставляй врага за своей спиной, поэтому я выжигаю ходы сообщения струёй огня. Земля вздыбилась, начинает гореть даже то, что гореть не может.

Клубы бордового дыма застилают небо, и под их прикрытием ко мне пытается подобраться враг. Это воин, микрон бы не напал, они только защищаются.

Видимо, в дыму воин не разобрал толком, на кого нападает. Он вырастил себе кожистые треугольные крылья, а на конической морде пристроил крупнокалиберное орудие.

Клубы рассеиваются, и враг видит меня. Даже через экран, блокирующий мысли, я читаю его удивление, а затем — панический ужас. Но уже поздно! Надо нападать или погибнуть. И воин нападает! Он тормозит в воздухе, разворачивает стальные когти и даёт мощную скорострельную очередь.

Я мгновенно растекаюсь по земле, превращаюсь в тонкую пульсирующую сеть и пропускаю воюющие тупорылые снаряды через себя. Враг делает крутой вираж и пытается уйти, поэтому я собираюсь в вытянутую ребристую пирамиду и, выпустив отростки-сопла, бросаюсь вдогонку. Настигнув воина, я бью ему в хвост плазменным лучом. Он падает вниз, крылья его охвачены зелёным пламенем.

Передо мной болото. Оно дымится и чавкает. В его трясинах притаились топи-ловушки, острые крючья, капканы. В омутах шипит концентрированная кислота. Здесь тоже полно врагов. Болотный воин страшен: он скрывается в толщах тины и, внезапно появляясь, поражает биологическими снарядами.

Выращиваю вместо лап зубастые танковые гусеницы и спускаюсь в дымящуюся воду. Моя шея вытягивается, становится тонкой и скользкой, а десяток отростков-разведчиков выплывают вперёд, отыскивая и обезвреживая донные мины. Шипы гусениц размалывают ил, и на поверхность всплывают гирлянды ядовитых газовых пузырей.

Вот мой вращающийся глаз замечает движение в скоплении чёрных заплесневелых коряг. Это болотный воин. Он раздувает блестящее жабье тело и на глазах превращается в дряблый мешок, окружённый клубком извивающихся щупальцев. Из них начинают бить фонтаны органического растворителя, и мне приходится с головой погрузиться в болото.

Внезапно выныриваю и выкидываю вперёд отростки, принявшие вид тонкой сети-путанки. Сеть накрывает врага, щелчок, сноп голубых искр, и на поверхности воды плавает лишь комок горячего пепла. Одним болотным воином стало меньше.

Небо коричневое и тяжёлое. В голове продолжают носиться обрывки воспоминаний. Я впервые задумываюсь над смыслом происходящего.

Почему мы враги? Зачем уничтожаем друг друга? Для того чтобы жить! А зачем живём? Чтобы уничтожать друг друга. Замкнутый круг! Смысл войны уже давно утерян, хотя и началась она когда-то давно на основе реальных разногласий.

Уже давно нет армий, враждующих сторон; есть только воины — державы в себе, бесчувственные, ничего не помнящие боевые автоматы. Есть Я и враги, и так для любого из нас. А ведь может оказаться, что уничтоженный мною воин — мой брат или сын. А что, если остановиться?! Что будет? Страшные, непонятные мысли. Я болен.

Остановиться всем сразу и принять первоначальный вид. Ведь мы хуже зверей! Те убивают ради пропитания, а нам и питаться не надо: мы берём энергию прямо из атмосферы. Начиная войну, мы были совсем другими. Не было ни шипов, ни напалмовых струй, ни бронированных плит... Какими же мы были? Каким был я? Не помню. Остались лишь хрупкие воспоминания: что-то красное и прозрачное...

Вот по морщинам окопов проносится тень. Она выпрыгивает из укрытия, и достаточно одного взгляда, чтобы понять — это сверхвоин! Он прекрасно владеет своим телом. Сейчас начнётся страшный бой, и одним рыцарем станет меньше.

Обстреливаем друг друга, но даже лучи не дают результатов. Защитные поля и магнитные ловушки делают своё дело. Мы становимся то плоскими, как бритва, то воздушно-прозрачными, то массивными, как скалы, но силы равны. Остаётся только не знающий компромиссов, первобытный рукопашный бой.

Взвиваюсь в небо и стрелой несусь на врага. Я знаю, что убью его, но в голове молнией проносится одна мысль: «А вдруг это и есть мой сын?! Тоже Плярий и тоже «С»?!»

Удар проламывает панцирь, и сверхвоин валится наземь. Я не успеваю отскочить, и его костяной воротник вспарывает мне шею.

И всё-таки я победил! Я — Плярий «С»! Я — беспощадный рыцарь! Но за что же я его убил? Что мы не смогли поделить?

От вопросов кружится голова. Или это от потери крови? Костяной воротник сделал своё дело, почти перерезав мою шею.

Слабость накатывает волнами. Перед глазами дрожит красная воронка на зелёном стержне. Их было много, давно, когда я был другим. Они такие, такие... Вспомнил!!! Они назывались цветами! А что это рядом с ними? Хрупкое, изящное, с радужными прозрачными крыльями... Что это за прекрасное существо? Да это я!!!

Скорее стать прежним. Скорее! Пусть все увидят, какими они были. Тогда они остановятся. Мы станем прежними, вырастим цветы и будем жить среди них, как и раньше! Долой панцирные пластины, крючья, резаки, иглы. Долой поля, лучи, орудия! Вот я уже почти такой. Ещё усилие и...

В глаза бьёт вспышка, и прежде, чем погрузиться в темноту, я вдруг понимаю, что произошло. Противник применил новое психологическое оружие, первой жертвой которого стал беспощадный рыцарь, сверхвоин Плярый «С».



Александр КЛИМОВ

ШАГАЮЩИЕ В ВЕЧНОСТЬ

Рассказ

Въезжая в новую квартиру, бухгалтер Петров чувствовал себя счастливейшим человеком на свете. Собственно, квартира была вовсе не новая, а как раз наоборот — старая. Но в этом-то и состояла вся прелесть.

Затаскивая свои тючки и чемоданы по широчайшей винтовой лестнице на третий и последний этаж, Петров буквально физически ощущал, как его начинает обволакивать тихое и немного грустное очарование старинного московского особняка. Чудился запах пожелтевших книг, отблески розовых восковых свечей, шуршание кринолинов. С чердака явственно доносилось звяканье шпор.

Дом поражал безлюдьем в эти вечерние, обычно оживлённые часы. Не прыгала по ступенькам детвора, не громыхали гулкие жестянки почтовых ящичков. Не пели, не кричали, не плакали. Даже лифт — и тот не грохал створками по той простой причине, что в доме его не было.

За высокими скрипучими дверями, безусловно, текла какая-то жизнь, но Петров её не ощущал. Ему казалось, что он — хозяин огромного пустого замка, и фантазия помимо воли населяла комнаты и коридоры ушедшими в прошлое обитателями.

А с фантазией своей Петров бороться положительно не умел. К сорока годам он пришёл к твёрдому убеждению, что в мире есть всего лишь две вещи, бороться с которыми человеку не под силу: фантазия и тараканы. И то и другое при внешнем различии одинаково неистребимо.

На службе Петрова, как ни странно, побаивались. Старик Стаканов-Скрипкин — счетовод с дореволюционным стажем утверждал, что Петров не так прост, как хочет казаться. Мол, бухгалтер-мечтатель — явление в природе настолько невероятное, что за этим кроется не иначе как карьеризм высочайшего артистического класса.

В семье же — человек как на ладони. Когда лет десять назад жена уходила от Петрова, вернее, навсегда уезжала в Сочи с красавцем капитаном дальнего плавания, она остановилась на пороге и, гневно поправив поясок платья, сказала:

— Петров! Ты даже не ничтожество! Ты что-то невообразимо более мелкое. Даже дождевой червяк и тот заботится о своей самке...

Петров хотел было заметить, что совсем в этом не уверен и, мол, вообще сильно сомневается, что червяки бывают разного пола, но Нина хлопнула дверью и исчезла из его жизни.

С годами забылось многое: даже полный превосходства взгляд брюнетистого капитана. Бухгалтеру начало казаться, что он никогда и не был женат. Но слова эти, грохочущие и какие-то оскорбляюще липкие, помнились. Они удвоили его природную житейскую неуверенность, всё глубже толкая в спокойное надёжное одиночество.

Поднимаясь наверх с последней пачкой книг, Петров лоб в лоб столкнулся с высушенной остроносой старушкой, выходявшей из двери номер четыре на втором этаже. Не зная почему, он сразу окрестил её «камергершей».

Старуха подозрительно оглядела нового жильца, зачем-то потрогала рукав его пальто и, вдруг повеселев, игриво промурлыкала:

— Если бы не старость, кругом остались бы одни сумасшедшие.

— Что? — опешив, переспросил бухгалтер.

На седых, будто припорошённых мукой, волосах старой дамы в неустойчивом равновесии закачалась шляпка с фантастическими цветами и вуалеткой:

— Раньше и привидения были другими. Какими-то благородными утончёнными. Дамы, рыцари...

Петров уронил книги.

— Вы в какую квартиру? — поинтересовалась «камергерша», заглядывая в глаза остолбневшему бухгалтеру.

— В шестую! — почти крикнул Петров, обрадовавшись, что наконец-то услышал что-то доступное пониманию.

— Шестая — это что рядом с пятой, — глубокомысленно заметила старуха.

— Что? — ещё раз с довольно глупым выражением лица переспросил Петров.

И тут «камергерша» сделала такое, что повергло бухгалтера в глубочайшее изумление: подпрыгнув, она поцеловала его в лоб, затем перекрестила и, смахнув слезинку, выбежала во двор.

Петров ещё несколько минут постоял в растерянности, потом собрал книги и пошёл к себе на третий этаж. Сначала он хотел было расстроиться, но передумал.

«Милая, сумасшедшая старуха», — подумал он и улыбнулся.

На лестничную клетку третьего этажа выходило всего две двери. На одной была выведена белой эмалью кособокая шестёрка, а на другой красовалась медная табличка. Смысл надписи практически утерялся в обилии завитушек, и Петрову удалось расшифровать только фамилию своего соседа из квартиры номер пять: ОРГАНОВ. Бухгалтер ещё стоял, размышляя, на какую букву правильнее будет поставить ударение, когда откуда-то сверху раздался невыразимо печальный голос:

— Моё гениальное открытие похищено врагами! Сейф взломан и пуст...

Петров обернулся так резко, словно в спину ему воткнули булавку. На лестнице, ведущей к чердачному люку, сидел мужчина весьма странной наружности. Могло показаться, что его присыпали золой — такой серый,

пыльный, сразу и не определишь, где заканчивается костюм и начинается его обладатель. Вздыбленные патлы открывали лоб такой невероятной высоты, что невольно закрадывалось сомнение: осталось ли место для темени и затылка? Огромные очки в черепаховой оправе, казалось, тяжестью своей вот-вот продавят переносицу. Петров также обратил внимание, что галстук незнакомца почему-то завязан морским узлом, а все пуговицы и даже шнуры вырваны с мясом.

— Великое открытие в руках негодяев! — крикнул странный мужчина и вырвал клочок из своей фантастической шевелюры. Затем он вытряс на ладонь таблетку валидола и прохрипел:

— Водыыы...

Бухгалтер вышел из столбняка и метнулся в квартиру. Четырехаясь, он принялся искать стакан, попутно соображая, где же раньше встречался с этим человеком.

— Видел ведь его. И не один раз! Но где?.. — бормотал Петров себе под нос, выкидывая вещи из хозяйственной сумки.

Наконец со стаканом в руках он вернулся на лестницу. Мужчины, у которого негодяи похитили великое открытие, и след простыл. Петров прислушался, но лестница безмолвствовала.

«Весёленькое новоселье», — подумал бухгалтер и выпил воду.

Он вошёл в квартиру и запер дверь на щеколду. Хорошего настроения как не бывало. Исчезли звон шпор и аромат свечей. Отчётливо запахло плесенью и немывтыми полами.

Воскресенье прошло в хозяйственных заботах. Петров взмок, но с удовольствием отметил, что новое жилище стоило трудов. Десять книжных полок, письменный стол, два разномастных стула и раскладушка — просто, удобно и привычно. Вместо платяного шкафа — вбитый в стену большой гвоздь с плечиками, похожими на лук с натянутой тетивой. На подоконнике бурлил аквариум с одинокой золотой рыбкой, по карнизу вилась лиана с экзотическим и жутковатым названием «монстр». Тёплые розовые обои приятно контрастировали с дождливым мраком за оконным стеклом. Старинные метровые стены не пропускали в комнату грохот и лягз большого города, но странным образом не задерживали шёпот мокрой листвы, стук капель, цоканье одиноких каблучков по скользкой булыжной мостовой.

Петров не заметил, как размечтался. Ему виделся дом, свежий, яркий, пахнущий извёсткой, и его владелец — мрачный сухопарый чиновник в мундире, с орденом на шее. Лошадиное ржание сливается с криками лоточников. В тени лип прогуливаются барышни: шёлковый чулок с искоркой, нитка жемчуга, перстенёк... Толстый багроволицый поп с громадным серебряным крестом, трущим рясу на животе, плывёт в толпе, как кит в стае дельфинов. Идут со смены рабочие. Чёрные лица, ввалившиеся глаза, задубелые руки. И вот — вихрь революции! Листовки, песни, флаги, голод и рвущие удары пуль!..

«Об этом можно написать книгу», — подумал Петров и пожалел, что он бухгалтер, а не писатель.

Прошло несколько дней, тихих, мягких, задумчивых. Петров ходил на службу, бывал в кино, подолгу гулял. Он уже начал забывать о происшествии на чердачной лестнице, относя его к непредсказуемым жизненным ситуациям, когда действительность внесла свои суровые коррективы.

Петров сидел на кухне и, промокая лоб носовым платком, пил крепкий обжигающий чай. На коленях его лежала раскрытая книга с засаленными углами, на стене тикали ходики. Лампочка в жёлтом бумажном абажуре освещала стол, на стенах замерли размытые коричневые тени.

И вдруг тишину разрезала заливи́стая трель звонка.

Петров встрепенулся и, поплотнее запахнув полы халата, поспешил к двери. Гостей он не ждал, да и не мог никто прийти к нему в столь поздний час.

— Кто там? — спросил он, держа руку на щеколде. За дверью послышалось неясное шуршание.

— Кто там? — уже настороженно спросил Петров. Шуршание стихло, зато чей-то могучий нос засопел громко и отчётливо.

— Свои.

Голос был скрипуч, прокурен и страшен. Петров вздрогнул. Таких «своих» у него быть не могло.

Бухгалтер снял руку с замка и, стараясь не дышать, попятился в кухню. Опустившись на стул, он попытался собраться, но колени противно дрожали, сердце, ёкая, колотилось о ребра.

В прихожей послышались тяжёлые шаги. Дребезжа, покати́лось ведро. Петров сжался, ощущая, как волосы его начинают вставать дыбом. Он хотел крикнуть, но не смог.

Дверной проём закрыло что-то тёмное и огромное. Ещё мгновение, и в кухню вошёл мужчина зверского вида. Он приблизился к столу и решительно сказал:

— Вчера поспели ананасы.

Петров икнул.

Мужчина вытащил из кармана окурок и ловким движением приклеил его к нижней губе.

Гость был необычен во всех отношениях. Одет он был в потрёпанный ватник, галифе и грязные кирзовые сапоги. На пальце сверкал бриллиант. Чудовищно широкие плечи поддерживали крошечную голову без шеи. Щеки и даже уши заросли сивой щетиной.

Петров, хоть и был напуган до полусмерти, опять почувствовал, что видел этого человека неоднократно.

— Шеф велел передать, что последнее задание ты почти завалил, очкарик, — мужик вытащил из сапога финку и помахал ею перед носом Петрова. — Ещё такой трюк, и будем тебя ликвидировать.

Бандит устрашающе напрягся. Взбугрились мышцы, ожили фиолетовые татуировки.

Бухгалтер отпрянул и стукнулся головой о стену. Должно быть, это несколько прояснило его мысли, потому что он вполне членораздельно произнёс:

— Послушайте, вы, наверное, ошиблись квартирой...

Громила остался глух.

— А сейчас получи свою долю, — сказал он как-то лениво, без огонька, и начал выкладывать на стол невероятно толстые пачки денег.

Выкладывал он их долго, и было непонятно, как все они умещались в относительно маленьком кармане телогрейки.

Бандюга-миллионер закончил отсчитывать деньги, сплюнул окурочек в аквариум и направился в переднюю. Обернувшись в дверях, он мрачно посоветовал:

— К Косому не ходи. Продался чекистам...

Бухгалтер хотел было заверить, что к Косому ни в коем случае не пойдёт, но мужчина уже скрылся во мраке прихожей.

Петров некоторое время с нетерпением ожидал, когда лязгнет замок, но так ничего и не дождался. Минут через пять он набрался мужества, вышел из кухни и зажёл свет.

Прихожая была пуста, дверь заперта изнутри...

Пошатываясь, бухгалтер вернулся к столу и обнаружил, что деньги тоже исчезли. Даже окурочек, плававший в аквариуме, таинственным образом растворился. Лишь золотая рыбка испуганно таранила глаза и жалась в угол.

Петров повалился на раскладушку, обхватил голову руками и затравленно подумал:

«Профессионал! Не оставил никаких следов. Кажется, я влип...»

Наступила ночь, но Петров не спал. Он ворочался, скрипели пружины. Мысли будто тоже поскрипывали от натуги. Бухгалтер начал понимать, как и, главное, почему ему удалось совершить такой удачный обмен квартирами.

В стёкла стучал мутный рассвет, когда Петров, наконец, провалился в сон. Спал он крепко, но беспокойно. Ему снились грабители в кринолинах, небритые камергерши в ватниках и со шпорами, полоумные учёные с финками в руках.

Когда бухгалтер проснулся, то обнаружил, что проспал работу, а за окном чудесный осенний день. Вечерние страхи как-то рассосались, и старый московский переулок снова наполнился призрачным неуловимым очарованием.

Петров почувствовал, что не может идти на службу. Душа не пускает. Он позвонил к себе в контору и предупредил Стаканова-Скрипкина, что берёт отгул по семейным обстоятельствам. Счетовод недоверчиво хмыкнул. Всем было известно, что у Петрова не может быть семейных обстоятельств, поскольку нет самой семьи.

Не завтракая, бухгалтер вышел на улицу и сразу же зажмурился от пронзительно-яркого, по-октябрьски чистого солнечного света. Воздух хру-

стел и обжигал лёгкие. Под ногами шуршал красный кленовый ковёр. Замшелые тополя-патриархи тянули чёрные руки к синему небу.

Петров шёл крошечными неухоженными светриками, узкими крутыми переулками и видел себя то в форме гусара, то в скрипящей комиссарской кожанке, но непременно большим, сильным и удачливым.

Москва уже тонула в сумерках, когда бухгалтер очнулся, почувствовал, что замёрз, и поспешил домой. На углу он столкнулся с «камергершей», вежливо раскланялся и хотел было пройти мимо, но старуха придержала его, опять дотронулась до рукава и преданно заглянула в глаза.

Дома Петров попил чаю и рано лёг спать.

В час ночи его разбудил крик:

— Помогите! Убивают!

Бухгалтер зажёл свет, прислушался. Крики доносились из квартиры соседа. Петров вспомнил громилу с финкой и покрылся холодным потом.

«Органова ликвидируют!» — молнией пронеслось в его голове.

Петров бросился к телефону, но тут же вспомнил, что в его новой квартире таковой отсутствует.

Крики за стеной перешли в хрип.

Бухгалтер выбежал на лестничную площадку, заметался и, вдруг ощутив прилив смелости, решился на отчаянный поступок. Он разбежался и тараном врезался в дверь. Та неожиданно легко отворилась, бухгалтер пробежал коридор и упал головой вниз. Удар был силен, но Петров выдержал. Он вскочил на ноги и стал свидетелем жуткой сцены.

Давешний небритый бандюга, повалив на пол мужчину, у которого негодяи похитили великое открытие, по-хозяйски бил его кулаком в высокий лоб и приговаривал:

— Вот тебе. Вот тебе, предатель! Прибыю — и весь сказ!

Предатель при каждом ударе жмурился и хрипел.

Петров бросился в бой, попытался обхватить и повалить громилу, но... руки прошли сквозь его тело, не ощутив ни малейшего препятствия. По инерции бухгалтер отлетел в угол, а фигуры дерущихся начали истончаться, таять. Ещё какое-то время в воздухе жил кулак, старательно молотивший пустоту, потом исчез и он.

В комнате повисла тишина. Петров огляделся.

Обилие ковров, тяжёлая старая мебель. Глухие плюшевые шторы. На стене коллекция сабель, отсвечивавших тускло и мрачно.

В кресле за столом, откинувшись, сидел худой седовласый человек. Казалось, он спит, и, только присмотревшись, бухгалтер различил, что от головы его отходят тоненькие проводки, исчезающие в тумбе письменного стола. Там что-то жужжало, тонко и назойливо, как запутавшийся в волосах комар.

Мужчина тяжело вздохнул, содрал с головы провода и открыл глаза. А в глазах была грусть великая...

— Извините, — сказал Петров, вдруг почувствовав себя очень неловко посреди чужой квартиры, ночью, в пижаме.

— Вы кто? — устало спросил мужчина.

— Сосед. Из квартиры номер шесть.

— А-а-а... Ну что ж. Органов. Писатель.

Возникла напряжённая пауза.

— Вы видели... это? — спросил Органов.

Петров присел на краешек дивана и вкратце описал ночные события. Органов молчал, и бухгалтер позволил себе задать вопрос:

— А кто это был? В очках. И небритый. Галлюцинации?

— Образы, — мрачно ответил Органов. — Действующие лица моей будущей детективной повести. В очках — положительный, небритый — отрицательный.

Петров попытался постичь услышанное, но не смог и заёрзал на диване.

Органов встал, неслышно прошёлся по мягкому ковру и сказал:

— Уж коли вы оказались свидетелем моего творческого процесса, не имеет смысла что-либо скрывать. И так дом слухами полнится. Только прошу, чтобы всё это осталось между нами.

Бухгалтер согласно кивнул. Органов, набираясь решимости, ещё раз обошёл комнату, ударил кулаком по столу и выпалил на одном дыхании:

— Мне удалось в корне изменить сам процесс написания книги! Ведь что получается: сидит человек, творит, курит сигарету за сигаретой, выпивает жуткое количество кофе, а образы — расплываются, ускользают... Сколько времени уходит в пустых попытках поймать их за хвост? И что обидно: умом представляешь себе героя, а начнёшь писать — получается фантастическая уродина! Миг же озарения краток.

— Но ведь в этом-то и состоит, наверное, радость творчества, — робко заметил Петров.

— Это всё демагогия! — отрубил Органов. — Дело надо делать, а не слюни пускать! В век научно-технического прогресса всё должно быть поставлено на промышленную основу.

Бухгалтер представил прокатный стан, выплёвывающий вместо труб произведения искусства, и ужаснулся.

— И вот, — с воодушевлением продолжал Органов, — я изобрёл, а потом и собрал установку моделирования образа и действий персонажей! Смотрите, как просто!

Органов подошёл к столу, нацепил на голову корону с проводами, щёлкнул чем-то в глубине тумбочки и в три секунды сотворил нечто, отдалённо напоминающее пса-рыцаря.

Петров ахнул. Дюжий детина в кольчуге и шлеме недобро ухмылялся и поигрывал мечом. Могучий торс покоился на крошечных кривых ножках. Волевой подбородок торчал вперёд, создавая, наверное, значительные неудобства владельцу при приёме пищи.

Бухгалтер немного пришёл в себя и с сомнением покачал головой. Рыцарь, по его мнению, был каким-то неуклюжим и ненатуральным.

— Такой язычников не покорит. Пародия на человека, — заметил Петров, и, словно в подтверждение его слов, воин закачался, развалился и растаял.

— Да, неважный экземпляр, — подтвердил Органов. — Но в этом-то и есть главное достоинство моего устройства. Есть возможность взглянуть на плод своей фантазии в натуре и забраковать неудачное. Если же герой тебе подходит, остаётся только описать увиденное. Что может быть проще?

— Почему же они рассыпаются?

— Время существования фантома зависит от степени его достоверности. Лучшие мои творения жили до сорока секунд.

Петров подумал, что это, наверное, очень обидно, если твоё детище растворяется на сороковой счёт...

— Скажите, а они не того... не представляют опасности для окружающих? — спросил он.

— Ни малейшей! — улыбнулся Органов. — Они бестелесны и по составу своему фактически ничем не отличаются от воздуха.

Бухгалтер понял, почему «камергерша», прежде чем заговорить, всегда щупает рукав его пальто.

— Писателем я решил стать давно, ещё в раннем детстве, — Органов присел на край стола. — Не мучился, не выбирал, просто решил стать — и всё. Поставил задачу, как говорится. А характер у меня суровый, волевой.

— А вас печатают?

— Пока нет, но скоро всё изменится. Раньше-то я работал, как все, по старинке, а теперь с установкой!..

— На что же вы живете? — спросил Петров и с запозданием понял бестактность своего вопроса.

— Телевизионным мастером работаю. Бывает, импортную аппаратуру чиню такую, за которую никто не берётся. Так сказать, хлеб насущный.

«Неплохой хлеб, — подумал Петров, скользя взглядом по коврам и тяжёлой старинной мебели. — И чего человеку не хватает? Талантище какой, собрал установку, о которой наука пока и мечтать не может, так ведь нет! Лезет с поразительным упорством туда, где талант его не действует. А сколько ещё таких — издёрганых, неудовлетворённых? Всё-таки жестока жизнь».

Бухгалтер потёр виски и сказал;

— Мне кажется, вы взяли не за своё дело. Посмотрите: все ваши образы, созданные при помощи машины, ужасающе скучны, вторичны. Это не люди, а манекены бездушные. А ведь настоящие литературные герои — шагающие в вечность!

— Как вы смеете! — взорвался Органов. — Да что вы в этом смыслите?! Ко мне давеча писатель знакомый заходил, так такого мушкетёра создал, что помереть со страху можно! А ведь профессионал!

— Да поймите же! — Петров начал злиться. — Штамп остаётся штампом, что в голове, что в машине. Глядя на ваших героев, невозможно отделаться от ощущения, что видел их тысячи раз. Поверьте, вы ошиблись в выборе цели. В вас пропадает великий изобретатель!

— Умный какой! — закричал разъярённый Органов. — В тебе-то кто пропадает?!

«А действительно, кто? — с грустью подумал Петров. — Плохой бухгалтер, неудавшийся муж... У Органова — талант на поверхности, только он его не замечает. А у меня-то где? Кто во мне пропал?»

— То-то же, — смягчился Органов. — Сначала о себе надо подумать, а потом других учить. Попробуйте сами создать что-нибудь... шагающее в вечность! А я посмеюсь.

«И попробую!» — вдруг решил Петров.

Его начала бесить безапелляционность органовских суждений. К тому же стало обидно. За что именно — Петров сформулировать не мог. Просто обидно и всё!

Он пересёк комнату, погрузился в мягкое кресло и нацепил провода на лысину. Попытался сосредоточиться, но мысли разбежались, путались. Решимость и уверенность таяли.

Петров уже хотел было встать из-за стола и расписаться в своём бессилии, но вдруг вспомнил, какие чудесные — отчётливые, как на цветном снимке, образы рождались в его голове, когда он въезжал в старинный особняк, бродил по усыпанным жёлтым листом скверам, дотрагивался до бурых, отполированных веками стен. Дом представился ему батареей, генератором фантазии, в стенах которого должно получаться всё!

Бухгалтер плотнее вжался в спинку кресла и огляделся. Взгляд его остановился на прекрасной фотографии тигра, дремавшего в зарослях зелёного бамбука.

«Чудесная кошка!» — подумал Петров и почувствовал, что ему хочется создать нечто подобное.

Он закрыл глаза и представил себе жёлтый с чёрточкой глаз, широкие мягкие лапы, кожаный влажный нос, искорку на кончике клыка...

Когда он очнулся, посреди комнаты на ковре лежал бело-палевый, с темными полосами тигр. Морда — на лапах, хвост вытянут.

— Боже мой! — раздалось откуда-то сбоку. Бухгалтер повернулся. Глаза Органова вылезли из орбит. — Как живой!

Петров почувствовал прилив гордости.

Тигр проснулся, потянулся и беззвучно зевнул. Затем он поднялся и с интересом уставился на людей.

Бухгалтер почувствовал себя неудобно. Он снял с головы провода и принялся считать. Досчитав до сорока, а потом и до ста, Петров понял, что его фантом относится к долгожителям.

Тигр выпустил когти, снова втянул их в подушечки лап и двинулся к столу.

— Чёрт побери! — крикнул Органов и запустил в кошку пепельницей. Бронзовая раковина ударилась о полосатый бок и отскочила! Тигр зарычал.

— Живой... — выдохнул бухгалтер, покрываясь холодным потом. Органов пришёл в себя и, ругаясь, принялся сдирать саблю со стены.

— Клетку! Срочно представляйте клетку! — кричал он окаменевшему Петрову.

Бухгалтер дрожащими пальцами нацепил корону. «Каким же я его себе представлял: сытым или голодным?» — крутилось в голове.

— Клетку! Клетку!!! — ревел Органов, заглушая рёв тигра.

Петров закрыл глаза и начал создавать образ надёжной, плетёной решётки...

Библиография

Составитель – В. Вельчинский

КЛИМОВ АЛЕКСАНДР ВСЕВОЛОДОВИЧ (1959)

[1984, 1985, 1986, 1987, 1992, 1994]

ЖУРНАЛЫ

ИСКАТЕЛЬ (Москва)

1985 № 2 – Сад Геспарид: Фантаст. рассказ / Рис. В. Лукьянца. – С. 82-97, 3 с. обл.

1986 № 5 – Повелитель: Фантаст. рассказ / Худож. В. Неволин. – С. 2 с. обл., 70-80.

1987 № 5 – Сельва: Фантаст. повесть / Худож. Г. Комаров. – С. 2 с. обл., 66-121.

ЮНЫЙ ТЕХНИК (Москва)

1984 № 11 – Кинозал на «Альбатросе»: Фантаст. рассказ / Рис. А. Митрофанова. – С. 40-47.

СОКОЛ (Москва)

1994 № 1 (9) – Сельва: Фантаст. повесть. – С. 207-269.

СБОРНИКИ

НФ: Сборник научной фантастики. Выпуск 36 / Сост. В. Ревич. – М.: Знание, 1992. – 208 с. – 390.000 экз.

Из содерж.: Шагающие в вечность: Фантаст. рассказ. – С. 68-78.

ПЕРСОНАЛИЙ

Кинозал на «Альбатросе»: Фантаст. рассказ / Рис. А. Митрофанова. // Юный техник, 1984, № 11. – С. 40-47.

Повелитель: Фантаст. рассказ / Худож. В. Неволин. // Искатель, 1986, № 5. – С. 2 с. обл., 70-80.

Сад Геспарид: Фантаст. рассказ / Рис. В. Лукьянца. // Искатель, 1985, № 2. – С. 82-97, 3 с. обл.

Сельва: Фантаст. повесть / Худож. Г. Комаров. // Искатель, 1987, № 5. – С. 2 с. обл., 66-121.

Сельва: Фантаст. повесть // Сокол, 1994, № 1 (9). – С. 207-269.

Шагающие в вечность: Фантаст. рассказ. – Сб. НФ: Сборник научной фантастики. Выпуск 36, 1992. – С. 68-78.

КЛИМОВ АЛЕКСАНДР ВСЕВОЛОДОВИЧ (1959),
БЕЛОГРУД ИГОРЬ НИКОЛАЕВИЧ (1959)
[1984,1985,1986,1987,1988]

ЖУРНАЛЫ

ЗЕМЛЯ И ВСЕЛЕННАЯ (Москва)

1986 № 2 – Таможня: [Рассказ] / Рис. А. Хорькова. – С. 68-73.

ЗНАНИЕ-СИЛА (Москва)

1986 № 7 – Кошей: [Юмореска] – С. 46-48.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ И РАЦИОНАЛИЗАТОР (Москва)

1985 № 11 – Гений: [Юмореска] / Примеч. ред. – С. 38-39.

ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК (Москва)

1987 № 8 – Продавец попугаев: Рассказ / Рис. И. Гончарука. – С. 63-66.

ТЕХНИКА – МОЛОДЁЖИ (Москва)

1985 № 1 – Робот, друг человека: [Рассказ] / Примеч. ред.; Рис. Р. Авотина. – С. 54-57.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ (Свердловск)

1987 № 6 – Земля на ладонях: [Рассказ] / Рис. Д. Литвинова. – С. 19-22.

ЭНЕРГИЯ (Москва)

1984 № 9 – Цветок: Фантаст. рассказ / Рис. – С. 60-62.

1988 № 4 – Плярий «С»: Фантаст. рассказ / Рис. С. Стихина. – С. 60-62.

ЮНЫЙ ТЕХНИК (Москва)

1985 № 4 – Звёздный зоопарк: Фантаст. рассказ / Рис. А. Назаренко. – С. 40-48.

1985 № 11 – Заяц: Фантаст. рассказ / Рис. Г. Алексева. – С. 46-53.

1986 № 6 – Редкая специальность: Фантаст. рассказ / Оформл. А. Назаренко. – С. 48-53.

1987 № 6 – Земля на ладонях: Фантаст. рассказ / Рис. – С. 46-53.

ПЕРСОНАЛИЙ

Гений: [Юмореска] / Примеч. ред. // Изобретатель и рационализатор, 1985, № 11. – С. 38-39.

Заяц: Фантаст. рассказ / Рис. Г. Алексева. // Юный техник, 1985, № 11. – С. 46-53.

Звёздный зоопарк: Фантаст. рассказ / Рис. А. Назаренко. // Юный техник, 1985, № 4. – С. 40-48.

Земля на ладонях: Фантаст. рассказ / Рис. // Юный техник, 1987, № 6. – С. 46-53.

Земля на ладонях: [Рассказ] / Рис. Д. Литвинова. // Уральский следопыт, 1987, № 6. – С. 19-22.

Кощей: [Юмореска] // Знание-сила, 1986, № 7. – С. 46-48.

Плярий «С»: Фантаст. рассказ / Рис. С. Стихина. // Энергия, 1988, № 4. – С. 60-62.

Продавец попугаев: Рассказ / Рис. И. Гончарука. // Природа и человек, 1987, № 8. – С. 63-66.

Редкая специальность: Фантаст. рассказ / Оформл. А. Назаренко. // Юный техник, 1986, № 6. – С. 48-53.

Робот, друг человека: [Рассказ] / Примеч. ред.; Рис. Р. Авотина. // Техника – молодёжи, 1985, № 1. – С. 54-57.

Таможня: [Рассказ] / Рис. А. Хорькова. // Земля и вселенная, 1986, № 2. – С. 68-73.

Цветок: Фантаст. рассказ / Рис. // Энергия, 1984, № 9. – С. 60-62.

Содержание

И. Белогруд, А. Климов. Цветок. Рассказ	3
А. Климов. Кинозал на «Альбатросе». Рассказ	8
А. Климов, Игорь Белогруд. Робот, друг человека. Рассказ	15
А. Климов. Сад Гесперид. Рассказ.....	25
А. Климов, И. Белогруд. Звёздный зоопарк. Рассказ.....	41
А. Климов, И. Белогруд. Гений. Юмореска	50
А. Климов, И. Белогруд. Заяц. Рассказ.....	56
И. Белогруд, А. Климов. Земля на ладонях. Рассказ.....	64
А. Климов, И. Белогруд. Земля на ладонях. Рассказ.....	72
А. Климов, И. Белогруд. Таможня. Рассказ	78
И. Белогруд, А. Климов. Редкая специальность. Рассказ	85
И. Белогруд, А. Климов. Кощей. Юмореска.....	90
А. Климов. Повелитель. Рассказ	98
А. Климов, И. Белогруд. Продавец попугаев. Рассказ.....	110
А. Климов. Сельва. Повесть	119
А. Климов, И. Белогруд. Плярий «С». Рассказ.....	175
А. Климов. Шагающие в вечность. Рассказ	179
Библиография	189